

**Кавказ как связующее звено между
Восточной Европой и Передним Востоком:
диалог культур, культура диалога**
(к 140-летию Александра А. Миллера)

**Der Kaukasus im Spannungsfeld
zwischen Osteuropa und Vorderem Orient:
Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges**
(im Gedenken an den 140. Geburtstag
von Alexander A. Miller)

РОССИЙСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

Санкт-Петербург 05-08.10.2015 Sankt Petersburg

Unterstützt von / Supported by

Alexander von Humboldt
Stiftung / Foundation

Санкт-Петербург 05.-08.10.2015 Sankt Petersburg

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГЕРМАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ЕВРАЗИЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

Кавказ как связующее звено

между Восточной Европой и Передним Востоком:
диалог культур, культура диалога
(к 140-летию Александра А. Миллера)

Материалы Международной научной археологической
конференции и Гумбольдт-лектория
(5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург)

Санкт-Петербург
2015

Почетный Оргкомитет конференции:
чл.-корр. РАН, д.и.н., проф. *Михаил Б. Пиотровский*,
проф. д-р, мн. почетн. д-р *Герман Парцигер*, чл.-корр. РАН, д.и.н., проф. *Евгений Н. Носов*

Оргкомитет конференции:
к.и.н. *Алексей Д. Резепкин* (председатель), проф. д-р *Свенд Хансен* (председатель),
д.и.н. *Андрей Ю. Алексеев*, к.и.н. *Вадим А. Алёшкин*, к.и.н. *Майя Т. Кашуба* (секретарь),
Сергей В. Красниченко, *Юрий Ю. Пиотровский*, д.ф.н. *Сабине Райнхольд* (секретарь),
д.и.н. *Игорь Л. Тихонов*, к.и.н. *Виктор А. Трифионов*

Редакционная коллегия:
Майя Т. Кашуба, *Сабине Райнхольд*, *Вадим А. Алёшкин*,
Анжелина Дружинина (перевод на нем. яз.), *Иван Н. Лицук* (дизайн, верстка)

Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера): Материалы Международной научной конференции и Гумбольдт-лектория. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; Невская Книжная Типография, 2015. – 200 с.

ISBN 978-5-9907149-1-5

Настоящий сборник представляет собой материалы к Международной научной археологической конференции и Гумбольдт-лекторию, организуемых 5–8 октября 2015 г. в Санкт-Петербурге (Россия) при партнерском участии Института истории материальной культуры РАН, Евразийского отделения Германского археологического института и Государственного Эрмитажа. Мероприятие проводится Фондом им. Александра фон Гумбольдта по программе для стипендиатов-выпускников. Научный форум объединяет стипендиатов Фонда им. Александра фон Гумбольдта и представителей ведущих академических, университетских и музейных научных центров России, Республик Кавказа (Азербайджана, Армении, Грузии), Европы (Германии, Франции, Италии, Словакии, Польши, Республики Молдова) и Австралии. В центре внимания форума – обсуждение взаимодействий древних культур Кавказа как связующего звена между Восточной Европой и Передним Востоком в эпоху бронзы. Заседания посвящаются памяти Александра Александровича Миллера, который успешно сочетал блестящее европейское образование, немецкие корни, высокую русскую культуру и образованность. Дискуссия о культуре диалога в диалоге культур продолжает и укрепляет высокий научный уровень сотрудничества ученых из России, Германии, Республик Кавказа и Восточной Европы. Интенсивный «диалог методов» является неотъемлемой частью всех текущих международных проектов.

Сборник предназначен для археологов, этнографов, историков, студентов и всех интересующихся археологией и древней историей Евразии.

Проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-01-14008г, Фонда им. Александра фон Гумбольдта, а также российских и немецких организаций-участников.

- © ИИМК РАН, 2015
- © Евразийское отделение ДАИ, 2015
- © Государственный Эрмитаж, 2015
- © Авторы, 2015

ISBN 978-5-9907149-1-5

RUSSISCHE AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
INSTITUT FÜR GESCHICHTE DER MATERIELLEN KULTUR
DEUTSCHES ARCHÄOLOGISCHES INSTITUT
EURASIEN-ABTEILUNG
STAATLICHE EREMITAGE

Der Kaukasus im Spannungsfeld

zwischen Osteuropa und Vorderem Orient:

Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges

(im Gedenken an den 140. Geburtstag von Alexander A. Miller)

Internationale Fachtagung für die Archäologie und Humboldt-Kolleg
(5.–8. Oktober 2015, Sankt Petersburg)

Sankt Petersburg
2015

Schirmherrschaft:

Korr. Mitgl. RAW, Prof. Dr. *Michail B. Piotrovski*, Prof. Dr. Dr. h.c. mult. *Hermann Parzinger*,
korr. Mitgl. RAW, Prof. Dr. *Evenij N. Nosov*

Organisationskomitee:

Dr. *Aleksej D. Rezepkin* (Vorsitzender), Prof. Dr. *Svend Hansen* (Vorsitzender),
PD Dr. *Andrej Ju. Alekseev*, Dr. *Vadim A. Alekšin*, Dr. *Maja T. Kašuba* (Sekretariat),
Sergei V. Krasnienko, *Jurij Ju. Piotrovski*, PD Dr. *Sabine Reinhold* (Sekretariat),
PD Dr. *Igor L. Tichonov*, Dr. *Viktor A. Trifonov*

Redaktionskolleg:

Maja T. Kašuba, *Sabine Reinhold*, *Vadim A. Alekšin*,
Anjelina Družinina (Übersetzung ins Deutsch), *Ivan N. Litcuk* (Design, Layout)

Der Kaukasus im Spannungsfeld zwischen Osteuropa und Vorderem Orient: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges (im Gedenken an den 140. Geburtstag von Alexander A. Miller): Materialien der Internationalen Fachtagung und Humboldt-Kolleg. – Sankt Petersburg: IGMK RAW; Eurasien-Abteilung DAI; Nevskaja Kněžnaja Tipografija, 2015. – 200 S.

ISBN 978-5-9907149-1-5

Das vorliegende Heft enthält Vortragstitel und Abstracts der Internationalen Fachtagung für die Archäologie/Humboldt-Kolleg vom 5.–8. Oktober 2015 in Sankt Petersburg (Russland), ausgerichtet vom Institut für Geschichte der Materiellen Kultur der Russischen Akademie der Wissenschaften, der Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologischen Institutes und der Staatlichen Eremitage. Die Veranstaltung wird als Humboldt-Kolleg der Alexander-von-Humboldt-Stiftung in deren Alumni-Programm durchgeführt. Dieses wissenschaftliche Forum führt Humboldtianer und Vertreter der führenden Institutionen, Universitäten und akademischen Zentren aus Europa (Deutschland, Frankreich, Italien, die Slowakei, Polen, Republik Moldova), Russlands, der Republiken des Kaukasus (Aserbaidschan, Armenien, Georgien) und Australiens zusammen. Im Zentrum des Humboldt-Kollegs sollen die gegenseitigen kulturellen Wechselwirkungen Kaukasiens als Mittler zwischen den angrenzenden Regionen Osteuropas und des Vorderen Orients während der Bronzezeit stehen. Anlass ist das Jubiläum des bedeutenden Archäologen Alexander A. Miller, dessen Ausbildung in Paris am Beginn des 20. Jahrhunderts die methodologische Entwicklung der russischen Archäologie stark mit geprägt hat. Der Kultur des Dialoges im Dialog der Kulturen soll in diesem Sinn nicht nur den europäischen Wurzeln in der Frühzeit seiner Erforschung gewidmet sein, sondern die exzellente wissenschaftliche Zusammenarbeit zwischen deutschen, russischen, kaukasischen und osteuropäischen Wissenschaftler- und Wissenschaftlerinnen nachhaltig fördern und intensivieren. Ein intensiver Dialog der Methoden ist integrativer Bestandteil fast aller aktuellen Forschungsprojekte, deren Ergebnisse im geplanten Kolleg diskutiert werden sollen.

Die Sammlung richtet sich an Archäologen, Ethnographen, Historiker, Studenten und Interessierte an der Archäologie und Alten Geschichte Eurasiens.

Die Tagung wird durch die Alexander von Humboldt Stiftung, die Russische Stiftung für Geistes- und Sozialwissenschaften (RGNF), Projektnummer 15-01-14008z und den organisierenden Institutionen aus Deutschland und Russland unterstützt.

© IGMK RAW, 2015

© Eurasien-Abteilung DAI, 2015

© Staatliche Eremitage, 2015

© Autoren, 2015

ISBN 978-5-9907149-1-5

СОДЕРЖАНИЕ | INHALTSVERZEICHNIS

Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера) Der Kaukasus im Spannungsfeld zwischen Osteuropa und Vorderem Orient: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges (im Gedenken an den 140. Geburtstag von Alexander A. Miller)	15
--	----

Презентации | Präsentationen

Фонд им. Александра фон Гумбольдта Alexander von Humboldt Stiftung	21
Германский дом науки и инноваций (DWIN) в Москве. Германская служба академических обменов (DAAD) Deutsches Wissenschafts- und Innovationshaus (DWIH) Moskau. Deutscher akademischer Austauschdienst (DAAD)	23
Немецкое научно-исследовательское сообщество (DFG) Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG)	26

Александр А. Миллер и кавказская археология – традиции и перспективы | Alexander A. Miller und die Kaukasische Archäologie – Tradition und Perspektiven

Вадим А. Алёшкин (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Александр А. Миллер, исследователь древних и традиционных культур Кавказа Vadim A. Alekšin (<i>St. Petersburg, Russland</i>), Alexander A. Miller und seine Arbeit zur antiken und traditionellen Kulturen des Kaukasus	29
Ольга В. Григорьева, Наталия А. Лазаревская (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Материалы Александра А. Миллера в фондах Научного архива ИИМК РАН Olga V. Grigorjeva, Natalia A. Lazarevskaja (<i>St. Petersburg, Russland</i>), Materialien von Alexander A. Miller im wissenschaftlichen Archiv des Instituts für Geschichte der Materiellen Kultur der Russischen Akademie der Wissenschaften	33
Игорь Л. Тихонов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Александр А. Миллер и его учитель Фёдор К. Волков Igor L. Tichonov (<i>St. Petersburg, Russland</i>), Alexander A. Miller und sein Lehrer Fedor K. Wolkow	38
Владимир А. Дмитриев (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Александр А. Миллер и Этнографический отдел Русского музея (1908–1932) Vladimir A. Dmitriev (<i>St. Petersburg, Russland</i>), Alexander A. Miller und die Ethnographische Abteilung des Russischen Museums (1908–1932)	43

Даниэль Кельтербаум, Удо Шлотцауер, Денис В. Журавлёв (Анка Дан, Ханс-Йоахим Герке) (*Кёльн, Берлин, Фрайбург, Германия; Москва, Россия; Париж, Франция*), Реконструкция ландшафта и историческая география Таманского полуострова – новые германо-российские раскопки |
Daniel Kelterbaum, Udo Schlotzhauer, Denis V. Žuravlev (Anca Dan, Hans-Joachim Gehrke) (*Köln, Berlin, Freiburg, Deutschland; Moskau, Russland; Paris, Frankreich*), Landschaftsrekonstruktion und historische Geographie der Taman-Halbinsel – Neue deutsch-russische Ausgrabungen 46

Герман Парцингер, Антон Гасс, Йорг Фассбиндер, Андрей Б. Белинский (*Берлин, Мюнхен, Германия; Ставрополь, Россия*), Междисциплинарные исследования могильников с большими курганами раннего железного века на Северном Кавказе |
Hermann Parzinger, Anton Gass, Jörg Faßbinder, Andrej B. Belinskij (*Berlin, München, Deutschland; Stawropol, Russland*), Interdisziplinäre Erforschung der Gräberfelder mit früheisenzeitlichen Großkurganen im Nordkaukasus 49

Сергей В. Кузьминых (*Москва, Россия*), Кавказ в археологических исследованиях А. М. Тальгрена: неисполнимая мечта |
Sergei V. Kuzminykh (*Moskau, Russland*), Der Kaukasus in den archäologischen Forschungen von A. M. Talgrens: ein nichterfüllter Traum 53

Майя Т. Кашуба (*Санкт-Петербург, Россия*), Культурогенез: значимое понятие в русскоязычной археологии |
Maja T. Kašuba (*St. Petersburg, Russland*), Kulturgeneese: zu einem bedeutenden Begriff der russischsprachigen Archäologie 58

Олег В. Шаров (*Санкт-Петербург, Россия*), Концепция Г.-Ю. Эггерса о «живой» и «мертвой» культуре |
Oleg V. Šarov (*St. Petersburg, Russland*), Hans Jürgen Eggers' Konzeption von der «lebenden» und «toten» Kultur 63

Археология Кавказа в IV–II тыс. до н.э. | Archäologie Kaukasiens im 4. bis 2. Jahrtausend v.Chr.

Кросс-культурные взаимодействия | Übergreifende Perspektiven

Свенд Хансен (*Берлин, Германия*), Технические и социальные инновации на Кавказе в IV тыс. до н.э. |
Svend Hansen (*Berlin, Deutschland*), Technische und soziale Innovationen im Kaukasus während des 4. Jt. v.Chr. 67

Евгений Н. Черных (*Москва, Россия*), Кавказ в системе взаимодействий культур степных скотоводов Севера и оседлых земледельцев Юга (эпоха раннего металла) |
Evgenij N. Černych (*Moskau, Russland*), Der Kaukasus im System der Wechselwirkung zwischen den Kulturen der Steppenviehzüchter des Nordens und der sesshaften Ackerbauern des Südens (frühe Metallzeit) 68

Любовь Б. Кирчо (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Культурные трансляции и формирование направлений Великого Шелкового пути в Средней Азии во второй половине IV – начале II тыс. до н.э.	
Ljubow B. Kirčo (<i>St. Petersburg, Russland</i>), Die Seiden Straße: kulturelle Einflüsse und Zweige in Mittelasien von der zweiten Hälfte des 4. bis Anfang des 2. Jts. v.Chr.	72
Вадим С. Бочкарёв (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Хронология металлопроизводства в эпоху поздней бронзы южной половины Восточной Европы (зона степи и лесостепи	
Vadim S. Bočkarëv (<i>St. Petersburg, Russland</i>), Die Chronologie der Metallproduktion während der späten Bronzezeit im Süden Osteuropas (Steppe und Waldsteppe)	76
Тудор Сорочяну, Еуджен Сава (<i>Берлин, Германия; Кишинэу, Республика Молдова</i>), Металлические сосуды между Карпатами, Северным Кавказом и Уралом в эпоху бронзы и в раннем железном веке. Предварительный анализ согласно ареалу этой категории находок	
Tudor Sorocëanu, Eugen Sava (<i>Berlin, Deutschland; Chişinău, Republik Moldau</i>), MetallgefäÙe zwischen Karpaten, Nordkaukasus und Ural während der Bronze- und Früheisenzeit. Vorläufige Betrachtungen auf Grund der Verbreitung dieser Fundkategorie	85
Юрий Ю. Пиотровский (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Майкопский курган – экстраординарный памятник Евразии IV тыс. до н.э.	
Jurij Ju. Piotrovski (<i>St. Petersburg, Russland</i>), Der Kurgan von Majkop – Ein außerordentliches Denkmal Eurasiens aus dem 4. Jt. v.Chr.	90
Мажена Шмит (<i>Познань, Польша</i>), Кавказ и дальние западные контакты в IV и III тыс. до н.э.? Факты, концепции, дискуссии	
Marzena Szmyt (<i>Poznan, Poland</i>), Caucasus and distant west connections in the 4th and 3rd mill. BC? Facts, concepts, discussions	92
Елена Рова (<i>Венеция, Италия</i>), Единая терминология для раннего бронзового века Кавказа: важная и достижимая цель?	
Elena Rova (<i>Venice, Italy</i>), A Unified Terminology for the Caucasian Early Bronze Age: A worthy and achievable target?	96
Йозеф Батора (<i>Братислава, Словацкая Республика</i>), Кавказ и Среднедунайско-Карпатский регион в конце энеолита и раннем бронзовом веке (исследование трансферта технологий и знаний в металлургии)	
Jozef Batora (<i>Bratislava, Slowakische Republik</i>), Das Gebiet des Kaukasus und der Mitteldonau-Karpaten Raum am Ende des Äneolithikums und in der frühen Bronzezeit (Beitrag zum Transfer der Technologien und der Kenntnisse in der Metallurgie)	98
Алексей Д. Резепкин (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Северный Кавказ в раннем бронзовом веке	
Alexej D. Rezepkin (<i>St. Petersburg, Russland</i>), Der Nordkaukasus in der Frühen Bronzezeit	100

- Антонио Сагона** (*Мельбурн, Австралия*), Начало раннего бронзового века на Южном Кавказе: новые перспективы изучения культурных взаимодействий внутри и за пределами Кавказа |
Anthony Sagona (*Melbourne, Australia*), The Beginning of the Early Bronze Age in the Southern Caucasus: New Perspectives on Cultural Interaction within and beyond the Caucasus 105
- Зураб Махарадзе** (*Тбилиси, Грузия*), Курганы раннего бронзового века Восточной Грузии |
Zurab Makharadze (*Tiflis, Georgien*), Kurgane der Frühbronzezeit in Ostgeorgien 107
- Анатолий Наглер** (*Берлин, Германия*), Новые междисциплинарные археологические исследования большого кургана в Центральном Предкавказье |
Anatoli Nagler (*Berlin, Deutschland*), Neue interdisziplinäre archäologische Untersuchungen eines Großkurgans im zentralen Kaukasusvorland 110
- Культурогенез, трансферт знаний и хронология |
 Kulturgenese, Wissenstransfer und Chronologie*
- Виктор А. Трифонов** (*Санкт-Петербург, Россия*), Горы и равнины: модель культурного развития Западного Кавказа в V–III тыс. до н.э. |
Viktor A. Trifonov (*St. Petersburg, Russland*), Berge und die Ebenen: ein Modell der kulturellen Entwicklung im westlichen Kaukasus im 5. und 3. Jt. v.Chr. 113
- Сергей М. Осташинский, Евгений А. Черленок** (*Санкт-Петербург, Россия*), Стратиграфия навеса Мешоко и проблема соотношения культур энеолита и бронзового века на Северо-Западном Кавказе |
Sergei M. Ostašinskij, Evgenij A. Čerlenok (*St. Petersburg, Russland*), Die Stratigraphie des Abri Mešoko und das Problem der Wechselbeziehungen der Kulturen des Äneolithikum und der Bronzezeit in Nordwestkaukasien 117
- Наджаф Мусеибли** (*Баку, Азербайджан*), Ближневосточно-кавказские связи в IV тыс. до н.э. в контексте лейлатепинской и майкопской культур |
Najaf Museibli (*Baku, Azerbaijan*), Near East-Caucasian relations in the 4th mill. BC in the context of Leyla-Tepe and Maikop cultures 121
- Рауф М. Мунчаев, Шахмардан Н. Амиров** (*Москва, Россия*), Лейлатепинская культура и Кавказ |
Rauf M. Munčayev, Shachmardan N. Amirov (*Moscow, Russia*), Leyla-Tepe culture and the Caucasus 126
- Вероника Я. Стёганцева** (*Санкт-Петербург, Россия*), Истоки и хронология раннекатакомбного обряда на Северном Кавказе |
Veronika Ja. Steganceva (*St. Petersburg, Russland*), Quellen und Chronologie der frühen Katakombenbestattung in Nordkaukasien 130

Элеонора Карминати (*Мельбурн, Австралия*), Эффективное использование высокогорий и низменностей Южного Кавказа в Раннем курганном периоде | **Eleonora Carminati** (*Melbourne, Australia*), South Caucasian highlands and lowlands management during the Early Kurgan period 134

Алексей А. Ковалёв (*Москва, Россия*), Относительная хронология погребальных комплексов раннего периода среднего бронзового века Центрального Предкавказья в контексте окружающих территорий | **Aleksej A. Kovalev** (*Moskau, Russland*), Relative Chronologie der Grabkomplexe der frühen Periode der mittleren Bronzezeit im zentralen Kaukasusvorland im Kontext mit den umliegenden Territorien 135

Михаил Б. Рысин (*Санкт-Петербург, Россия*), Триалетская культура и финал кавказского очага культурогенеза | **Michail B. Rysin** (*St. Petersburg, Russland*), Die Trialeti-Kultur und das Ende des Kaukasischen Herdes der Kulturgenese 143

Сабине Райнхольд, Андрей Б. Белинский (*Берлин, Германия; Ставрополь, Россия*), О культурогенетических процессах в позднем бронзовом веке на Северном Кавказе | **Sabine Reinhold, Andrej B. Belinskij** (*Berlin, Deutschland; Stawropol, Russland*), Zur Kulturgenese der Spätbronzezeit im Nordkaukasus 147

Дмитрий С. Коробов, Александр В. Борисов (*Москва, Пушино, Россия*), Террасное земледелие кобанской культуры в Кисловодской котловине | **Dmitrij S. Korobov, Alexander V. Borisov** (*Moskau, Pušino, Russland*), Die Terreassenfeldwirtschaft der Koban-Kultur im Talkessel von Kislovodsk 150

Александр Ю. Скаков (*Москва, Россия*), К вопросу о механизмах формирования колхидских древностей Западного Закавказья | **Aleksander Ju. Skakov** (*Moskau, Russland*), Zur Frage des Mechanismen der Formierung der kolchischen Antike im Westlichen Transkaukasien 154

*Технологии, инновации и современные естественнонаучные подходы в дискуссиях |
Technologien, Innovationen und moderne naturwissenschaftliche Ansätze
in der aktuellen Diskussionen*

Артём В. Недолужко, Евгения С. Булыгина, Алексей С. Соколов, Светлана В. Цыганкова, Наталия М. Груздева, Александр В. Шишлов, Алиса В. Колпакова, Алексей Д. Резепкин, Егор Б. Прохорчук (*Москва, Новороссийск, Санкт-Петербург, Россия*), Исследование археологических культур Северного Кавказа современными методами генетики | **Artem V. Nedolužko, Evgenija S. Bulygina, Aleksej S. Sokolov, Svetlana V. Tzygankova, Natalija M. Gruzdeva, Alexander V. Šišlov, Alisa V. Kolpakova, Aleksej D. Rezepkin, Egor B. Prochorčuk** (*Moskau, Noworossijsk, St. Petersburg, Russland*), Untersuchungen archäologischer Kulturen des Nordkaukasus mit aktuellen Methoden der Genetik 160

- Вольфганг Хаак** (*Йена, Германия*), Роль Кавказа в формировании генетического состава Евразии: идеи и вопросы в связи с изучением древней ДНК |
Wolfgang Haak (*Jena, Germany*), The role of the Caucasus in the formation of the Eurasia's genetic makeup: insights and questions from ancient DNA research 164
- Эрнст Перничка** (*Маннхайм/Хайдельберг, Германия*), Производство и распространение мышьяковой меди в IV тыс. до н.э. |
Ernst Pernička (*Mannheim/Heidelberg, Deutschland*), Production and distribution of arsenical copper in the 4th mill. BC 166
- Галина Н. Поплевко** (*Санкт-Петербург, Россия*), Технология изготовления керамики в энеолите – раннем бронзовом веке на Северо-Западном Кавказе |
Galina N. Poplevko (*St. Petersburg, Russland*), Technologie der Keramikproduktion vom Äneolithikum bis in die Frühe Bronzezeit im Nord-Westkaukasus 169
- Рубен С. Бадалян** (*Ереван, Республика Армения*), Obsидиан Армении в контексте локальных и межрегиональных связей |
Ruben S. Badaljan (*Jerewan, Republik Armenien*), Der Obsidian Armeniens im Kontext lokaler und interregionaler Verbindungen 174
- Эльке Кайзер, Симона Милето** (*Берлин, Германия*), Стратегии существования и питания в степях Северного Причерноморья в 3500–2500 гг. до н.э. |
Elke Kaiser, Simona Mileto (*Berlin, Deutschland*), Subsistenz- und Ernährungsstrategien in der nordpontischen Steppe zwischen 3500 und 2500 v.Chr. 178
- Наталья И. Шишлина** (*Москва, Россия*), Идентификация сезонных и длительных миграций населения южнорусских степей и Северного Кавказа в бронзовом веке по данным геохимического анализа |
Natalija I. Šišlina (*Moskau, Russland*), Identifikation der saisonalen und ständigen Migrationen der Bevölkerung der südrussischen Steppen und Nordkaukasiens in der Bronzezeit nach Angaben der geochemischen Analyse 180
- Трансферт знаний |
Wissenstransfer**
- Сергей Н. Корневский** (*Москва, Россия*), Миф о Древе Жизни по данным ваз из Хафаджи (Месопотамия), Джирофта (Иран) и Майкопского кургана, IV–III тыс. до н.э. |
Sergei N. Korenevskiy (*Moscow, Russia*), The myth of the «Tree of Life» according to the cups from Khafaje (Mesopotamia), Jiroft (Iran) and Maikop kurgan, 4–3 mill. BC 185
- Благое Говедарица** (*Берлин, Германия*), Изобразительное искусство майкопской культуры |
Blagoje Govedarica (*Berlin, Deutschland*), Bildende Kunst in der Majkop-Kultur 189

- Игорь В. Манзура** (*Кишинэу, Республика Молдова*), Статуэтки в погребении: правило и исключения в позднеэнеолитической погребальной традиции Северного Причерноморья |
- Igor V. Manzura** (*Chişinău, Republik Moldau*), Figurinen in Grab: Regel und Ausnahme in der Spätkupferzeitliche Beerdigungstradition des Nordpontischen Gebietes 191
- Ольга А. Брилева** (*Москва, Россия*), Истоки формирования и сравнительный анализ святилищ с бронзовой антропоморфной пластикой Кавказа и Переднего Востока (IV–I тыс. до н.э.) |
- Olga A. Brileva** (*Moskau, Russland*), Quellen und vergleichende Analyse von Heiligtümern mit anthropomorpher Bronzeplastik Kaukasiens und des Vorderen Orients (4.–1. Jt. v.Chr.) 195

Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера) |

Der Kaukasus im Spannungsfeld zwischen Osteuropa und Vorderem Orient: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges (im Gedenken an den 140. Geburtstag von Alexander A. Miller)

Международная научная археологическая конференция и Гумбольдт-лекторий *Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера)* посвящены культурным взаимодействиям Кавказа как посредника между смежными областями Восточной Европы и Переднего Востока в эпоху бронзы.

Во все времена Кавказ с его разнообразными ландшафтами являлся регионом культурного разнообразия и мостом трансферта технических и социальных инноваций между высокими культурами Переднего Востока и евразийской степной зоны. Особенно в эпоху бронзы с IV по II тыс. до н.э. для этих смежных областей Кавказ играл ведущую роль как поставщик металлических руд. Технические инновации преодолевали эти мнимые барьеры, а культу-

Im Zentrum der Internationalen Fachtagung für die Archäologie und des Humboldt-Kollegs *Der Kaukasus im Spannungsfeld zwischen Osteuropa und Vorderem Orient: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges (im Gedenken an den 140. Geburtstag von Alexander A. Miller)* sollen die gegenseitigen kulturellen Wechselwirkungen Kaukasiens als Mittler zwischen den angrenzenden Gebieten Osteuropas und des Vorderen Orients während der Bronzezeit stehen.

Kaukasien, landschaftlich stark gegliedert, war zu allen Zeiten eine Region kultureller Vielfalt und eine Brücke im Transfer technischer und sozialer Neuerungen zwischen den Hochkulturen des Vorderen Orients und der eurasischen Steppenzonen. Der Kaukasus spielte vor allem in der Bronzezeit vom 4. bis 2. Jt. v.Chr. in beiden angrenzenden Landschaftszonen eine entscheidende Rolle für die Rohstoffversorgung mit Metall.

ры гор и предгорий были источниками нового образа жизни, в том числе в степях. Диалог культур в этом регионе, чье стратегическое значение сказывается и в сегодняшних политических реалиях, происходил в разных сферах, чему и посвящен этот научный форум:

Освоение природных ресурсов, **генезис культурного пространства Кавказа** как самобытного явления и в кооперации с окружающими сообществами.

Труднодоступные регионы Кавказа были привлекательны своими разнообразными ресурсами, а сырьевой обмен стимулировал **трансферт знаний и умений**. Перевалочные дороги открывали пути **техническим и социальным инновациям**, что вело к глубоким социальным изменениям в эпоху бронзы также в соседних регионах.

Кавказ, безусловно, не был периферией и слабо развитым регионом, но мотором многих культурных процессов, что в последнее время становится все более очевидно благодаря коренному пересмотру **хронологических соотношений** между древними культурами Кавказа, Переднего Востока и Европы. С тех пор как радиоуглеродные датировки и первые дендрохронологические данные подтвердили, что майкопская культура раннего бронзового века с ее сенсационными погребениями датируется около середины IV тыс. до н.э., и тем самым древ-

Die Weitergabe technischer Innovationen erfolgte über diese scheinbare Barriere hinweg, und die Kulturen des Gebirges und Vorgebirges waren Quell für die Erschließung neuer Lebensräume unter anderem in der Steppe. Der Dialog der Kulturen in dieser Region, deren strategische Bedeutung sich noch in heutigen politischen Konstellationen zeigt, fand auf sehr verschiedenen Ebenen statt. Ihnen soll sich die geplante Konferenz widmen:

Es ist die Aneignung und Auseinandersetzung mit dem Naturraum, **die Genese des Kulturraums Kaukasiens** zwischen und mit seinen Nachbarn.

Verschiedenste Ressourcen machten auch schwer zugängliche Regionen attraktiv und regten mit dem Rohmaterialaustausch den **Transfer von Informationen und Wissen** an. Transferrouten über die Berge öffneten **technischen und sozialen Innovationen** die Wege und führten zu tiefgreifenden sozialen Veränderungen im Laufe der Bronzezeit auch in den Nachbarregionen.

Kaukasien war augenscheinlich keine periphere, unterentwickelte Region, sondern Motor vieler kultureller Prozesse, was sich auch durch die in den vergangenen Jahren grundlegend gewandelten **chronologischen Bezüge** zwischen Vorderem Orient und Europa immer deutlicher zeigt. Seitdem Radio-karbondatierungen und erste dendrochronologische Daten belegen,

нее на 1000 лет, чем до сих пор было принято, в новом свете предстают культурно-исторические связи как внутри Кавказа, так и с Закавказьем, Месопотамией, а также с Европой. Здесь уникальным образом переплелись нововведения, оказав экономическое и социально значимое влияние на соседние культуры. Наряду с медью и золотом встречается и первое серебро, а из ранних изделий из металла – эффективное боевое оружие, каковым являлись получившие широко распространение проушные топоры. С индивидуальными захоронениями под огромными курганами, которые относятся к древнейшим монументальным сооружениям человечества, впервые связаны социально выделенные индивиды. Следствием этого явилось новое освоение окружающей среды. При этом зародился культурный ландшафт с монументальной погребальной архитектурой, в III и II тыс. до н.э. распространившейся на широких просторах Евразии. Изучение процессов, имевших место во II тыс. до н.э., благодаря современным исследованиям, начатым по стипендии Теодор Люнен Фонда им. Александра фон Гумбольдта, также изменило наши представления о культурогенетических процессах и хронологии позднего бронзового века.

Современные естественнонаучные методы, применение которых широко развернулось благо-

дасс die frühbronzezeitliche Majkop-Kultur mit ihren spektakulären Grabfunden vor oder um die Mitte des 4. Jt. v.Chr. datiert, und damit etwa tausend Jahre älter ist, als bisher angenommen, erscheinen die kulturgeschichtlichen Verbindungen nach Südkaukasien, nach Mesopotamien als auch nach Europa in einem neuem Licht. Hier bündeln sich Innovationen in einzigartiger Weise, die wirtschaftlich wie sozial erheblichen Einfluss auf die benachbarten Kulturen hatten. Zu Kupfer und Gold tritt erstmals Silber und aus den frühen Metallobjekten werden kriegstüchtige Waffen, wie die überregional verbreitete Schaftlochaxt. Mit Einzelbestattungen unter riesigen Hügeln, die zu den ältesten Monumenten der Menschheit gehören, wird zum ersten Mal sozial herausgehobene Individuen gedacht. Eine grundlegend neue intellektuelle Auseinandersetzung mit der Umwelt ist die Folge. Dabei wird der Keim für eine durch monumentale Grabarchitektur geprägte Landschaft gelegt, die sich im Verlauf des 3. und 2. Jts. v.Chr. über weite Teile Eurasiens ausbreiten sollte. Auch im 2. Jt. v.Chr. haben aktuelle Forschungen, die mit einem Feodor-Lynen-Projekt der Alexander-von-Humboldt Stiftung begannen, wegweisend die Kulturgenese und Datierungen am Ende der Bronzezeit verändert.

Moderne naturwissenschaftliche Methoden, für die ebenfalls internationale Projekte unter Beteiligung

даря международным проектам при участии Гумбольдистов, дают не только новые аргументы в изучение взаимодействия древних культур. Интенсивный диалог методов является неотъемлемой частью всех текущих международных проектов, результаты которых также будут обсуждаться на этом научном форуме.

На прошедших Гумбольдт-лекториях, посвященных археологии Черноморского бассейна (Тбилиси 2007 и Кишинэу 2009) или взаимодействию Южного Кавказа и Северной Месопотамии (Венеция 2013), Кавказ рассматривался лишь попутно: *finis terrae*, регион, где диалог заканчивается.

На научном форуме в Санкт-Петербурге этот важный геостратегический регион будет находиться в центре внимания специалистов. Какие культурные импульсы были усвоены? Какие инновации, как в технологической, так и в социальной сферах здесь были разработаны и/или переданы? Какие изменения были перенесены в соседние регионы, как быстро осуществлялся культурный трансферт и как при этом изменялись сами культуры?

Эти вопросы будут подниматься на научном форуме, структура которого построена таким образом, что в дискуссиях будут принимать участие не только специалисты по Кавказу, но также ученые, изучающие древности соседних регионов.

von Humboldtianern im Kaukasus Maßstäbe gesetzt haben, können nicht nur den Dialog der Kulturen über die Wechselbeziehungen der prähistorischen Kultur mit neuen Argumenten stützen. Ein intensiver Dialog der Methoden ist integrativer Bestandteil fast aller aktuellen Forschungsprojekte, deren Ergebnisse im geplanten Kolleg diskutiert werden sollen.

In vergangenen Humboldt-Kollegs zur Archäologie des Schwarzmeerraums (Tbilisi 2007 und Chişinău 2009) oder zur Wechselwirkung Südkaukasiens und Nordmesopotamiens (Venedig 2013) wurde der Kaukasus als Region bislang eher peripher betrachtet: *finis terrae*, der Punkt, an dem der Dialog endete.

Mit dem Kolleg in Sankt Petersburg in Russische Föderation soll diese geostrategisch so wichtige Region ins Zentrum gerückt werden. Welche kulturellen Impulse nahm sie auf? Welche Innovationen auf technologischer wie sozialer Ebene wurden hier entwickelt und/oder von dort aus weiter vermittelt? Wie wurden die Veränderungen in die Nachbarregionen übertragen, wie rasch erfolgte der Kulturtransfer und wie veränderten sich die Kulturen dabei?

Mit der Struktur der Konferenz sollen diese Fragen aufgegriffen und gezielt die Wechselwirkung Kaukasiens innerhalb und nach außen diskutiert werden. Konsequenz sollen die Beitragenden die innerkaukasischen Kulturbeziehungen in den Blick nehmen und Spezialisten

Известные специалисты из России, Германии, Республик Кавказа (Грузии, Азербайджана и Армении), Украины и Республики Молдова, среди которых около 15 бывших Гумбольдт и Теодор Люнен стипендиатов, будут изучать не только диалог культур эпохи бронзы во взаимодействии традиционного и чуждого. В нынешней политической обстановке, невзирая на современные границы и культурное разнообразие, диалог должен всячески укрепляться. Многочисленные корпоративные проекты в разных странах региона, развиваемые немецкой стороной, а также встречи людей разных национальностей, в том числе в рамках Гумбольдт-лекториев – это бесценная цементирующая основа, на базе которой набирает силу научное взаимодействие и диалог культур.

Общение вне национальностей, партикуляризм и других ограничений лежали в основе жизненного кредо русского археолога немецкого происхождения Александра Александровича Миллера, памяти которого посвящается этот научный форум. С полученным в Париже у Габриеля де Мортилье образованием в области только формирующейся дисциплины археологии, он являет собой замечательный пример европейского диалога в области культурной антропологии и археологии в начале XX в. Он внес не только существенный вклад в

für die Archäologie der Nachbarregionen sollen die Wirkung der Beziehungen in den kaukasischen Raum thematisieren.

Eine Gruppe international ausgewiesener Spezialisten aus Deutschland, der Russischen Föderation, den kaukasischen Republiken Georgien, Armenien und Azerbaijan sowie der Ukraine und Republik Moldova, zu denen über 15 ehemalige Humboldt- und Feodor-Lynen-Stipendiatinnen und Stipendiaten zählen, soll jedoch nicht nur den Dialog der bronzezeitlichen Kulturen in ihrer intellektuellen Auseinandersetzung mit Fremdem und Eigenem nachzeichnen. Im aktuellen politischen Klima muss der Dialog in dieser Region über politische Grenzen und kulturelle Ressentiments hinweg nicht nur erhalten sondern intensiviert werden. Kaukasische Grenzen trennen nicht nur Staaten. Sie haben in den vergangenen Jahrzehnten auch den wissenschaftlichen Austausch stark reduziert. Deutsche Kooperationsprojekte in den verschiedenen Ländern der Region aber auch die Treffen verschiedener Nationalitäten unter anderem im Rahmen von Humboldt-Kollegien sind heute ein unschätzbares forschungspolitisches Bindeglied und bilden das Rückgrat des wissenschaftlichen und kulturellen Dialoges.

Kommunikation über Grenzen von Nationalitäten, Partikularismen aber auch Methoden hinweg war auch Lebensinhalt des deutsch-

изучение древних культур Кавказа и Восточной Европы, но также являлся одним из тех ученых, чьи методические установки и постановка задач в исторической перспективе существенно повлияли на развитие археологии России и Кавказа. Его профессиональная деятельность охватила время Российской империи с Императорской Археологической комиссией и ранний советский период. Как и многие ученые своего времени, он был арестован в 1933 г. и умер в исправительно-трудовом лагере в 1935 г. Александр Александрович Миллер был реабилитирован в 1956 г., а его труды продолжают и сегодня вдохновлять исследователей. В этом смысле *дискуссия о культуре диалога в диалоге культур* продолжает и укрепляет высокий научный уровень сотрудничества ученых из разных стран.

stämmigen russischen Archäologen Alexander A. Miller, dessen Gedenken diese Konferenz gewidmet wird. Mit einer in Paris bei Gabrielle de Mortillet erhaltenen Ausbildung in der sich erst formenden Fachdisziplin der Archäologie, ist er ein hervorragendes Beispiel des europäischen Dialogs auf dem Gebiet der Kulturanthropologie und Archäologie im beginnenden 20. Jahrhundert. Er hat nicht nur einen wesentlichen Beitrag zur Erforschung der alten Kulturen des Kaukasus und Osteuropas geleistet, sondern war auch einer jener Gelehrten, dessen methodische Vorgehensweise und dessen historische Aufgabenstellung maßgeblich die Richtung der Archäologie Russlands und des Kaukasus beeinflussten. Seine berufliche Tätigkeit überspannt die Zeit des Zarenreichs mit der Kaiserlichen Archäologischen Kommission und die frühe sowjetische Periode. Wie viele Gelehrte seiner Zeit wurde er 1933 verhaftet und starb 1935 im Arbeitslager. Alexander A. Miller wurde erst 1956 rehabilitiert, sein Wirken inspiriert noch heute die Forschung. *Der Kultur des Dialoges im Dialog der Kulturen* soll in diesem Sinn nicht nur den europäischen Wurzeln in der Frühzeit seiner Erforschung gewidmet sein, sondern die exzellente wissenschaftliche Zusammenarbeit zwischen verschiedenen Wissenschaftlern aus zahlreichen Ländern nachhaltig fördern und intensivieren.

Презентации | Präsentationen

ФОНД ИМ. АЛЕКСАНДРА ФОН ГУМБОЛЬДТА

Фонд им. Александра фон Гумбольдта – некоммерческая организация, созданная в 1953 г. правительством Федеративной Республики Германия для поддержки научного сотрудничества между выдающимися иностранными и немецкими учеными. Фонд предоставляет иностранным ученым исследовательские стипендии и премии, которые дают им возможность приехать в Германию и реализовать собственные научно-исследовательские проекты совместно с немецкими коллегами.

Ученые из Германии при поддержке Фонда могут осуществить свои исследовательские проекты за рубежом, будучи в гостях у одного из бывших стипендиатов или лауреатов, т. е. членом так называемой сетевой структуры Фонда Гумбольдта. Единственным

ALEXANDER VON HUMBOLDT-STIFTUNG

Die Alexander von Humboldt-Stiftung ist eine von der Bundesrepublik Deutschland 1953 errichtete gemeinnützige Organisation. Sie fördert Wissenschaftskooperationen zwischen exzellenten ausländischen und deutschen Forscherinnen und Forschern. Mit ihren Stipendien- und Preisprogrammen ermöglicht die Stiftung Wissenschaftlern aus dem Ausland, nach Deutschland zu kommen, um ein selbst gewähltes Forschungsvorhaben mit einem Gastgeber und Kooperationspartner durchzuführen.

Wissenschaftler aus Deutschland können mit Unterstützung der Stiftung im Ausland ein Forschungsvorhaben als Gast bei einem Mitglied des Humboldt Netzwerkes durchführen. Alleiniges Auswahlkriterium ist die

критерием отбора является научная квалификация претендентов. Нет никаких квот, как для отдельных стран, так и для отдельных академических дисциплин.

Фонд им. Александра фон Гумбольдта ежегодно выделяет:

- свыше 700 Гумбольдтских стипендий и премий высококвалифицированным иностранным ученым – кандидатам и докторам наук для долгосрочной научно-исследовательской стажировки в Германии,
- по 10 стипендий Федерального Канцлера Германии молодым потенциальным лидерам из Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Китайской Народной Республики, Бразилии и Индии.

После окончания срока пребывания в Германии Фонд поддерживает связи со всеми стипендиатами и лауреатами, предлагая им повторные научные стажировки в Германии и финансовую поддержку для участия в конференциях, и др.

Число стипендиатов и лауреатов Фонда сегодня превышает 26.000 человек (из них 51 Нобелевский лауреат) из более 140 стран мира.

wissenschaftliche Leistung der Bewerber. Es gibt keinerlei Quoten, weder für einzelne Länder noch für einzelne akademische Disziplinen.

Die Humboldt-Stiftung vergibt unter anderem Jährlich:

- über 700 Forschungsstipendien und -preise an hochqualifizierte, promovierte Wissenschaftlerinnen und Wissenschaftler aus dem Ausland für einen langfristigen Forschungsaufenthalt in Deutschland,
- je 10 Bundeskanzler-Stipendien für künftige Führungskräfte aus der Russischen Föderation, den USA, China, Brasilien und Indien.

Auch nach dem ersten Forschungsaufenthalt hält die Stiftung mit ihren Alumni eine enge Verbindung. Die Alumni-Fördermaßnahmen umfassen unter anderem erneute Forschungsaufenthalte in Deutschland und die Unterstützung von Veranstaltungen für Humboldtianer im Ausland.

Dem Humboldt-Netzwerk gehören über 26.000 Wissenschaftlerinnen und Wissenschaftler (unter Ihnen 51 Nobelpreisträger) aus mehr als 140 Ländern an.

Jean-Paul-Str. 12
53173 Bonn, Deutschland
Tel.: + 49 228 833 0
Fax: + 49 228833 199
E-Mail: info@avh.de
www.humboldt-foundation.de

ГЕРМАНСКИЙ ДОМ НАУКИ И ИННОВАЦИЙ (DWIH) В МОСКВЕ

Германский дом науки и инноваций (DWIH) в Москве выступает в качестве форума для обмена опытом между Россией и Германией в сфере науки, научных исследований и технологий, который призван укрепить партнерство и расширить сотрудничество между обеими странами. Он объединяет немецкие научно-исследовательские организации и инновационные предприятия. DWIH способствует созданию единой сети ученых из Германии и России, организует встречи экспертов из академических кругов, исследователей, а также представителей сферы промышленности и правительства. Инициативная политика в области внешних научных связей и стратегическое партнерство в научной сфере между Россией и Германией являются неотъемлемой составляющей программы DWIH. Таким образом, Германский дом науки и инноваций в Москве способствует выработке общей стратегии решения проблем XXI в.

DWIH был создан по инициативе Министерства иностранных дел Федеративной Республики Германия. Аналогичные дома существуют также в Нью-Йорке, Сан-Паулу, Каире, Токио и Нью-Дели.

Формат деятельности:

- Научные лекции выдающихся

DEUTSCHES WISSENSCHAFTS- UND INNOVATIONSHAUS (DWIH) MOSKAU

Das Deutsche Wissenschafts- und Innovationshaus (DWIH) in Moskau ist das Forum für den deutsch-russischen Austausch im Bereich von Wissenschaft, Forschung und Technologie, das die Zusammenarbeit und Partnerschaft zwischen Deutschland und Russland vertieft. Es präsentiert gebündelt deutsche Forschungseinrichtungen und innovative Unternehmen. Es trägt zur Vernetzung von Wissenschaftlern in Deutschland und Russland bei, bringt Experten aus akademischen Institutionen, Forscher und Vertreter von Industrie und Regierungen zusammen. Die Themen der «Initiative Außenwissenschaftspolitik» und der strategischen Partnerschaft zwischen beiden Ländern sind Bestandteil des DWIH-Programms. Auf diese Weise trägt das DWIH zum Diskurs beider Länder über die Herausforderungen des 21. Jahrhunderts und zur Erarbeitung gemeinsamer Lösungsstrategien bei.

Das DWIH wurde auf Initiative der Bundesregierung ins Leben gerufen. Weitere Häuser befinden sich in New York, São Paulo, Kairo, Tokyo und Neu Delhi.

Formate:

- Science Lectures von herausragenden Vertretern

ученых и исследователей Германии

- Научные дискуссии – круглые столы, научные обсуждения
- Информационные семинары и поездки
- Российско-германская неделя молодого ученого (ежегодно), посвященная различным темам
- «Научный атлас» совместных российско-германских исследовательских проектов (<http://atlas.dwih.ru>).

Д-Р ГРЕГОР БЕРГХОРН
119313 Москва Россия
Ленинский проспект, 95а
Тел.: +7 (495) 974 6369
+7 (495) 974 6370
Факс: +7 (495) 974 6368
E-Mail: dwih@daad.ru
www.dwih.ru
www.facebook.com/dwih.moskau

ГЕРМАНСКАЯ СЛУЖБА АКАДЕМИЧЕСКИХ ОБМЕНОВ (DAAD)

Германская служба академических обменов (DAAD) – самоуправляемая организация высших учебных заведений Германии. Она является посредником в реализации внешней культурной политики, а также политики в сфере высшего образования и науки Германии. DAAD поддерживает международные связи между вузами путем развития обмена между студентами, выпускниками и учеными в рамках стипендиальных программ и проектов.

aus Wissenschaft und Forschung in Deutschland

- Science Talks – Runde Tische, Podiumsdiskussionen
- Informationsseminare und -reisen
- Deutsch-Russische Woche des jungen Wissenschaftlers (jährlich) zu verschiedenen Themen
- Projektatlas deutsch-russischer Forschungsk Kooperationen (<http://atlas.dwih.ru>).

DR. GREGOR BERGHORN
Leninskij Prospekt 95a
119313 Moskau Russland
Tel.: +7 (495) 974 6369,
+7 (495) 974 6370
Fax: +7 (495) 974 6368
E-Mail: dwih@daad.ru
www.dwih.ru
www.facebook.com/dwih.moskau

DEUTSCHER AKADEMISCHER AUSTAUSCHDIENST (DAAD)

Der Deutsche Akademische Austauschdienst (DAAD) ist eine gemeinsame Einrichtung der deutschen Hochschulen. Er ist eine Mittlerorganisation der Auswärtigen Kulturpolitik im Hochschul- und Wissenschaftsbereich. Der DAAD fördert die internationalen Hochschulbeziehungen durch den Austausch von Studierenden, Graduierten und Wissenschaftlern im Rahmen von Stipendien, Programmen und Projekten.

DAAD:

- предоставляет стипендии российским студентам, молодым специалистам и ученым для обучения и прохождения научно-исследовательских стажировок в немецких вузах и научно-исследовательских учреждениях;
- оказывает стипендиальную поддержку немецким студентам, практикантам, выпускникам и молодым ученым для обучения в российских вузах;
- поддерживает развитие международных программ обучения внутри страны и за рубежом;
- способствует распространению немецкого языка в мире;
- направляет лекторов и доцентов для преподавания в зарубежных вузах;
- отвечает за развитие партнерских отношений между немецкими и российскими вузами;
- предоставляет информацию по вопросам обучения и проведения исследований в Германии и России.

Д-Р ГРЕГОР БЕРГХОРН
119313 Москва Россия
Ленинский просп., д. 95а
Тел.: + 7 (499) 132 2429,
+ 7 (499) 132 4992,
+ 7 (499) 132 2311
Факс: + 7 (499) 132 4988
E-Mail: daad@daad.ru
www.daad.ru

Der DAAD:

- vergibt Stipendien an russische Studierende, Nachwuchswissenschaftler und Wissenschaftler zu Studium und Forschung an deutschen Hochschulen und Forschungseinrichtungen;
- unterstützt deutsche Studierende, Praktikanten, Graduierte und Nachwuchswissenschaftler mit Stipendien an russischen Hochschulen;
- fördert die Entwicklung internationaler Studienangebote im In- und Ausland;
- unterstützt weltweit die Verbreitung der deutschen Sprache;
- vermittelt Lektoren und Dozenten an ausländische Hochschulen;
- fördert die Kooperation zwischen russischen und deutschen Hochschulen;
- informiert über Studien- und Forschungsmöglichkeiten in Deutschland und Russland.

DR. GREGOR BERGHORN
Leninskij Prospekt 95a
119313 Moskau Russland
Tel.: + 7 (499) 132 2429,
+ 7 (499) 132 4992,
+ 7 (499) 132 2311
Fax: + 7 (499) 132 4988
E-Mail: daad@daad.ru
www.daad.ru

НЕМЕЦКОЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО (DFG)

Немецкое научно-исследовательское сообщество (DFG) – это зарегистрированное общество частного права с 96 членами, которыми являются преимущественно немецкие университеты. Годовой бюджет DFG в 2014 г. составил более 2,9 млрд. евро. В настоящее время DFG поддерживает около 30.000 исследовательских проектов, среди них около 300 проектов с участием российских ученых, в том числе в составе таких крупных программ как международные школы аспирантов (IGK), программы по приоритетным направлениям (SPP) и центры совместных исследований (SFB).

DFG поддерживает сотрудничество с российскими учеными в рамках различных программ и конкурсов. Систематическое расширение институционального сотрудничества с российскими фондовыми организациями делает возможным совместное финансирование проектов во всех областях наук. Существуют Соглашения о софинансировании научных проектов со следующими партнерскими организациями:

- Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ)
- Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ)
- Российская академия наук (РАН)

DEUTSCHE FORSCHUNGSGEMEINSCHAFT (DFG)

Die Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG) ist ein privatrechtlicher Verein mit 96 Mitgliedern, wobei deren größten Teil die deutschen Hochschulen stellen. Der Etat der DFG belief sich 2014 auf über 2,9 Milliarden Euro. Die DFG fördert aktuell annähernd 30.000 Forschungsprojekte, davon ca. 300 Projekte mit russischer Beteiligung – zunehmend auch im Rahmen von größeren koordinierten Verfahren wie Internationalen Graduiertenkollegs, Schwerpunktprogrammen und Sonderforschungsbereichen.

Die DFG unterstützt die Zusammenarbeit mit russischen Wissenschaftlerinnen und Wissenschaftlern durch eine Vielzahl von Instrumenten. Der systematische Ausbau der institutionellen Zusammenarbeit mit russischen Förderorganisationen ermöglicht die gemeinsame Finanzierung von Kooperationen in allen Forschungsbereichen. Rahmenvereinbarungen zur Kofinanzierung von Forschungsvorhaben bestehen mit folgenden Partnerorganisationen:

- Russische Stiftung für Grundlagenforschung (RFBR)
- Russische Stiftung für die Geistes- und Sozialwissenschaften (RFH)

• Российский научный фонд (РНФ).

Уже несколько десятилетий DFG поддерживает интенсивный научный обмен с Россией, а с 2003 г. способствует развитию двустороннего сотрудничества благодаря собственному Представительству в Москве. Офис Представительства расположен в Доме немецкой экономики. Сотрудники Представительства наряду с администрацией в Бонне предоставляют консультации и курируют проекты в России.

Д-Р ЙОРН АХТЕРБЕРГ

Немецкое научно-исследовательское сообщество (DFG)

Представительство DFG
в РФ/СНГ

1-й Казачий переулоч, д. 5/2,
стр. 1

119017 Москва

Тел.: +7 (495) 956 2690

Факс: +7 (495) 956 2706

E-Mail: Russia@dfg.de

www.russia.dfg.de

www.dfg.de/russia

• Russische Akademie der Wissenschaften (RAN)

• Russian Science Foundation (RSF).

Die DFG pflegt seit Jahrzehnten einen intensiven wissenschaftlichen Austausch mit Russland und unterstützt die Entwicklung der bilateralen Zusammenarbeit seit 2003 durch eine eigene Vertretung in Moskau. Das Verbindungsbüro hat seine Räumlichkeiten im Haus der deutschen Wirtschaft und fungiert neben der Geschäftsstelle in Bonn als Ansprechpartner bei Beratung und Betreuung von Kooperationen vor Ort.

DR. JÖRN ACHTERBERG

Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG)

DFG-Büro Russland/GUS

1. Kazachij Pereulok 5/2

119017 Moskau

Tel.: +7 (495) 956 2690

Telefax: +7 (495) 956 2706

E-Mail: Russia@dfg.de

www.russia.dfg.de

www.dfg.de/russia

Александр А. Миллер и кавказская археология – традиции и перспективы |

Alexander A. Miller und die Kaukasische Archäologie – Tradition und Perspektiven

**АЛЕКСАНДР А. МИЛЛЕР,
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНИХ
И ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР
КАВКАЗА**

Вадим А. Алёшкин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

А. А. Миллер, известный русский археолог и этнограф, родился 29 (по другим данным 27) августа 1875 г. на юге России в поселке Луганский завод (с 1882 г. – г. Луганск) Екатеринославской губернии. Он происходил из дворян казачьего сословия. Получив среднее образование в Донском кадетском корпусе (1886–1893) и Николаевском инженерном училище (1893–1896), А. А. Миллер служил в 4-ом железнодорожном батальоне (г. Барановичи Минской губернии). Однако его привлекала иная сфера деятельности. Он интересовался живописью, бытом и нравами народов, населявших юж-

**ALEXANDER A. MILLER UND
SEINE ARBEIT ZUR ANTIKEN
UND TRADITIONELLEN
KULTUREN DES KAUKASUS**

Vadim A. Alekšin

Institut für Geschichte der Materiellen Kultur, RAW, Sankt Petersburg, Russland

Alexander A. Miller, russische Archäologe und Ethnograph, wurde am 29. (oder am 27.) August 1875 im Süden Russlands, im Ort Luganskij Zavod (seit 1882 – Lugansk) des Gouvernements Ekaterinoslav geboren. Er entstammt einer adligen Kosaken-Familie. Die mittlere Reife erreichte er in der Schule der Donkadetten (1886–1893) und in der Nikolaever Ingenieur Schule (1893–1896). Er trat in das 4. Eisenbahnbataillon (Stadt Baranovici, Gouvernement Minsk) ein, aber zog dann doch eine geistige Tätigkeit vor, weil er sich mehr für die Malerei und die Traditionen der südrussischen

ные области России. В 1901 г. он увольняется из армии и уезжает в Париж, где учится в Высшей школе социальных наук (1901–1903) и в Антропологической школе (1901–1904).

Во время русско-японской войны его вновь призвали на военную службу, но 30 марта 1906 г. он окончательно демобилизуется из армии. Отныне А. А. Миллер посвящает свою жизнь науке. С 1906 г. он выполняет поручения Этнографического отдела Русского музея, куда его приглашают вначале на временную работу, а с 12 декабря 1908 г. – на постоянную. Став музейным хранителем, А. А. Миллер специализируется на изучении материальной культуры народов, населяющих Кавказ. С 1906 г. начинается сотрудничество ученого с Императорской археологической комиссией.

В 1916 г. он докладывает руководителю Русского музея Великому Князю Георгию Михайловичу о проекте этнографической экспедиции Русского музея в Турецкую Армению, занятую к этому времени русскими войсками. Проект получил одобрение императора Николая II. В мае–июле 1916 г. экспедиция во главе с А. А. Миллером работала в Ванской области, собрав коллекцию предметов материальной культуры армян и курдов.

Административный опыт А. А. Миллера и его умение добиваться поставленных целей способствовали тому, что в тяжелейших условиях начавшейся гражданской войны, сотрудники Русского музея

Bevölkerung interessierte. 1901 wurde er aus der Armee entlassen und reiste nach Paris, wo er an der Hochschule für Sozialwissenschaften (1901–1903) und der Anthropologischen Schule (1901–1904) studierte. Er musste während des russisch-japanischen Krieges nach Russland zurückkehren, wurde aber am 30. März 1906 endgültig aus der Armee entlassen.

Von nun an widmet A. A. Miller sein Leben der Wissenschaft. Ab 1906 führt er Aufträge der Ethnographischen Abteilung des Russischen Museums in Sankt Petersburg aus, wo er zunächst für befristet eingestellt wurde. Ab 12. Dezember 1908 wird er dort fest als Museumskurator angestellt. Er spezialisiert sich auf die materielle Kultur der kaukasischen Völker und arbeitet ab 1906 mit der Kaiserlichen archäologischen Kommission zusammen. In diesem Zusammenhang stellt Miller 1916 Großfürst Georgij Michajlovič, dem damaligen Patron des Russischen Museums, die ethnographische Expedition in Türkisch-Armenien vor, das zu dieser Zeit von russischen Truppen besetzt war. In Mai–Juli 1916 arbeitete die Expedition mit der Billigung Zar Nikolaj's II. in der Provinz Van und stellte dort Sammlungen der materiellen Kultur von Armeniern und Kurden zusammen.

Millers Erfahrung in der Verwaltung und seine Fähigkeit

избрали его своим директором 2 марта 1918 г., а 28 декабря того же года – заведующим Этнографическим отделом. Обязанности директора ученый исполнял до 16 мая 1921 г., а заведование Этнографическим отделом оставил 28 декабря 1921 г., возглавив его Кавказское отделение.

В 1918 г. А. А. Миллера включили в состав Российской Комиссии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, а также избрали членом Российской Государственной Археологической комиссии (с апреля 1919 г. – Российская Академия истории материальной культуры, с начала 1926 г. – Государственная Академия истории материальной культуры, далее ГАИМК), в которой А. А. Миллер становится заведующим этнологическим отделением.

С 1922 г. он приступает к организации Северо-Кавказской экспедиции, ставшей единственным масштабным проектом ГАИМК. Оценивая ее работы (1923–1933), следует признать, что усилиями А. А. Миллера и его учеников была установлена культурная и хронологическая периодизация древностей южнорусских степей и предгорий Северного Кавказа от эпохи бронзы до средневековья. Благодаря своей энергии и целеустремленности, А. А. Миллер создал в ГАИМК археологический центр по изучению древних культур юга Европейской части СССР, членами которого являлись молодые исследователи, работавшими бок о бок со своим учителем.

Теоретические воззрения учено-

gestellten Ziele umzusetzen, trugen dazu bei, dass er am 2. März 1918 unter den erschwerten Bedingungen des Bürgerkrieges in Russland von den Mitarbeitern des Russischen Museums zum Direktor und am 28. Dezember noch zu Leiter der Ethnographische Abteilung gewählt wurde. Diese Posten füllte bis zum 16. Mai 1921 aus; ab 28. Dezember 1921 arbeitete er dann nur noch als Leiter der Kaukasischen Gruppe der Ethnographischen Abteilung des Museums. 1918 wurde er Mitglied der Russischen Kommission für Museumsangelegenheiten und Denkmalschutz für Kunstobjekte und Antiquitäten, sowie Mitglied der Russischen Staatlichen Archäologischen Kommission (seit April 1919 – die Russische Akademie für Geschichte der Materiellen Kultur, ab Anfang 1926 – die Staatsakademie für Geschichte der Materiellen Kultur), wo er ebenfalls die Ethnologische Abteilung leitete. 1922 beginnt er mit der Organisation der Nordkaukasischen Expedition, der einzigen großen Unternehmen der Russischen Akademie für Geschichte der Materiellen Kultur (1923–1933).

Um die Bedeutung seiner Arbeit einzuschätzen, ist es wichtig festzuhalten, dass Miller und seiner Schüler für die südrussischen Steppenraum und den Nordkaukasus die kulturelle und chronologische Periodisierung von

го на задачи археологии предвосхитили ее нынешнее понимание как культурологической науки. По мнению А. А. Миллера, археология, базируясь на вещественных памятниках бытовой древности, изучает изменчивые вариации форм вещей. В море вещественных бытовых памятников нужно исследовать процесс распространения культур и миграции этнических элементов. Необходимо понять характер усвоения новых культур, там, где они ложатся на старые культуры. Этот процесс усвоения является процессом творчества.

Много энергии А. А. Миллер отдавал преподавательской деятельности и подготовке археологических кадров, читая курсы лекций в Петроградском археологическом институте (с 1918 г.), в Петроградском/Ленинградском государственном университете (с 1921 г.), в Ленинградском историко-лингвистическом институте (с 1930 г.).

9 октября 1933 г. научная деятельность А. А. Миллера была прервана арестом и обвинением в принадлежности к контрреволюционной организации российских и украинских националистов. Не выдержав психологического давления сотрудников ОГПУ, он дал показания против себя и был приговорен 29 марта 1934 г. к пяти годам ссылки в Казахстан. 12 января 1935 г. ученый скончался в Карагандинском исправительно-трудовом лагере от паралича сердца. А. А. Миллер был посмертно реабилитирован опреде-

der Bronzezeit bis zum Mittelalter ausgearbeitet haben. Dank seines Einsatzes wurde das archäologische Zentrum zur Erforschung des südeuropäischen Teiles der UdSSR geschaffen. Miller hat seiner Lehrtätigkeit und der Schulung archäologischer Fachkräfte viel Aufmerksamkeit gewidmet. Vorlesungen hielt er am Petrograder Archäologischen Institut (ab 1918), an der Petrograder/Leningrader Staatlichen Universität (ab 1921), im Leningrader Institut für Geschichte und Sprachwissenschaft (ab 1930).

Am 9. Oktober 1933 wurde sein wissenschaftlicher Weg durch die Verhaftung und die Anschuldigung, einer konterrevolutionären Organisation russischer und ukrainischer Nationalisten anzugehören, jäh unterbrochen. Da er dem psychischen Druck der Mitarbeiter des sowjetischen Nachrichtendienstes nicht standhalten konnte, sagte er tatsächlich gegen sich aus. Er wurde am 29. März 1934 zu fünf Jahren Arbeitslager in Kasachstan verurteilt und ist am 12. Januar 1935 im Arbeitslager Karaganda an Herzlähmung gestorben. A. A. Miller wurde am 28. November 1956 vom Militärgerichtshof des Leningrader Militärbezirkes aus Mangel an nachweisbaren Verbrechen postum politisch rehabilitiert. Und doch mussten 80

лением Военного трибунала Ленинградского военного округа от 28 ноября 1956 г. за отсутствием состава преступления. Минуло 80 лет со дня безвременной смерти выдающегося исследователя-кавказоведа. С высоты наших дней следует признать, что А. А. Миллер внес огромный вклад в развитие отечественной гуманитарной науки.

**МАТЕРИАЛЫ
АЛЕКСАНДРА А. МИЛЛЕРА
В ФОНДАХ НАУЧНОГО
АРХИВА ИИМК РАН**

**Ольга В. Григорьева,
Наталья А. Лазаревская**

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

Александр Александрович Миллер (1875–1935) известен как выдающийся археолог, этнограф и музеевед. В первой половине 1930-х гг. имя ученого было предано забвению, но роль его научных исследований оказывается важной не только в период становления отечественной археологии, но и на ее современном этапе.

Археологические исследования А. А. Миллера были неразрывно связаны с Императорской Археологической Комиссией, Русским Археологическим Обществом и Российской/ Государственной Академией истории материальной культуры (РАИМК/ ГАИМК), в фондах которых отложилась значительная часть материалов его научной деятельности.

Jahre vergehen, bis die Leistung dieses großen Wissenschaftlers und sein Beitrag zur Entwicklung der einheimischen russischen Geisteswissenschaft vollständig anerkannt wurde.

**MATERIALIEN VON
ALEXANDER A. MILLER
IM WISSENSCHAFTLICHEN
ARCHIV DES INSTITUTS
FÜR GESCHICHTE DER
MATERIELLEN KULTUR DER
RUSSISCHEN AKADEMIE DER
WISSENSCHAFTEN**

**Olga V. Grigorjeva,
Natalia A. Lasarevskaja**

Institut für Geschichte der Materiellen Kultur, RAW, Sankt Petersburg, Russland

Der Name von Alexander A. Miller (1875–1935), Archäologe, Ethnograph und Museumswissenschaftler, wurde politisch bedingt in der ersten Hälfte der dreißiger Jahre aus dem wissenschaftlichen Leben verbannt. Aber seiner Forschungen waren nicht nur für die damalige Frühzeit der russischen Archäologie von Bedeutung, sondern sind bis heute wichtig geblieben. Seine wissenschaftliche Arbeit war eng mit der Kaiserlichen Archäologischen Kommission, der Russischen Archäologischen Gesellschaft und der Russischen

Самостоятельную группу документов составляет его личный фонд (Ф. 24). На сегодняшний день он насчитывает 164 ед. хр. за 1920–1930-е гг., включая материалы его родного брата, также археолога, Михаила Александровича Миллера.

Личный фонд представляет собой собрание документов, отражающих основные направления и этапы деятельности ученого. Это черновые *рукописи статей и докладов*, частично опубликованных; несколько рукописных тезисов к докладам. Значительный объем документов составляют его *материалы к научным трудам* – археологические и этнографические выписки. Большой интерес представляют «коллекции» *документов и тематические подборки*, куда входят рисунки, фотографии и эстампажи археологических находок из разных мест, библиографические и тематические карточки с его личными зарисовками древностей Северного Кавказа, Кубанской, Донской и Ростовской областей из музейных коллекций. Несколько подборок посвящено этнографическим исследованиям на Северном Кавказе – материалы по черкесам, Абхазии, Дагестану.

Материалы научно-организационной деятельности отложились в результате его административной работы в РАИМК/ГАИМК, среди них «Черновые материалы по разработке структуры ГАИМК (1931 г.)» (Д. 21); «Материалы по разработке инструкции по выдаче открытых листов и организации

Staatsakademie für Geschichte der Materiellen Kultur verbunden. Das zeigen die zahlreichen Dokumente, die sich in Archiven dieser Institutionen auffinden lassen.

Seine persönlichen Papiere und die Unterlagen seines Bruders, des Archäologen Michail Miller, bilden eine Gruppe von 164 Dokumenten aus der Zeit von 1920 bis 1930 (F. 24).

Es sind *Entwürfe für Artikel und Vorträge*, die teilweise veröffentlicht sind und *handschriftliche Kurzfassungen zu den Vorträgen*. Den größten Teil der Dokumente bilden jedoch seine *archäologischen und ethnographischen Notizen* als Basis seiner wissenschaftlichen Beiträge, eine Sammlung von Zeichnungen, Fotos und Radierungen archäologischer Funde, eine bibliographische und thematischen Kartei mit seinen eigenen Zeichnungen von Objekten in Museums aus dem Nordkaukasus, dem Kubangebiet sowie der Region Rostov am unteren Don. Einige Unterlagen beziehen sich auch auf seine ethnographischen Forschungen zu Čerkessen, Abchasen und Dagestanern.

Administrativen Unterlagen stammen aus seiner Zeit bei der Russischen/Staatlichen Akademie für Geschichte der Materiellen Kultur. Dazu gehören «Die vorläufige Dokumentation zur Entwicklung der Struktur dieser

раскопок» (Д. 31) и др. Здесь же имеются отзывы о научных работах его коллег и учеников (Н. И. Репникова, А. М. Оранжиреевой, Г. А. Бонч-Осмоловского, Б. А. Латынина).

Также в личном фонде А. А. Миллера хранятся *материалы полевой деятельности*, по организации и проведению экспедиций. Большая их часть относится к Северо-Кавказской экспедиции: черновики полевых отчетов, сметы, различные заметки и записки. Кроме этого имеются документы раскопок в Старой Ладого, на Волго-Доне и других.

Наряду с материалами самого А. А. Миллера в его личном фонде хранится незначительный по объему, но не менее интересный *комплекс документов его брата М. А. Миллера*. Среди них имеются материалы к родословной семьи Миллеров (Д. 159).

Собрание *личных документов А. А. Миллера* совсем незначительное. Оно содержит всего три дела: различные удостоверения и «Меморандум (распоряжения по домашним и служебным делам на время отъезда) 1924 г.» (Д. 119). Переписка включает в себя некоторое количество писем, где основная часть (более 50-ти) – это письма к А. А. Миллеру.

Материалы научной и административной деятельности отложились и в других фондах Рукописного отдела Архива. Это дореволюционные материалы такие как:

Фонд 1. «Императорская Археологическая комиссия (ИАК)»

Organisation (1931)» (D. 21); «Die Dokumentation zur Verordnung der Ausgabe von Grabungslizenzen und der Ausgrabungsvorbereitungen» (D. 31).

Daneben sind Rezensionen von Miller von wissenschaftlichen Werke seiner Kollegen und seiner Schüler (N. I. Repnikow, A. M. Oranžireeva, G. A. Bonč-Osmolovskij, B. A. Latynin) vorhanden.

Im persönlichen Teil des Miller-Archivs werden die *Unterlagen zu seinen Expeditionen* u. a. zu deren Organisation und Durchführung aufbewahrt. Ein großer Teil bezieht sich hier auf die Nordkaukasische Expedition. Die Archivalien beinhalten Varianten seiner Berichte, der Kostenkalkulationen und verschiedene Notizen. Außerdem ist die Grabungsdokumentation von Alt-Ladoga und von Orten aus dem Wolga-Don Gebiet vorhanden.

Außer den Unterlagen von Miller werden in seinem Archiv auch einige *Dokumente seines Bruders Michail* aufbewahrt. Unter ihnen sind die Papiere zum Stammbaum der Familie Millers zu finden (D. 159).

Außerdem enthält sein Archiv *verschiedene Bescheinigungen* und eine «Verordnung über häusliche und dienstliche Angelegenheiten für Reisen aus den Jahr 1924» (D. 119) sowie die Korrespondenz (etwa 50 Briefe) an А. А. Miller.

(1859–1919 гг.). В нем отложилась оригинальная полевая документация раскопок на юге России и Северном Кавказе за 1906–1914 гг.: открытые листы, полевые отчеты, дневники и др.

Фонд 3. «Русское археологическое общество (РАО)» (1846–1924 гг.). Имеются документы, свидетельствующие об избрании А. А. Миллера в члены РАО за 1908–1914 гг. В протоколах общества за 1894–1921 гг. (с перерывами) зафиксированы его сообщения об археологических раскопках в южных областях России и доклады о древностях Северного Кавказа.

Материалы постреволюционного периода хранятся в фондах научно-производственной деятельности РАИМК-ГАИМК-ЛОИА-ИИМК (1919–2005 гг.):

Фонд 2. «Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК)» (1919–1937 гг.). Наряду с материалами полевой деятельности и организаций экспедиций на Северо-Западе, Юге России, Северном Кавказе и в Крыму в 1922–1933 гг., в фонде находятся материалы, связанные с научно-административной деятельностью А. А. Миллера в ГАИМК.

Фонд. Р-1. «Собрание графической документации». Здесь находятся чистовые чертежи Таманской экспедиции за 1931 г.

Кроме этого, отдельные документы содержатся в личных фондах других исследователей.

В Фотоотделе Научного архива хранятся фотоматериалы, связанные

Unterlagen zu Millers wissenschaftlichen und administrativen Tätigkeit finden sich auch in weiteren Magazinen der Handschriftlichen Abteilung des Archives: Aus der Vor-Revolutionszeit stammen beispielsweise Unterlagen in Magazin 1 der «Kaiserlichen Archäologischen Kommission» (1859–1919). Hier sind die Originale der Grabungsdokumentation 1906–1914 (u.a. Grabung-Lizenzen, Berichte, Tagebücher) der Arbeit in Südrußland und im Nordkaukasus enthalten.

In Magazin 3 der «Russischen Archäologischen Gesellschaft» (1846–1924) befinden sich die Dokumente zur Millers Mitgliedschaft in dieser Gesellschaft für die Jahre von 1908 bis 1914. Die Protokolle der Gesellschaft zu den Jahren 1894–1921 enthalten Mitteilungen zu seinen archäologischen Ausgrabungen in Südrußland und seine Vorträge über antike Stätten in Nordkaukasus.

Die Unterlagen aus der Nach-Revolutionzeit werden in den Magazinen der «Russischen/ Staatlichen Akademie für Geschichte der materiellen Kultur – Institut für Geschichte der Materiellen Kultur» (1919–2005) aufbewahrt. Im Magazin 2 der «Staatlichen Akademie für Geschichte der Materiellen Kultur» (1919–1937) befinden sich mit Grabungsunterlagen aus dem Nordwesten und Süden Russlands,

с именем А. А. Миллера в фондах ИАК, РАИМК/ГАИМК, ИИМК АН СССР и др. Это материалы его исследований на Северном Кавказе за 1908–1911 гг., Северо-Кавказской и Таманской экспедиций ГАИМК за 1924–1933 гг. Фотографии представляют полевую работу и находки, а также этнографические материалы, связанные с поездками ученого в Кабарду, Балкарию и Осетию. Фонд 27 (коллекция № 497) — это личный фонд А. А. Миллера, составляющий в настоящий момент 172 негатива и 109 отпечатков. Как указано в описи: «Коллекция диапозитивов А. А. Миллера, поступившая после его смерти в фото-архив в марте 1935 г. и содержащая материалы: 1) по его раскопкам в ст. Елизаветовской (др. Танаис) и городищ по Мертвому Дону 1909–1914 гг., 2) Сев. Кавк. Экспед. ГАИМК 1924–1925, 3) Таманской экспед. ГАИМК 1930 гг., 4) из музеев Сев. Кавк. края (каменные бабы), 5) к его работе «Изображ. собаки в древностях Кавказа» и к докладам, читанным в комисс. по социологии искусства и искусствоведения и др.».

Из его портретов, видимо, самыми ранними являются снимки 1917 г., на которых изображены сотрудники Этнографического отдела Русского музея А. А. Миллер, К. К. Романов и К. З. Кафтарадзе среди группы манекенов в народных одеждах. Снимки в группе участников Ладожской и Северо-Кавказской экспедиций ГАИМК. Среди материалов Октябрьской юбилейной выставки ГАИМК

des Nordkavkasus und der Krim von 1922 bis 1933 einige Beispiele der wissenschaftlich-administrative Tätigkeit für diese Institution. Im Magazin P-I «Die Sammlung der graphischen Dokumentation» liegen die Zeichnungen der Taman-Expedition von 1931. Außerdem sind noch einzelne Unterlagen von Miller in Magazinen anderer Forscher zu finden.

In der Fotoabteilung des Wissenschaftlichen Archives befindet sich Fotomaterial der Expeditionen Millers im Nordkavkasus (1908–1911 und 1924–1933) und auf der Taman Halbinsel (1924–1933). Fotos dokumentieren die Arbeit vor Ort, Funde, sowie die ethnographischen Materialien aus der Kabarda, Balkarien und Ossetien. Magazin 27 (Sammlung 497) besteht gegenwärtig aus 172 Negativen und 109 Abzüge Millers. Die Sammlung wurde nach seinem Tod im März 1935 archiviert und enthält die Fotos zu seinen Grabungen bei Elizavetovsk und Mertvyj Donec (1909–1914); von der Nordkavkasus Expedition (1924–1925) und von der Taman Halbinsel (1930). Auch die Fotos von Steinstelen aus nordkavkasischen Museen und die Bilder für seine Arbeit über «Hunde-Darstellung in Antiken Kaukasus» sind in dieser Sammlung vorhanden. Weitere Fotos zeigen Miller mit seinen Mitarbeitern, K. K. Romanov und K. S. Kaftaradze von Russischen Museum (1917) und

1927 г. сохранились фотографии двух шаржей, выполненных рукой самого А. А. Миллера. Интересен шарж М. В. Фармаковского, изображающий «доисториков ГАИМК» — Б. Л. Богаевского и А. А. Миллера.

АЛЕКСАНДР А. МИЛЛЕР И ЕГО УЧИТЕЛЬ ФЁДОР К. ВОЛКОВ

Игорь Л. Тихонов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

В 1901 г., оставив армейскую службу, А. А. Миллер уехал в Париж, чтобы заниматься живописью и продолжить образование. Там он поступил в два учебных заведения: Русскую высшую школу общественных наук и Антропологическую школу. Первая была только что организована русскими социологами позитивистского направления. Она ставила своей задачей соединить преподавание социологии, юриспруденции, экономики и истории, а главное – научить научным методам исследований в области обществоведения. Курсы по антропологии и этнографии там читал политэмигрант из России Ф. К. Волков.

Антропологическая школа была создана в 1875 г. и вскоре стала одним из ведущих европейских центров «палеоэтнологии». Этот термин был предложен Г. де Мортилье в качестве противопоставления не признаваемой им за серьезную науку «археологии» и для акценти-

eine Gruppe aus der Ladoga- und Nordkaukasischen Expeditionen. Es existieren sogar einige Karikaturen aus der Hand M. W. Farmakowskijs und auch von Alexander Millers selbst.

ALEXANDER A. MILLER UND SEIN LEHRER FEDOR K. WOLKOW

Igor L. Tichonov

St. Petersburger Staatliche Universität, Sankt Petersburg, Russland

Um sich der Malerei zu widmen und seine Ausbildung fortzusetzen gibt Alexander Miller in Jahr 1901 den Armeedienst auf und fährt nach Paris. Dort meldete er sich an der Russischen Hochschule für Sozialwissenschaft sowie der École d'anthropologie an. Die Hochschule für Sozialwissenschaft war gerade von russischen Soziologen der positivistischen Richtung eingerichtet worden, um Fächer wie Soziologie, Rechtswissenschaft, Wirtschaft und Geschichte zu verbinden und deren wissenschaftliche Methoden auch in der Sozialwissenschaft zu verbreiten. Anthropologie und Ethnografie wurden hier von dem russischen Emigranten Feodor Wolkow unterrichtet.

Die 1875 gegründete École d'anthropologie war das führende Zentrum für Paläoethnologie, die gemäß Gabriel de Mortillet den Begriff eines unseriöses Faches

рования естественнонаучного характера новой дисциплины, основанной, прежде всего, на данных геологии и палеонтологии. Такого же взгляда придерживался ученик Мортилье – Ф. К. Волков, в 1890-е гг. ставший преподавателем Антропологической школы. Так и состоялось знакомство ученика и учителя. Антропологию Волков понимал как триединую дисциплину, охватывающую физическую антропологию, этнографию и первобытную археологию. Неудивительно, что на двух последних разделах и сконцентрировались научные интересы Александра Миллера.

Еще одним учителем для него стал Адриен де Мортилье – сын и приемник своего знаменитого отца. В молодости Адриен жил некоторое время в Москве, немного знал русский язык, интересовался русской археологией, и это сближало его со студентами из России. Он читал курс по методологии этнографии. Лекции по доисторической антропологии читал Л. Капитан (L. Capitan) по этнологии и этнографии – С. Заборовский (S. Zaborowski) и Г. Герве (G. Herve), но основным учителем для Александра Миллера оставался Ф. К. Волков. Причем, отношения с ним сложились не просто хорошие, а даже дружеские, несмотря на значительную разницу в возрасте. Об этом, в частности, свидетельствуют письма А. А. Миллера, сохранившиеся в фонде Ф. К. Волкова в Архиве Института археологии Национальной академии наук Укра-

Archäologie ersetzen sollte. Paläoethnologie basierte nur unter Berücksichtigung von Daten der Geologie und Paläontologie. Die gleiche Überzeugung teilte auch der Schüler de Mortillet, Fedor Wolkow, der 1890 als Lehrer an der École d'anthropologie unterrichtete. Hier war Alexander Miller sein Schüler. Die Anthropologie verstand Wolkow als dreiteilige Disziplin von biologischer Anthropologie, Ethnografie und Prähistorischer Archäologie. Nicht verwunderlich, dass beiden letzten Disziplinen das Interesse Alexander Millers, als Schüler von Wolkow, galt. Ein weiterer Lehrer Millers war der Sohn und Nachfolger des berühmten de Mortillet, Adrien de Mortillet. Seine Interessen für russische Archäologie und seine guten russischen Sprachkenntnisse verbanden ihn mit russischen Studenten an der École d'anthropologie, wo Adrien de Mortillet die Methodologie der Ethnografie unterrichtete.

Obwohl vorgeschichtliche Anthropologie, Ethnologie und Ethnografie auch von L. Capitan, S. Zaborowski und G. Herve unterrichtet wurden, war Wolkow für Miller weiterhin sein maßgeblicher Lehrer, mit dem er sogar trotz ihres Altersunterschieds in freundschaftlicher Verbindung stand. Davon zeugen die Briefe Millers, die heute in der Sammlung Wolkow im Archiv des Institutes für Archäologie in der National

ины в Киеве. Они охватывают период с 1903 по 1917 гг. и могут быть разделены на четыре группы.

Первая группа состоит из шести писем, написанных еще в Париже, в период жизни там А. А. Миллера. Одно письмо датируется февралем 1903 г., все остальные июнем – сентябрем 1904 г. Речь в них идет об издательских делах, новых публикациях, в частности, об иллюстрациях к их совместной статье о каменных бабах на Нижнем Дону. Сообщает А. Миллер и о своей совместной с А. де Мортилье статье, посвященной находке золотой пластины с изображениями скифов, найденной В. Е. Гезе в 1901 г. в кургане у с. Сахновка Киевской губернии. Некоторые детали, в частности полы кафтанов, смущали Миллера, и он в очень осторожной форме высказывал сомнение в подлинности этого артефакта, что впоследствии не подтвердилось.

Вторая группа – письма, написанные из дома – Таганрога, куда Миллер ездил на летние каникулы, и где жил его отец, являвшийся почетным мировым судьей и членом городской управы. Эти письма более информативны, так как содержат сведения о его живописных увлечениях, научных занятиях, археологических раскопках и этнографических наблюдениях начинающего ученого. В одном из первых писем сообщается о разнообразном в этническом отношении населении Северо-Восточного Приазовья, о серьезных отличиях здешнего укра-

Akademie der Wissenschaften der Ukraine in Kiew erhalten blieben. Sie erfassen die Zeit zwischen 1903 und 1917 und lassen sich in vier Gruppen unterteilen.

1. Sechs Briefe von Miller aus Paris (einer von Februar 1903 und 5 von Juni-September 1904). Sie handeln von Verlagsangelegenheiten, neuen Publikationen und von den Abbildungen zu ihrem gemeinsamen Artikel über die Kurgan Steinstelen vom Unteren Don. Miller berichtet über seinen Artikel mit Adrien de Mortillet, der von der Goldplatte mit Skythen-Darstellungen handelt, die 1901 von Jh. Gese im Kurgan bei Sachnovka, Gouvernement Kiew, gefunden wurde. Einige Details, unter anderem die unteren Ränder der Kaftan-Mäntel, machten Miller misstrauisch, so dass er vorsichtige Zweifel an der Authentizität des Fundes äußerte; die sich indes später nicht bestätigten.

2. Briefe von Miller aus Taganrog, dem Sitz seines Vaters, der die ehrenvolle Funktion eines Schlichters innehatte. Diese Briefe sind besonders informativ. Sie berichten über seine wissenschaftlichen Forschungsabsichten: über die Vielfältigkeit der Ethnien im nordöstlichen Asov-Gebiet; über die großen Unterschiede zwischen der asov-ukrainischen und der zentral-ukrainischen Bevölkerung; über seine Ausgrabungen fünf kleiner

инского населения от Центральных областей Украины и намерениях заняться его изучением. О раскопках курганов Миллер пишет, что раскопал пять небольших насыпей, но только в одной сохранился более-менее полный костяк с мечом и обломками трех сосудов, которые удалось склеить. Прямо в письме были приведены их рисунки. Миллер постоянно запрашивает советов и инструкций по технике раскопок. В другом письме сообщает, что разработал целый план раскопок и договорился с городскими властями об их финансировании при условии передачи находок в Таганрогский музей. С сожалением констатирует, что настоящих археологов в Таганроге нет, есть только кладоискатели и дилетанты, а местная интеллигенция целиком поглощена политикой и ничем другим не интересуется. О степени дружественности и доверительности отношений с учителем могут свидетельствовать и строчки, посвященные личной жизни Миллера в Таганроге и описанию пуританских провинциальных нравов, весьма отличающихся от парижских. В другом случае он просит прислать бутылку хорошего вина.

Третья группа. После переезда в Петербург Ф. К. Волков способствовал сначала установлению связей Миллера с Этнографическим отделом Русского музея для сбора коллекций, а в 1908 г. приглашению его на должность хранителя. Когда в конце 1910 г. Волков был избран председателем Русского антрополо-

Grabhügel. In einem dieser Grabhügel fand er ein nahezu vollständiges Skelett mit Schwert und Fragmenten dreier Gefäße. In diesem Brief dokumentierte er seinen Fund mit Zeichnungen und fordert von Wolkow Rat zu ausgrabungstechnischen Fragen. In einem weiteren Brief berichtet er über seine Planungen zu Grabungen, Finanzierung und Fundübergabe ans Museum Taganrog. Mit Bedauern stellt er fest, dass es in Taganrog keine Archäologen gibt, stattdessen nur Schatzsuchende und Dilettanten; die Intelligenz sei vollständig von Politik absorbiert. Die Freundschaft zwischen Lehrer und Schüler zeigt auch seine Klage über die puritanischen provinziellen Gemüter in Taganrog und seine Bitte um eine gute Flasche Wein.

3. Briefe von Miller in Sankt Petersburg. Hier verschaffte Wolkow für Miller Beziehungen zur Ethnographischen Abteilung des Russischen Museums Petersburgs. Miller bekam den Auftrag, eine ethnographische Kollektion zu erstellen und 1908 erhielt er das Amt eines Depotkurators. 1911–1913 hielt Miller Vorträge bei der Russischen anthropologischen Gesellschaft, deren Vorsitzender Wolkow war. Wechselseitige Briefe in Form kurzer Zettel, befassten sich hauptsächlich mit dienstlichen Inhalten. Einer enthält die Bitte um Unterstützung für S. A. Krukowskij, den späteren polnischen

гического общества при Петербургском университете, Миллер вскоре стал его членом и выступил с несколькими докладами в 1911–1913 гг. Письма, написанные в период жизни А. А. Миллера в Санкт-Петербурге, представляют собой короткие записки, связанные в основном со служебными делами в музее. Одно из них содержит просьбу оказать содействие приехавшему в Петербург с Кавказа С. А. Круковскому – будущему известному польскому исследователю каменного века.

Четвертая группа – письма из научных экспедиций. В нескольких письмах из Могилева, датируемых январем 1908 г., сообщается о сборе коллекций среди еврейского и белорусского населения и о нравах, царящих в этой среде. Письмо из Тифлиса, скорее всего, должно быть датировано также 1908 г., поскольку именно в это время Миллер по заданию Этнографического отдела изучал ковровые и ткацкие изделия в юго-восточном Дагестане, в районе Кубы, в Шемахе и в Тифлисе, где собрал коллекцию и составил альбом акварельных рисунков орнаментальных мотивов. С этого времени Кавказ становится главной темой его научных занятий, как в этнографии, так и в археологии.

В течение всей своей научной деятельности А. А. Миллер оставался последовательным представителем палеоэтнологической школы. Для нее было характерно сочетание археологических и этнографических исследований, тщательность и высо-

Steinzeitforscher, der zurzeit, aus dem Kaukasus kommend, in St. Petersburg weilte.

4. Briefe aus wissenschaftlichen Expeditionen. In Briefen aus Mogilew von Januar 1908 wird über die Sammeltätigkeit unter der jüdischen und weißrussischen Bevölkerung und über deren Gebräuche berichtet. Der Brief aus Tiflis von 1908 spiegelt die Zeit, in der Miller für die Ethnographische Abteilung des Russischen Museums Petersburgs Teppich- und Webereierzeugnisse aus Südostdagestan – Kuba und Schemach – sowie aus Tiflis erforschte. Er stellte fürs Museum die Sammlung zusammen und erstellte ein Album mit Aquarellzeichnungen der Ornamente. Seit dieser Zeit war der Kaukasus sein Hauptforschungsgebiet.

Miller blieb sein Leben lang seiner paläoethnologischen Schule und ihrer Methodik treu. Die Erfolge der sowjetischen Archäologie der 1920 Jahre fußen auf den Forschungen der Wolkow Schule. Jedoch gerade sie deckte sich am wenigsten mit den Postulaten des Marxismus und fiel in den 1930.

кий уровень методики полевых работ, стремление рассматривать культуру древнего человека на фоне его природного окружения, использование передовых методов работы. Многие яркие достижения советской археологии 1920-х гг. были связаны с этой научной школой учеников Волкова. Однако именно она, как менее всего совместимая с постулатами марксизма, была подвергнута идейному и физическому разгрому в начале 1930-х гг.

**АЛЕКСАНДР А. МИЛЛЕР
И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
РУССКОГО МУЗЕЯ (1908–1932)**

Владимир А. Дмитриев

*Российский этнографический музей,
Санкт-Петербург, Россия*

Выдающийся российский археолог, один из виднейших представителей отечественной школы палеоэтнографии Александр Александрович Миллер (родился в 1875 г.) был также крупным музейным деятелем и выдающимся этнографом. Представляя этого ученого, как и его современников С. И. Руденко, Б. М. Жукова, Д. А. Золотарева, Б. М. Соколова, нельзя не вспомнить, что в их время не столь различно, как сейчас понимались дисциплины археологии и этнографии, а музеи мыслились ведущими центрами изучения народной культуры, как близкой, так и дальней по времени. А. А. Миллер работой каждого года своей научной деятельности доказывал результативность такого

**ALEXANDER A. MILLER
UND DIE ETHNOGRAPHISCHE
ABTEILUNG DES RUSSISCHEN
MUSEUMS (1908–1932)**

Vladimir A. Dmitriev

*Russisches Museum für Völkerkunde,
Sankt Petersburg, Russland*

Der bedeutende russische Archäologe Alexander A. Miller (geboren 1875), Vertreter der russischen paläoethnographischen Schule, war einer der bedeutenden Museumsschaffenden und Ethnograph seiner Zeit. Bei Betrachtung seines wissenschaftlichen Oeuvres muss, wie bei dem seiner Zeitgenossen, S. I. Rudenko, B. M. Žukow, D. A. Solotarew oder B. M. Sokolow, berücksichtigt werden, dass es zu ihre Zeit noch keinen großen Unterschied zwischen Archäologie und Ethnographie gab und Museen führende Zentren für Völkerkunde waren. Die Arbeitsjahre von A. A. Miller zwischen 1906–1932

подхода, в том числе сочетая полевые археологические и этнографические исследования и формируя и коллекционное собрание и принципы функционирования одного из ведущих российских музеев.

С этим музеем, ныне Российский этнографический музей, а во время его создания (1902 г.) Этнографический отдел Русского музея (ЭОРМ) был связан весь творческий путь (1906–1932) А. А. Миллера. В 1907 г. он был приглашен в штат ЭОРМ и приступил к изучению бытовой материальной культуры народов Востока, в первую очередь, Кавказа, в 1908 г стал одним из четырех руководителей направлений (в формулировке того времени хранителей музея), сохраняя руководство работами по исследованию культуры Кавказа и Туркестана до конца работы в музее. В годы революционного кризиса и наибольшей опасности для сохранения музейного культурного наследия он в 1918–1921 гг. возглавлял и Этнографический отдел, и весь комплекс Русского музея. В числе того, что им было сделано для Этнографического отдела, – разработка и создание музейной мебели, создание реставрационной мастерской и мастерской по изготовлению антропологических манекенов, вклад в разработку структуры музейных экспозиций, организация ряда выставок.

Полевая этнографическая работа А. А. Миллера на Кавказе проходила в два этапа. В 1907–1917 гг. при ежегодных археологических экспедициях, он

zeigen diese Kombination archäologischer und ethnographischer Forschungen. Sie führten zu den Sammlungen des Russischen ethnographischen Museums in Sankt Petersburg, eines der bedeutendsten Museen Russlands.

Miller wurde 1907 dort fest angestellt und begann seine Forschung zur materiellen Kultur der orientalischen Völker, in erster Linie derjenigen des Kaukasus. Im Jahr 1908 wurde er Ausstellungskurator/Leiter einer der vier Forschungsrichtungen. Diese Position behielt er bis zur Ende seiner Tätigkeit am Museum inne. Während der für die Museen bedrohlichen Jahren der Oktoberrevolution leitete er von 1918 bis 1921 neben der ethnographischen Abteilung auch das gesamte Museum. Er entwarf Möbel und Archivmobiliar für die Ausstellung, organisierte Restaurierungswerkstätten und Werkstätten zur Herstellung anthropologischer Modelle. Gleichzeitig sorgte er für das Zustandekommen von Museumsexpositionen und Ausstellungen.

Die ethnographische Feldstudien A. A. Millers im Kaukasus können in zwei Etappen unterteilt werden: von 1907 bis 1917 führte er jährlich archäologische Expeditionen durch und erweiterte zudem die ethnographische Sammlung. Er bemühte sich dabei, jede kaukasische

совершал поездки для сбора этнографических коллекций, ставя задачу подготовки в музее собрания, полностью характеризующего кавказский регион. В результате в ЭОРМ поступили коллекции по культуре абхазов, азербайджанцев, горских евреев, западных армян и других этносов. Второй этап начался в 1923 г., когда А. А. Миллер возглавил созданную им Северокавказскую экспедицию ГАИМК. Ее работа позволяла собирать музейные предметы, когда сам музей не мог этого делать. В трудных условиях послереволюционного времени были обследованы Осетия (1923 и 1927 гг.), Кабардино-Балкария (1924 г.), Адыгея (1925 г.), часть Дагестана (1928 г.), собраны коллекции музейных предметов. Одновременно в 1920-х гг. были опубликованы работы А. А. Миллера, не только представляющие результаты работы Северокавказской экспедиции, но также посвященные проблеме выделения архаического ядра этнической культуры народов Кавказа. С большой перспективой дальнейшей разработки актуальных проблем кавказоведения, А. А. Миллером были в музее подготовлены выставки «Ковры Кавказа» (1924) и «Горское земледелие» (1927). Сходная оценка может быть дана разделам, посвященным народному прикладному искусству на Всемирной выставке в Париже (1925) и музейной выставке, отведенной атрибутике традиционных верований (1929), подготовленным А. А. Миллером.

Указанные факты являются самыми заметными признаками

Region in den Sammlungen zu berücksichtigen. So kamen Sammlungen der materiellen Kultur von Abchasien, Aserbaidschanern, Bergjuden, sowie der westlichen Armenier und anderer kaukasischer Völker zustande.

Die zweite Etappe begann 1923, als Miller die Nordkaukasische Expedition der Staatsakademie für Geschichte der Materiellen Kultur organisierte und leitete. In dieser Zeit sammelte er Objekte für das Ethnographische Museum, das selbst dazu nicht in der Lage war. Trotz der schwierigen Bedingungen nach der Oktober-Revolution, konnte er seine Sammeltätigkeit und Forschung in Ossetien (1923 und 1927), Kabardino-Balkarien (1924), Adygee (1925) und in Teilen von Dagestan (1928) fortsetzen.

In den 1920er Jahren veröffentlichte Miller einerseits die Ergebnisse der Nordkaukasischen Expedition und seiner Studien zum archaischen Kern der ethnischen Kulturen des Kaukasus. Mit den Ausstellungen «Die Teppiche vom Kaukasus» (1924) und «Die Landwirtschaft der Bergbewohner» (1927) eröffnete er weitere Perspektiven für die Kaukasiologie. Zu diesen Aktivitäten gehören unter anderem seine Ausstellungen zum ländlichen Kunstgewerbe (Weltausstellung in Paris 1925) beziehungsweise zur Eigenschaften des traditionellen Glaubens (Museumsausstellung in Leningrad 1929).

многообразной деятельности А. А. Миллера как музейного работника и этнографа-кавказоведа, что делает дальнейшую разработку этой темы перспективной.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛАНДШАФТА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА – НОВЫЕ ГЕРМАНО-РОССИЙСКИЕ РАСКОПКИ

**Даниэль Кельтербаум¹,
Удо Шлотцауер²,
Денис В. Журавлёв³
(Анка Дан⁴, Ханс-Йоахим Герке⁵)**

¹ *Географический институт, Кёльнский университет, Кёльн, Германия*

² *Евразийское отделение, Германский археологический институт, Берлин, Германия*

³ *Государственный исторический музей, Москва, Россия*

⁴ *Высшая нормальная школа, Париж, Франция*

⁵ *Университет Альберта-Людвига во Фрайбурге / Экселенс кластер ТОПОИ, Берлин, Германия*

Задолго до первых постоянных поселений греков в Северном и Восточном Причерноморье на заключительной стадии т. н. Великой греческой колонизации в конце VII в. до н.э., Кавказ уже глубоко укоренился в коллективной памяти греков, о чем свидетельствуют различные греческие мифы. Однако доказательства греческого присутствия на Кавказе, а также прямые

Die hier kurz angedeutete umfangreiche Tätigkeit A. A. Millers als Museumsmitarbeiter und -leiter, als Ethnograph und als Kaukasiologie bedarf weiterer intensiver Studien.

LANDSCHAFTS- REKONSTRUKTION UND HISTORISCHE GEOGRAPHIE DER TAMAN-HALBINSEL – NEUE DEUTSCH-RUSSISCHE AUSGRABUNGEN

**Daniel Kelterbaum¹,
Udo Schlotzhauer²,
Denis V. Žuravlev³
(Anca Dan⁴, Hans-Joachim Gehrke⁵)**

¹ *Geographisches Institut, Universität zu Köln, Köln, Deutschland*

² *Eurasien-Abteilung, Deutsches Archäologisches Institut, Berlin, Deutschland*

³ *Staatliches Historisches Museum, Moskau, Russland*

⁴ *École Normale Supérieure, Paris, Frankreich*

⁵ *Albert-Ludwigs-Universität Freiburg / Exzellenzcluster TOPOI, Berlin, Deutschland*

Bereits lange vor den ersten dauerhaften Ansiedlungen der Griechen im nördlichen und im östlichen Schwarzen Meer in der Spätphase der sog. Großen Griechischen Kolonisation am Ende des 7. Jh. v.Chr. war – wie verschiedene griechische Mythen bezeugen – der Kaukasus bereits im kollektiven Gedächtnis der Griechen verankert. Was aber den Nachweis

контакты между этими двумя регионами на ранней стадии до сих пор отсутствовали. Греки были мореплавателями и открыли Кавказ с моря. Поэтому их поселения были ориентированы в сторону моря. У них не было задачи колонизировать обширную глубинку или даже высокогорные районы. Однако при этом у них был большой интерес к богатым природным ресурсам Кавказского региона. Как транспортные пути, здесь особенно хороши были большие реки, берущие свое начало в горах, которые вместе со своими притоками были судоходны на обширных пространствах предгорий, прежде чем они вливались в Черное или Азовское моря. Близость к дельтам и речным устьям – наиболее предпочтительные места для установления первых контактов греков с туземными народами, где часто в дальнейшем греки и поселялись. Одной из первопричин колонизации была торговля, что нередко способствовало немедленному установлению культурного обмена. Такая реконструкция ранних контактов и стратегии заселения подтверждается находками в Северном Причерноморья ранней греческой керамики, а именно греческой расписной посуды последней трети VII в. до н.э., встреченной в варварской среде на сотни километров глубь материка. История культурного обмена греков Малой Азии, которые не только экспортировали свои собственные изделия и идеи, но также выступали посредниками для

греческой Anwesenheit am Kaukasus und eines direkten Kontaktes zwischen den beiden Regionen angeht, blieben so frühe Funde bisher aus. Die Griechen waren ein Seefahrervolk und erschlossen die Region des Kaukasus vom Meer her. Zum Meer hin waren somit auch ihre Ansiedlungen ausgerichtet. Ihre Sache war es nicht das weite Hinterland oder gar das Hochland des Kaukasus zu besiedeln. Gleichwohl aber hatten sie großes Interesse an den reichen Rohstoffquellen der Kaukasusregion. Hier boten sich als Transportwege vor allem die großen Flüsse an, die in den Gebirgen entsprangen und auch über ihre Nebenflüsse große Gebiete des Vorlandes schiffbar machten, bevor sie in das Schwarze oder Asowsche Meer entwässerten. Die Nähe zu Deltas und Flussmündungen waren somit die bevorzugten Orte erster Kontaktaufnahme mit den indigenen Völkern und häufig siedelten sich die Griechen in der Folge nahe zu diesen Einfalltoren an. Denn der Handel war einer der Primärgründe der Kolonisationstätigkeit, wodurch sich häufig umgehend Kulturaustausch einstellte. Diese Rekonstruktion des frühen griechischen Kontakt- und Siedlungsverhaltens wird durch die ältesten überhaupt im Nordpontos gefundenen Objekte, nämlich griechische Prunkkeramik aus dem letzten Drittel des 7. Jh. v.Chr., gestützt, die noch in indigenen Kontexten teils hunderte Kilometer tief im Hinterland angetroffen

ближневосточной продукции из Леванта, Сирии, Кипра или Египта, неоднократно обсуждалась и остается востребованной в современных исследованиях.

Все это известно. Менее известны, однако, отдельные местонахождения в процессе освоения греками территории и реконструкция природной среды в античное время – такой, как ее нашли сами греки. Эти вопросы имеют также отношение к изучению первых контактов и сосуществованию греков и туземных народов, которые в любом случае в значительной степени были небезопасными.

Основной целью начатого с 2007 г. междисциплинарного, международного российско-германского проекта по Боспору, в котором в качестве партнеров участвуют Государственный исторический музей (Москва) и Евразийское отделение Германского археологического института (Берлин), является изучение этих процессов. Среди задач в центре внимания было также исследование геоморфологических изменений Таманского полуострова в течение последних 5–6000 лет. При этом только в дельте Кубани группа геoarхеологов под руководством Х. Брюкнера и Д. Кельтербаума пробурила 30 скважин глубиной до 16 м. Согласно полученным из этих скважин радиоуглеродным датам достаточно надежно реконструируется вынос дельты не только в античное время, но с привлечением данных из дру-

wurden. Die Geschichte des Kulturaustausches besonders der kleinasiatischen Griechen, die nicht nur ihre eigenen Produkte und Ideen exportierten, sondern auch als Mittler nahöstlicher Produkte aus der Levante, Syrien, Zypern oder Ägypten zu gelten haben, ist bereits häufig diskutiert worden und noch immer Gegenstand aktueller Studien.

All das ist bekannt. Weniger bekannt sind allerdings die einzelnen Stationen im Prozess der griechischen Landnahme und die Rekonstruktion des naturräumlichen Milieus in antiker Zeit, so wie es von den Griechen vorgefunden wurde. Diese Fragen berühren nicht unwesentlich die Forschung zu den ersten Kontakten und der Koexistenz von Griechen und Indigenen, die ohnehin noch immer weitgehend unsicher sind.

Das interdisziplinäre, internationale russisch-deutsche Bosphorus-Projekt, eine Kooperation des staatlichen Historischen-Museums Moskau und der Eurasien Abteilung des DAI, verfolgt seit 2007 das Ziel diese Prozesse aufzuspüren. Im Fokus stand dabei unter anderem die Untersuchung der geomorphologischen Veränderungen der Taman-Halbinsel während der zurückliegenden 5–6000 Jahre. Dabei zog ein Team von Geoarchäologen unter der Leitung von H. Brückner und D. Kelterbaum 30 bis zu 16 m tiefe Bohrkerne allein im Kubandelta. Radiokarbonaten aus diesen Bohrkernen sichern die Rekonstruktion des Deltavorbaus

гих бурений можно проследить формирование группы островов на месте сегодняшнего полуострова Тамань. На основе этого историком А. Дан и Х.-Й. Герке удалось по-новому рассмотреть античную топографию восточной части Боспорского царства. Эти исследования дополняются раскопками на выбранных местонахождениях, дающих дополнительные данные для реконструкции раннего этапа греческой колонизации и контактов греков с туземным населением региона.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКОВ С БОЛЬШИМИ КУРГАНАМИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

**Герман Парцингер¹,
Антон Гасс¹, Йорг Фассбиндер²,
Андрей Б. Белинский³**

¹ Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия

² Факультет наук о Земле, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана, Мюнхен, Германия

³ «Наследие», Ставрополь, Россия

Степные регионы Северного, Центрального Предкавказья, расположенные, в основном, на территории Ставропольского края, насчитывают тысячи курганов раннего железного века, сооруженных представителями скифской

nicht nur während der Antike ab und mit den Daten aus weiteren Bohrungen konnte die Formation eines Archipelagos an der Stelle der heutigen Taman-Halbinsel nachvollzogen werden. Auf diesem Fundament gelang es den Historikern A.-C. Dan und H.-J. Gehrke die antike Topographie des östlichen Bosporianischen Reiches neu zu überprüfen. Hinzu kommen archäologische Feldforschungen an ausgewählten Punkten, die weitere Daten für die Rekonstruktion der frühen griechischen Landnahme und ihren Kontakt mit der indigenen Bevölkerung lieferten.

INTERDISZIPLINÄRE ERFORSCHUNG DER GRÄBERFELDER MIT FRÜHEISENZEITLICHEN GROSSKURGANEN IM NORDKAUKASUS

**Hermann Parzinger¹,
Anton Gass¹, Jörg Faßbinder²,
Andrej B. Belinskij³**

¹ Stiftung Preußischer Kulturbesitz, Berlin, Deutschland

² Fakultät für Geowissenschaften, Ludwig-Maximilians-Universität München, München, Deutschland

³ «Nasledie», Stavropol, Russland

Die Steppengebiete des nördlichen, zentralen Vorkaukasus, die im heutigen Gebiet Stavropol liegen, umfassen Tausende Kurgane der älteren Eisenzeit, die von den Trägern des skythischen Kulturkreises errichtet worden sind. Mehrere

культурно-исторической общности. Более сотни подобных курганов, возводимых для скифской кочевой элиты, благодаря их размерам, могут быть обозначены как большие курганы. Лишь некоторые из них были исследованы специалистами. Почти все изученные большие скифские курганы Ставропольского края относятся к более древнему архаичному периоду скифской истории, VII–VI вв. до н.э. Этот период хорошо известен по письменным источникам. В своей «Истории» древнегреческий историк Геродот упоминает районы Северного Предкавказья как исходную точку для начала завоевательных походов скифов в Азии (на Ближнем Востоке) в VII вв. до н.э. Исходя из правдивости повествования Геродота, можно представить, что Северное Предкавказье играло важную стратегическую роль в архаический период скифской истории. Как же развивался этот регион после возвращения скифов из «азиатского похода» – практически не известно. Речь идет о т. н. классическом периоде, который можно датировать V–IV вв. до н.э. В то время как на территории Западного Предкавказья и украинской степи известен целый ряд выдающихся больших скифских курганов данного периода, например: у аула Уляп или станицы Тенгинская на Кубани; Толстая могила, Чертомлык или Солоха в среднем и нижнем течении Днепра, – Ставрополье было представлено лишь

Hundert davon, die für die Elite der kriegerischen Reiternomaden gebaut wurden, können dank ihres Ausmaßes als Großkurgane bezeichnet werden. Nur einige dieser Großkurgane wurden bislang archäologisch untersucht. Dabei handelt es sich fast ausnahmslos um die Kurgane der älteren sog. «archaischen Periode», die man in das 7.–6. Jh. v.Chr. datiert. Diese Zeit ist auch aus schriftlichen Überlieferungen bekannt. So zum Beispiel erwähnt der altgriechische Historiker Herodot in seiner «Geschichte» die nördliche vorkaukasische Region als ein Ausgangspunkt des skythischen Kriegszuges nach Vorderasien im 7. Jh. v.Chr. Ausgehend von der Richtigkeit der Überlieferung Herodots kann man annehmen, dass der nördliche Vorkaukasus eine herausragende strategische Bedeutung in der «archaischen Periode» der skythischen Geschichte hatte. Was sich nach der Rückkehr der Skythen aus Vorderasien dort abspielte, ist völlig unbekannt. Dabei handelt es sich um die «klassische skythische Periode», die man in das 5.–4. Jh. v.Chr. datiert. In dieser Zeit entstehen eine ganze Reihe der prominenten skythischen Kurganen im Kuban-Gebiet im nördlichen Westkaukasus und in der ukrainischen Steppe des unteren Dneprs, solche, wie die Kurgane beim Aul Ulajp oder Stanica Tenginskaja im Kuban-Gebiet sowie Tolstaja Mogila, Čertomlyk oder Solocha am

одним подобным курганом классического периода, исследованным в 1899–1901 гг.

Необходимость увеличения информативной базы по скифской истории I тыс. до н.э. на территории Ставропольского края (слабая изученность классического периода и практически полное отсутствие данных о восточных его регионах) послужила отправной точкой для проведения здесь мультидисциплинарных исследований. Применение таких исследований при изучении могильников с большими курганами раннего железного века в последнее время предоставило абсолютно новые результаты, позволяющие иначе оценить монументальные сооружения древних кочевников и интенсивность использования окологурганного пространства некрополей. Внесены существенные дополнения в изучение такого рода памятников, а *большой курган раннего железного века* видится как конструкция, включающая в себя не только погребения, схроны, клады, ритуальные комплексы и построенные над ними сооружения, но также и окологурганное пространство – т. н. периферию кургана.

Значительная роль при изучении периферии кургана, особенно на первом ее этапе, отводится геофизическим исследованиям. Применение цезиумного магнитометра в сравнительно сжатые сроки позволяет изучить относительно большие площади без проведения рас-

unteren Dnepr, doch aus dem Gebiet Stavropol war bislang nur ein einziger in den Jahren 1899–1901 untersuchter Kurgan bekannt.

Die Notwendigkeit der Gewinnung neuer Informationen zur skythischen Geschichte des Gebiets Stavropol im 1. Jt. v.Chr. (nicht ausreichender Forschungsstand zur «klassischen Periode» und mangelnde generelle Kenntnisse zu ältereisenzeitlichen Bodendenkmälern in der Osthälfte des Gebietes) erforderte den Beginn der multidisziplinären Untersuchungen in der Region. Die Multidisziplinarität der Untersuchung der skythischen Großkurgane verhalf in letzter Zeit, zu absolut neuen Ergebnissen zu gelangen und die monumentalen Anlagen der Reiternomaden sowie die Intensivität der Benutzung des Kurganumfeldes auf den Nekropolen neu zu bewerten. Zudem wurde vor kurzem der Begriff des *ältereisenzeitlichen Großkurgans* neu definiert. Zu einem Großkurgan gehören nicht nur die Bestattungen, Horte und Ritual- und Opferkomplexe sowie darüber errichtete Anlagen sondern auch das Territorium um den Kurgan – sog. Kurganperipherie.

Ein entscheidender Beitrag zur Erforschung dieser Kurganperipherie an der ersten Etappe leistet dabei die geophysikalische Prospektion. Die Anwendung des Cäsium Magnetometers erlaubt zerstörungsfrei und in vergleichsweise kurzer Zeit auf relativ großen Flächen einen Einblick

копок и получить детальную информацию о структуре как околокурганного пространства, в частности, так и всего могильника, в целом. Интерпретация магнитogramм, сбор подъемного материала и получение органических проб для радиоуглеродного анализа позволяют в идеальном случае получить первичные представления о месте могильника или кургана в хронологической шкале. Но максимальное количество информации о некрополе или кургане по-прежнему предоставляют лишь археологические раскопки и последующий лабораторный анализ с привлечением естественнонаучных методов исследований.

Первичные геофизические исследования периферии больших курганов и могильников с такими курганами позволили выявить в Ставропольском крае, в первую очередь, в слабо изученных восточных районах края, два различных принципа использования околокурганного пространства больших курганов. Тогда как на периферии некоторых больших курганов четко прослеживаются рвы, валы, клады, схроны, кострища, одновременные захоронения, подзахоронения, ритуальные комплексы, остатки тризн и следы архитектурных сооружений, то околокурганное пространство других больших курганов, несмотря на общие внешние признаки с некрополями первой группы и их идентичные ландшафтные характеристики, выгля-

in die Struktur und den Aufbau eines Kurgans sowie die Gewinnung des genauen Nachweises weiterer Befunde in der Umgebung. Die Auswertung der Magnetogramme, das Auflesen der Lesefunde und das Gewinnen des organischen Materials für Radio-carbon Datierung erlauben im Idealfall, vorläufige Information zum chronologischen Zusammenhang sowohl des Großkurgans als auch der gesamten Nekropole zu bekommen. Jedoch kann eine maximale Breite der Kenntnisse zur Nekropole oder zu einem einzelnen Kurgan immer nur nach einer archäologischen Ausgrabung und Auswertung des Materials mit Anwendung unterschiedlichen Methoden und Studien der Naturwissenschaften erlangt werden.

Die ersten vorläufigen geophysikalischen Untersuchungen der Peripherie der Großkurgane sowie der Nekropolen mit solchen Kurganen erlaubten es, in der Region Stavropol, vor allem in der bis jetzt nicht ausreichend untersuchten Osthälfte des Gebiets, zwei unterschiedlichen Raumnutzungskonzepte der sakralen Bereiche um die Kurgane festzustellen. Während an der Peripherie einiger Großkurgane ganz deutlich Kreisgräben, Wälle, Horte, Feuerstellen, Bei- und Nachbestattungen, Ritualkomplexe, Reste der Leichenschmausfeste sog. Triznas und Befunde des architektonischen Charakters sichtbar gemacht wurden, erschien das Territorium um andere Großkurgane trotz gemeinsamer äußerer Merkmale zu Grabhügeln

дит практически «пустым» и слабо использованным.

Наличие или отсутствие выявленных конструкций периферии кургана свидетельствует о проведении тех или иных сложных ритуальных церемоний представителями скифского культурно-исторического общества вокруг больших курганов. Полученные с помощью магниторазведки данные позволяют определить большее количество новых деталей, важных для реконструкции погребального обряда древних кочевников, а также определить дальнейшие шаги в изучении археологических памятников.

КАВКАЗ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

**А. М. ТАЛЫГРЕНА:
НЕИСПОЛНИМАЯ МЕЧТА**

Сергей В. Кузьминых

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Проблематика бронзового века Кавказа стала логическим продолжением предшествующих исследований А. М. Талыгрена о культурах степи и лесостепи Восточной Европы. В немалой степени она связана с выяснением подтекста, связей и

первой группы, как Aufbauprinzip und inneren Einordnung der Nekropolen sowie ähnlichen Landschaftsmarker der Gräberfelder, fast «leer» und «unbenutzt» zu sein.

Das Vorkommen oder Fehlen der Befunde an der Peripherie der Großkurgane zeugt über das Praktizieren und das Ausführen unterschiedlicher komplizierter ritueller Handlungen der Träger der skythischen Kultur im 1. Jt. v.Chr. um die Kurgane. Die mittels der geophysikalischen Vermessungen gewonnenen Information zu den ältereisenzeitlichen Kurganen und ihrer Peripherie im nördlichen Vorkaukasus erlaubt neue Details zur Rekonstruktion des Bestattungsrituals und der damit verbundenen kultischen Abhandlungen der kriegerischen Reiternomaden zu bekommen und weitere Erforschungsschritte an solchen Bodendenkmälern festzulegen.

DER KAUKASUS IN DEN ARCHÄOLOGISCHEN FORSCHUNGEN

A. M. TALLGRENS: EIN NICHTERFÜLLTER TRAUM

Sergei V. Kuzminykh

Archäologisches Institut, RAW, Moskau, Russland

Die Problematik der Bronzezeit des Kaukasus war die logische Fortsetzung der vorhergehenden Forschungen A. M. Tallgrens zu den Kulturen der Steppe und Waldsteppe Osteuropas. Sie war mit der Klärung des Kontextes, der

датировки культур бронзового века центра и северо-востока Европейской России (фатьяновская, Сейма, Галич).

Финский исследователь и в книге о бронзовом веке Северного Причерноморья (Tallgren 1926) уделил большое внимание культурам Северного Кавказа, взаимосвязи и контактам их носителей. Весьма плодотворная поездка в 1928 г. на Кавказ и изучение археологических коллекций в музеях Пятигорска, Владикавказа и Тбилиси (Kivikoski 1954: 107, 108) дали Таллгрену дополнительный импульс для выбора нового исследовательского проекта. Собранные им богатейшие материалы, а также изучение кавказских и анатолийских коллекций в других музеях СССР, Турции и европейских стран привели Михаила Марковича к осознанию необходимости обобщения всех известных к тому времени источников, имеющих отношение к древностям бронзового века Кавказа, и написания большого сводного труда об эпохе раннего металла этого региона.

Кавказские материалы в рабочем архиве ученого в Музейном ведомстве Финляндии сосредоточены в трех больших папках и объединены в тематические блоки самим Таллгреном и частично – после его кончины – архивистами. В этих папках – зарисовки из советских и европейских музеев (оригинальные, коллег, копии из публикаций), тексты – собственные, а также

Zusammenhänge und der Datierung der Bronzezeit Zentral- und Nordostrusslands (Fat'janovskaja, Sejma, Galič) eng verbunden.

Der finnische Forscher hatte schon in seinem Buch zur Bronzezeit des nördlichen Schwarzmeergebiets (Tallgren 1926) den Kulturen Nordkaukasiens, den wechselseitigen Kontakten und Beziehungen ihrer Träger große Aufmerksamkeit gewidmet. Seine erfolgreiche Reise in den Kaukasus 1928 und das Studium der archäologischen Sammlungen in den Museen von Pjatigorsk, Vladikavkaz und Tbilissi hatten Tallgren zusätzlichen Impuls bei der Wahl des neuen Forschungsprojekts verliehen. Die von ihm gesammelten reichen Materialien und das Studium der kaukasischen und anatolischen Kollektionen in anderen Museen der UdSSR, der Türkei und in verschiedenen europäischen Länder brachten ihn zur Erkenntnis, alle zu jener Zeit bekannten Quellen, die zu den bronzezeitlichen Altertümern des Kaukasus in Beziehung standen, systematisch zu erfassen und in einer großen Arbeit zur Epoche der frühen Metallzeit dieser Region zu kompilieren.

Die Materialien aus dem Kaukasus finden sich in drei umfangreichen Mappen, die von Tallgren selbst und nach seinem Tode von Archivaren nach thematischen Blöcken geordnet worden sind, sie liegen im Archiv des Gelehrten im Museumsamt Finnlands. In diesen Mappen gibt es Zeichnungen aus sowjetischen und europäischen

авторов ESA (Я. И. Гуммель, М. Егоров, М. М. Иващенко, Г. К. Ниорадзе и др.), в том числе неопубликованные, как, например, статья Е. Г. Пчелиной о святилище Реком), фотографии, описания самых разнообразных вещей, коллекций, памятников бронзового и раннего железного веков, листки из записных путевых книжек, почтовые советские карточки с видами городов Северного Кавказа и их окрестностей, карты Кавказа и Малой Азии (включая маршрутные туристические) с нанесенными значками памятников, газеты на русском и немецком языках (прежде всего со статьями Якова Гуммеля), выписки из литературы со схематичными рисунками и пометками Тальгрена. Кроме того, и это существенно важнее, в папках сосредоточены подборки материалов по темам: «Кубань. Рабочие материалы», «Кубань: степные погребения», «Молоточковидные булавки», «Владикавказский и Тифлисский музеи», «Казбек–Кавказ–Галич», «Символы. Шаманские атрибуты?»), «Генеалогия галичских идолов. Идолы Галичского клада», «Аналогии идолам Казбекского и Галичского кладов из Малой Азии, Месопотамии и Сиро-Палестины», «Материалы Казбекского клада» и др. Часть этих материалов была использована в публикациях Тальгрена и его советских коллег.

К археологии Кавказа Тальгрэн обращался уже в своих ранних работах, обсуждая проблему фор-

Museen (Originale, von Kollegen übernommene und Kopien aus Publikationen, eigene Texte und von Autoren der «Eurasia Septentrionalis Antiqua» (Ja. I. Gummel', M. Egorov, M. M. Ivašenko, G. K. Nioradze und anderer, darunter auch unpublizierte wie z.B. der Aufsatz von E. G. Pčelina über das Heiligtum Rekom), Photographien, Beschreibungen verschiedenster Objekte, Kollektionen und Denkmäler der Bronze- und frühen Eisenzeit, Seiten aus Reiseberichten, sowjetische Postkarten mit Ansichten von Städten Nordkaukasiens und ihrer Umgebung, Karten des Kaukasus und Kleinasiens (einschließlich touristischer Routen) mit eingezeichneten Denkmälern, russisch- und deutschsprachige Zeitungen, Auszüge aus der Literatur mit schematischen Zeichnungen und Anmerkungen Tallgrens. Außerdem, und das ist besonders wichtig, gibt es hier in den Mappen Materialzusammenstellungen zu den Themen «Kuban. Arbeitsmaterialien», «Kuban: Steppengräber», «Hammerförmige Röhrchen», «Die Museen Vladikavkaz und Tiflis», «Kazbek-Kavkaz-Galič», «Symbole. Schamanenattribute?», «Genealogie der Galič-Idole. Die Idole des Galič-Schatzes», «Analogien zu den Idolen der Kazbek- und Galič-Schätze aus Kleinasien, Mesopotamien und Syro-Palästina», «Materialien des Kazbek-Schatzes» u.a. Ein Teil dieser Materialien wurde in den Publikationen Tallgrens und seiner sowjetischen Kollegen benutzt.

мирования в центре Русской равнины фатьяновской культуры (Tallgren 1911; 1915; 1920; 1924; 1925) и кавказско-анатолийские истоки идолов Галичского клада (Tallgren 1911; 1925; 1926; 1928). Различные аспекты исследования бронзового века Кавказа нашли отражение в ряде фундаментальных статей ученого конца 1920-х – первой половины 1930-х годов (Tallgren 1929; 1930; 1931; 1933; 1934; 1936), которые не оценены в полной мере в отечественной археологии. Они составляют два блока. Первый – работы об антропоморфных скульптурах Казбекского и других кладов Центрального Кавказа и кавказско-анатолийские истоки идолов Галичского клада. Второй – публикация и анализ курганных и мегалитических погребальных памятников эпохи раннего металла, а также дольменов Северо-Западного Кавказа. Фактически мы имеем дело с разделами не состоявшегося монографического труда Таллгрена о бронзовом веке Кавказа. «Он, безусловно, продолжил бы свои кавказские исследования, – писала его биограф Элла Кивикоски, – он описывал Кавказ как наиболее интересный с точки зрения археологии регион Евразии, если бы не его открытое письмо от 1928 г. российским властям с критикой преследования учёных, результатом чего явился запрет на его посещение России на долгие годы. Тем не менее, его исследования представляют весомый вклад в

Der Archäologie des Kaukasus hatte sich Tallgren schon in seinen frühen Arbeiten zugewandt, als er das Problem der Formierung der Fat'janovskaja Kultur im Zentrum der russischen Ebene (Tallgren 1911; 1915; 1920; 1924; 1925) und die kaukasisch-anatolischen Quellen der Idole des Galič-Schatzes behandelte (Tallgren 1911; 1925; 1926; 1928). Verschiedene Aspekte der Untersuchung der kaukasischen Bronzezeit fanden ihren Niederschlag in einer Reihe fundamentaler Aufsätze des Gelehrten am Ende der 1920er – erste Hälfte der 1930er Jahre (Tallgren 1929; 1930; 1931; 1933; 1934; 1936), die leider in der sowjetischen Archäologie nicht die gebührende Wertschätzung gefunden haben. Sie bilden zwei Themenblöcke: Der erste enthält Arbeiten zu den anthropomorphen Skulpturen des Kazbek- und anderer Schätze aus dem Zentralkaukasus und die kaukasisch-anatolischen Quellen der Idole des Galič-Schatzes. Den zweiten bilden die Publikationen und die Analyse der Kurgan- und Megalithgräber der frühen Metallzeit sowie der Dolmen des Nordwest-Kaukasus. Wir haben es faktisch mit einer nicht zustande gekommenen monographischen Arbeit Tallgrens zur Bronzezeit des Kaukasus zu tun. «Er hätte seine Kaukasusstudien zweifellos fortgesetzt», - schrieb seine Biographin Ella Kivikoski – «und den Kaukasus als eine unter archäologischem Gesichtspunkt höchst interessante Region Europas beschrieben, wenn nicht 1928 sein offener Brief an die russischen Machthaber mit der Kritik

анализ бронзового века данного региона и хронологии бронзового века Южной России в целом» (Kivikoski 1954: 108).

Резкое ухудшение здоровья в 1937–1938 гг., занятость подготовкой выпусков журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» и невозможность продолжения непосредственного изучения археологических коллекций в музеях СССР не позволили А. М. Тальгрэну завершить данное исследование. В итоге кавказский исследовательский проект, несмотря на публикацию впечатляющих по своим результатам статей, не был завершён и остался неисполнимой мечтой финского археолога. В 1938 г. в послесловии к XII – последнему – тому журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» его редактор сделал своего рода научное завещание, постаравшись свести воедино самые важные проблемы археологии Северной Евразии, которые до поры до времени ожидали своего обсуждения, и среди них – «бронзовый век Западного Кавказа». Примечательно и то, что к этой теме А. М. Тальгрэн вернулся в своих последних статьях в газете «*Helsingin Sanomat*»: «*Kubanin laakson muinaiskulttuuri* [Древняя культура долины Кубани]» (11.8.1942) и «*Muinainen Kaukasia* [Древний Кавказ]» (5.9.1942).

an der Verfolgung von Gelehrten gewesen wäre, dessen Resultat ein Einreiseverbot für viele Jahre war. Nichts desto weniger stellen seine Forschungen einen gewichtigen Beitrag zur Analyse der Bronzezeit dieser Region und zur Chronologie der Bronzezeit Südrusslands insgesamt dar» (Kivikoski 1954: 108).

Die zunehmende Verschlechterung seines Gesundheitszustandes in den Jahre 1937–1938, die Beschäftigung mit der Herausgabe des Journals «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» und die Unmöglichkeit, seine Studien der Kollektionen in den Museen der UdSSR fortzusetzen, erlaubten es Tallgren nicht, seine Forschungen zum Abschluss zu bringen. Abgesehen von der Publikation der in ihren Ergebnissen höchst eindrucksvollen Aufsätze blieb das Kaukasus-Forschungsprojekt ein unerfüllter Traum des finnischen Archäologen. 1938, nach dem XII. – für ihn letzten – Band der «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» machte sein Redakteur ein wissenschaftliches Testament eigener Art, indem er die wichtigsten Fragen der Archäologie Nordeasiens, die zu jener Zeit noch ihrer Lösung warteten, darunter auch «die Bronzezeit Westkaukasiens», zusammenzufassen suchte. Bemerkenswert ist, dass Tallgren zu diesem Thema auch in seinen letzten Aufsätzen «*Kubanin laakson muinaiskulttuuri* [Die alte Kultur des Kuban-Tals]» (11.8.1942) und «*Muinainen Kaukasia* [Der alte Kaukasus]» (5.9.1942) in der «*Helsingin Sanomat*» zurückgekehrte.

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ: ЗНАЧИМОЕ ПОНЯТИЕ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Майя Т. Кашуба

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

1. Короткий период существования (1926–1929 гг.) секции «Генетика культуры» в Российской академии истории материальной культуры (Санкт-Петербург), в которой участвовал и Александр А. Миллер, был положен в основу отечественных (русскоязычных) разработок культурогенетических проблем (см. Бондарев 2009; 2014). Соответственно, было создано «большое историческое повествование» о понятии и термине «культурогенез» в отечественной археологической науке. Однако эти выстроенные связи не разделяют сами археологи. Так, В. С. Бочкарёв (2014) подчеркивает, что культурологические идеи тогда не получили продолжения, а само направление по-новому возродилось, начиная с 1970-х гг. на Методологическом семинаре в среде ленинградских/петербургских археологов. С критикой выступил Л. С. Клейн (2015), высказав также недоумения по поводу появившейся новой науки «культурогенетика» (см. Флиер 1995; 1998; Флиер, Бондарев 2009; Бондарев 2009). Отметив, что археологи используют термин культурогенез в своих практических исследованиях,

KULTURGENESE: ZU EINEM BEDEUTENDEN BEGRIFF IN DER RUSSISCHSPRACHIGEN ARCHÄOLOGIE

Maja T. Kašuba

Institut für Geschichte der Materiellen Kultur, RAW, Sankt Petersburg, Russland

1. Die kurze Existenz einer Sektion zur «Genetik der Kultur» an der Russischen Akademie der Geschichte der Materiellen Kultur (Sankt Petersburg) (1926–1929), an der auch Alexander A. Miller beteiligt war, legte der russischsprachig Archäologie ein Konzept zu Grunde, das sie bis heute prägt: das Konzept der Kulturgenese (siehe Бондарев 2009; 2014). Damit war die Basis für große historische Narrative geschaffen, und der Terminus Kulturgenese in die einheimischen archäologische Wissenschaft eingeführt. Allerdings haben nicht alle Archäologen dieses Konzept aufgegriffen. Wie Vadim S. Bočkarëv (2014) betont, hat das Konzept der Kulturgenese damals keine Fortsetzung gefunden, sondern lebte erst in den 1970er Jahren mit den methodologischen Seminaren der Leningrader/Petersburger Archäologen wieder auf. Auch Leo S. Klejn (2015) äußerte sein Befremden anlässlich des Erscheinens einer neuen Wissenschaftsdisziplin «Kulturgenetik» (siehe Флиер 1995; 1998; Флиер, Бондарев 2009; Бондарев 2009). Leo S. Klejn bezeichnet, dass Archäologen den Terminus Kulturgenese in ihrer praktischen Forschungen anwenden, aber er

Л. С. Клейн (2012) сужает область его применения до вопросов происхождения и связей культур, которые всегда разные. Каковы современные представления о культурогенезе в отечественной археологии?

2. Понятийный аппарат археологии неуклонно развивается. «Археологическая культура» – искусственный конструкт, выросший в недрах археологической науки, в ее основе – «археологические источники», имеющие двойственную природу: искусственная (человеческая) и естественная (природная) (Бочкарёв 2014). Этот термин (по сути – модель) широко используется в русскоязычной археологии. В отечественной науке в конце 1960–1970-х гг. прошли оживленные дискуссии относительно содержания понятий «археологическая культура» и «археологический источник». Особый вклад внесла ленинградская/петербургская археологическая школа (Л. С. Клейн, В. С. Бочкарёв, В. М. Массон, Г. П. Григорьев, М. В. Аникович и др.). После этих дебатов понятие «археологическая культура» прочно вошло в исследовательскую практику современной русскоязычной археологии.

Лавина принципиально новых материалов разных исторических эпох из Восточной Европы, полученных в ходе раскопок во второй половине XX в., а также появление школы «новой» или процессуальной археологии как передовой (для своего времени) методологической

связывает свою Anwendung nur auf die Fragen der Herkunft und der Beziehungen von Kulturen, die immer verschiedene sind (Клейн 2012). Was sind also die modernen Vorstellungen zur Kulturgenese in der russischsprachigen Archäologie?

2. Der begriffliche Apparat der Archäologie verändert sich ständig. Ein Beispiel ist die «archäologische Kultur», ein künstliches Konstrukt, das im Kern der archäologischen Wissenschaft entwickelt wurde und deren Grundlagen, die «archäologischen Quellen», eine doppeldeutige Natur haben: sie sind artifizuell – anthropogen und natürlich – umweltbedingt (Бочкарёв 2014). Dieser Terminus (eigentlich – das Modell) findet in der russischsprachigen Archäologie breite Verwendung. In der russischsprachigen Wissenschaft am Ende 1960–1970 gab es eine intensive Diskussion um die Inhalte von Begriffen wie den der «archäologischen Kultur» oder der «archäologischen Quellen». Einen besonderen Beitrag hat dabei die Leningrader/Petersburger archäologische Schule um L. S. Klejn, V. S. Bočkarjev, V. M. Masson, G. P. Grigorjev, M. V. Anikovič u. a. geleistet. Nach diesen Diskussionen ist der Begriff der «archäologischen Kultur» in der Forschungspraxis der modernen russischsprachigen Archäologie fest verankert.

Die Flut neuer Materialien der verschiedensten historischen Epochen in Osteuropa durch die zunehmenden

основы в зарубежной археологии явились полигоном теоретических поисков. Практическая деятельность археологов требовала расширения исследовательского аппарата. В последней четверти XX в. сложилось археологическое направление культурогенеза, в основе которого – искусственный и естественный факторы. Соответственно, типологический метод и культурно-историческая интерпретация полученных результатов – это основные инструменты для изучения культурогенеза в археологии (см. Массон 1981; Бочкарёв 2014). В археологии «генезис» рассматривается сквозь призму процессов преобразования и самообновления культуры, созданной человеческим обществом. Отсюда понятие «культурогенез» в археологии (как, например, «онтогенез» в биологии) обозначает общий процесс функционирования культуры: истоки традиции, тенденции, направление и характер изменений вплоть до исчезновения. Вопросы, связанные с изучением отдельных археологических культур, всегда решаются на конкретном материале.

Дальнейшая разработка понятия «культурогенез» в пространстве-времени позволило наполнить его новым содержанием и привело В. С. Бочкарёва к созданию концепции «очаг культурогенеза». По В. С. Бочкарёву, «очагом культурогенеза является более или менее значительная область, которая

Аusgrabungen in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts, sowie das Erscheinen der «neuen» oder prozessualen Richtung in der ausländischen Archäologie war zu einer gewissen Zeit in methodischer Hinsicht eine Art Spielfeld auf der Suche nach der Theorie für die Archäologie. Die praktische Seite der Archäologen forderte dabei die Erweiterung des Forschungsapparates. Im letzten Viertel des 20. Jahrhunderts hat sich die archäologische Richtung der Kulturgeneseforschung unter Berücksichtigung von künstlichen und natürlichen Faktoren herausgebildet. Die typologische Methode und ihre kulturelle-historische Interpretation sind Hauptinstrumente für das Studium der Kulturgenese in der Archäologie (siehe Массон 1981; Бочкарёв 2014). In der Archäologie wird der Begriff «Genese» vor dem Hintergrund der Umgestaltungsprozesse und der Selbsterneuerung einer Kultur, die von einer menschlichen Gemeinschaft geschaffen wird betrachtet. Ähnlich wie in der Biologie der Begriff «Ontogenese», bezeichnet in der Archäologie der Begriff «Kulturgenese» den allgemeinen Prozess des Funktionierens einer Kultur: die Herkunft der Traditionen, innere Tendenzen, die Entwicklung und den Charakter der Veränderungen bis zu ihrem Verschwinden. Die Fragen, die mit dem Studium bestimmter archäologischer Kulturen verbunden sind, beziehen sich immer auf konkretes Material.

в течение сравнительно длительного времени была источником весомых культурных инноваций для соседних регионов – это передовые для своего времени технологии, новые системы ценностей, стереотипы, нормы и стандарты в различных сферах культуры» (Бочкарёв 1995; 2010; 2013; 2014). Эта концепция является новейшим методологическим инструментом, предоставляющим новые возможности интерпретации культурно-исторического развития древних обществ, включая создание археолого-радиоуглеродной хронологии.

3. Применение концепции «очаг культурогенеза» рассматривается на примере новой интерпретации процессов, характеризующих переход от бронзового века к железному в Северном Причерноморье (см. Кашуба 2012; 2013). В отечественной историографии вплоть до сегодняшнего дня преобладает мнение о восточноевропейских (местных и пришлых – восточных) истоках раннего железного века в регионе. Многие исследователи полагают, что ведущую роль в трансфере технологии железа сыграли «киммерийцы» (см. Терножкин 1975: 6, 22 сл.; 1976: 132; Паныков 1987: 52; 2014; Кравченко 2013: 284–285). Считается, что в начале раннего железного века геополитическую обстановку в регионе определяли мобильные объединения ранних кочевников: черноморовская и новочеркасская

Die Entwicklung des Begriffes der «Kulturgenese» hat im Verlauf der Zeit zugelassen, ihn mit neuen Inhalten auszufüllen, und Vadim S. Bočkarëv dazu gebracht, das Konzept des «Herd der Kulturgenese» zu entwickeln. Nach Bočkarëv ist ein «*Herd der Kulturgenese*» mehr oder weniger ein Gebiet, das im Laufe von verhältnismäßig langen Zeiträumen Quelle von wichtigen kulturellen Innovationen für die benachbarten Regionen war. In erster Linie sind dies Technologien, Werte-Systeme, Stereotype, Normen und Standards in verschiedenen Sphären der Kultur» (Bočkarëv 1995; 2010; 2013; 2014). Diese Konzeption ist das aktuellste methodologische Instrument, das neuen Möglichkeiten zur Interpretation der kulturellen-historischen Entwicklung eine prähistorischen Gesellschaften, einschließlich der Bildung einer Radiokarbonaten gestützten Chronologie eröffnet.

3. Die Anwendung der Konzeption eines «Herd der Kulturgenese» lässt sich am Beispiel der neuen Interpretation der Prozesse zeigen, die den Übergang der Bronze- zur Eisenzeit im Nordschwarzmeerraum charakterisieren (Кашуба 2012; 2013). In der russischsprachigen Historiographie überwiegt bis heute die Meinung einer osteuropäischen (lokalen und unter östlichem Einfluss) Herkunft der frühen Eisenzeit in der Region. Es wird angenommen, dass die führende Rolle im Transfer der Eistechnologie die «Kimmerier»

группы в предскифский период, носители раннескифского комплекса – в раннескифский период. Подобные представления отражены в концепции Н. Н. Тереховой и В. Р. Эрлиха, которые выдвинули идею о существовании в регионе восточноевропейской или понтийской технологической традиции железообработки (Терехова, Эрлих 2000, 2002; Эрлих 2007). Однако археологические культуры Восточной Европы не были единообразными, а динамика культурно-исторического развития региона была разной. Так, в Восточном Прикарпатье в XIII/XII–VII/VI вв. до н.э. засвидетельствованы гальштаттские культуры, которые имели корни в Карпато-Подунавье. У носителей этих культур отмечены новые технологии и знания в производстве и обработке металлов, включая железо; архитектурно-строительном деле; керамическом производстве и др. Благодаря типологическому методу были уточнены датировки железных изделий (XI–IX вв. до н.э.) и обозначены области происхождения некоторых предметов или их прототипов, приходящиеся на Северную Италию, Западные и Восточные Балканы, Эгейский мир. На протяжении почти семи столетий гальштаттские сообщества выступали проводниками средне-европейских инноваций в культуру лесостепного и степного населения Северного Причерноморья. В западных областях этого региона

gespielt haben (Тереножкин 1975: 6, 22 ff.; 1976: 132; Паньков 1987: 52; 2014; Кравченко 2013: 284–285) und am Anfang der frühen Eisenzeit in der Region mobile Gruppen früher Nomaden herrschen: die Černogorovka- und Novočerkassk-Gruppen – in der vorskythischen Periode und weiter – die Träger der Frühskythischen Kultur-Komplex. Diese Paradigma prägt auch die Überlegungen von N. N. Terekhova und V. R. Erlikhs zur osteuropäische oder pontischen Tradition der frühen Eisenmetallurgie (Терехова, Эрлих 2000; Эрлих 2007). Allerdings waren die archäologischen Kulturen Osteuropas alles andere als einheitlich. Im östlichen Vorkarpanenraum sind im 13./12.–7./6. Jh. v.Chr. die hallstädtischen (karpathen-donauländischen) Kulturen bezeugt, die ihre Wurzeln in Karpaten-Donauraum haben. Die Träger dieser Kulturen verfügten über neuen Technologien und Wissen, wie z. B. die Produktion und die Bearbeitung von Metallen, einschließlich Eisen; neue Architekturformen; neue Formen der Keramikproduktion u.a. Die typologischen Methode erlaubt es, die Datierungen der eisernen Artefakte zu präzisieren (11.–9. Jh. v.Chr.) und für bestimmte Fundkategorien die Herkunftsgebiete der Objekte oder ihrer Prototypen in Norditalien, dem westlichen und östlichen Balkan oder in der die Ägäische Welt zu lokalisieren. Fast sieben Jahrhunderte lang traten die hallstädtischen (karpathen-donauländischen)

с конца XI в. до н.э. существовала гальштаттская (карпато-дунайская) традиция железообработки. На основе проанализированных данных сформулирована новая объяснительная модель, согласно которой появление гальштаттских (карпато-дунайских) культур в регионе связано с функционированием среднедунайского очага культурогенеза. Соответственно, в Восточной Европе железный век имел разное происхождение: местное (из Восточной Европы) и пришлое (из Карпато-Подунавья). Этот дуализм обусловил неравномерность культурно-исторического развития и асинхронное наступление раннего железного века в разных регионах Европы.

КОНЦЕПЦИЯ Г.-Ю. ЭГГЕРСА О «ЖИВОЙ» И «МЕРТВОЙ» КУЛЬТУРЕ

Олег В. Шаров

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

Существуют разнообразные точки зрения на специфику археологических источников (см. Клейн 1978), в частности, она определяется через различие «живой» и «мертвой» культур. Термины «живая» и «мертвая» культуры были введены в научный оборот немецким археологом Г.-Ю. Эггерсом (1906–1975) в его статье об этнических определениях в ранней истории (Eggers 1950: 49–59). Концепция о принципиальных

Gesellschaften als Vermittler westlicher europäischer Innovationen in die Waldsteppen- und Steppenregionen des Nordschwarzmeerraumes auf. Es kann als Modell angenommen werden, dass diese hallstättischen Kulturen mit dem Mitteldonauländischen «Herd der Kulturgenese» zu verbinden sind. Entsprechend hatte die Frühen Eisenzeit in Osteuropa verschiedene Quellen: lokal (aus Osteuropa) und fremde (aus dem Karpatenbecken und Donauraum). Dieser Dualismus hat die Ungleichmäßigkeit in der kulturellen-historischen Entwicklung und den asynchronen Beginn der frühen Eisenzeit in den verschiedenen Regionen Europas bedingt.

HANS JÜRGEN EGGERS’ KONZEPTION VON DER «LEBENDEN» UND «TOTEN» KULTUR

Oleg. V. Šarov

Institut für Geschichte der Materiellen Kultur, RAW, Sankt Petersburg, Russland

Es gibt verschiedene Ansichten zu den Unterschieden von «lebender» und «toter» Kultur ausgehend von der Spezifik bestimmter archäologischer Quellen (s. Клейн 1978). Diese Termini wurden von dem deutschen Archäologen H. J. Eggers (1906–1975) in seinem Aufsatz über die ethnischen Definitionen in der Frühgeschichte (Eggers 1950: 49–59) in die Wissenschaft eingeführt. Die Konzeption der prinzipiellen

различиях живой и мертвой культуры была оформлена несколько позднее (Eggers 1959: 262–270), в известной монографии, которая неоднократно переиздавалась за рубежом. Л. С. Клейн (1978) и Ю. Н. Захарук (1975: 4–6) проанализировали эту концепцию – рассмотрим основные ее положения.

Г.-Ю. Эггерс первым обратил внимание на качественные отличия «живой» культуры («lebende» Kultur), изучаемой этнографами, от «мертвой» культуры («tote» Kultur), изучаемой археологами. При этом он отметил, что до нас дошло далеко не все. На свалку и в отложения мусора у жилищ чаще попадали не те вещи, которые наиболее интенсивно использовались в жизни, а те, что чаще ломались или были слишком редко нужны. Металлические изделия служили долго: сломанные и сточенные, они не выбрасывались, а отдавались в переплавку. Горшки же разбивались, то и дело и попадая в мусор. Покойника клали в могилу не в той одежде и часто не с теми вещами, которыми он обычно пользовался при жизни (см. Клейн 1978: 54). По мнению Л. С. Клейна, из этих рассуждений Г.-Ю. Эггерса следует сделать вывод, что археологи имеют дело не с мертвой культурой, а с остатками «мертвой» культуры. Разрушения, поражающие мертвую культуру, действуют на нее избирательно: разные материалы по-разному выдерживают длительное действие стихий. Металлы разрушаются от коррозии, древесина рассы-

Unterschiede zwischen lebenden und toten Kulturen legte er später in der bekannten Monographie «Einführung in die Vorgeschichte» vor (Eggers 1959: 262–270). L. S. Klejn (1978) und Ju. N. Zacharuk (1975: 4–6) haben diese Konzeption analysiert. Wir wollen hier ihre Grundpositionen behandeln.

H. J. Eggers stellte als erster die qualitativen Unterschiede zwischen der von den Ethnographen untersuchten «lebenden» Kultur und der von den Archäologen erforschten «toten» Kultur heraus. Dabei vermerkte er, dass uns bei weitem nicht alles erhalten geblieben ist. Auf der Müllhalde der Siedlungen landeten sehr oft nicht jene Dinge, die im Leben intensiv benutzt wurden, sondern das, was zerbrochen, unbrauchbar war oder nur sehr selten benötigt wurde. Metallerzeugnisse blieben lange in Funktion: abgenutzt oder zerbrochen warf man sie nicht weg, sondern schmolz sie erneut ein. Zerbrochene Töpferwaren gelangten auf den Müll. Dem Bestatteten gab man nicht jene Kleidung und oft auch nicht jene Sachen mit ins Grab, die er zu Lebzeiten benutzt hatte (s. Клейн 1978: 54). Nach der Ansicht L. S. Klejns muss man aus diesen Erwägungen Eggers' den Schluss ziehen, dass die Archäologen es nicht mit einer toten Kultur, sondern nur mit deren Resten zu tun haben. Die eine tote Kultur ereilenden Zerstörungen wirken selektierend auf sie: Verschiedene Materiale sind der Langzeitwirkung der Elemente unterschiedlich stark ausgesetzt. Metalle korrodieren, Hölzer verfaulen,

пается в тлен, кости сохраняются лучше, а камень и керамика устойчиво противостоят времени. Археологи застают руины поселений почти лишенными металла, но это не значит, что его не было в живом обиходе. В то же время эти поселения перенасыщены керамикой, ее буквально горы, но это не значит, что в домах находилась вся уйма глиняной посуды сразу. Изменяется не только состав мертвой культуры, но и ее структура. Река подмывает городище, перемещает его остатки, береговую дюну разрушает ветер, и наслоения разных эпох перемешиваются в одну россыпь.

Г.-Ю. Эггерс ввел еще одно состояние между «живой» и «мертвой» культурами – «умирающую» культуру («sterbende» Kultur), обозначив этим устаревшую, отживающую часть «живой» культуры. Рубеж между «живой» и «умирающей» культурами проходит в разных частях культуры на разной глубине. Если повседневная одежда полностью обновляется в массе каждые пять лет, а мебель – с каждым поколением, то столовое серебро и женские драгоценные украшения (перстни, ожерелья, броши) живут в семье несколько поколений – около столетия – и считаются годными к употреблению. По немецким этнографическим коллекциям из Восточной Померании Г.-Ю. Эггерс заметил, что и это состояние имеет предельный возраст, и тоже неодинаковый в разных частях культуры (Eggers 1959: 258–261). Иными слова-

Knochen erhalten sich besser, Stein und Keramik sind sehr zeitbeständig. Die Archäologen finden die Ruinen der Siedlungen von Metallen fast entblößt vor, was aber nicht bedeutet, dass es solche dort nicht zu Lebzeiten gegeben hat. Gleichzeitig sind diese Siedlungen mit buchstäblichen Bergen von Keramik übersättigt, was aber nicht heißt, dass sich in den Häusern immer eine Unmenge von Tongeschirr befunden hat. Es verändert sich aber nicht nur der materielle Bestand der toten Kultur, sondern auch ihre Struktur. Ein Fluss überspült die Siedlungsstätte, verlagert ihre Reste, der Wind zerstört eine Uferdüne und die Schichtablagerungen verschiedener Epochen werden zu einem einzigen Kompaktum vermischt.

H. J. Eggers hat zwischen der «lebenden» und der «toten» Kultur noch den Zustand der «sterbenden» Kultur eingeführt. Er bezeichnete damit den überlebten, sterbenden Teil der «lebenden» Kultur. Die Grenze zwischen der «lebenden» und der «sterbenden» Kultur verläuft in verschiedenen Teilen der Kultur in unterschiedlicher Tiefe. Wenn die Alltagskleidung alle fünf Jahre, das Mobiliar nur in jeder Generation vollständig erneuert wird, so leben das Tafelsilber und der wertvolle Frauenschmuck (Ringe, Ohrgehänge, Broschen) mehrere Generationen – rund 100 Jahre – in der Familie. Anhand der deutschen ethnographischen Kollektionen aus Ostpommern hatte Eggers festgestellt, dass selbst dieser Zustand zeitlich

ми, у вещей «умирающей» культуры также есть предел их бытования, когда вещи уже не применяются в живом обиходе, а выпадают полностью в «мертвую» культуру и отлагаются там. В коллекциях почти не оказалось предметов сельского, крестьянского обихода старше XVIII в. Они не сохранились в быту и не попали в этнографический музей; их надо искать в археологических музеях. Мещанская культура горожан представлена в этнографическом музее и XVII в., отчасти XVI в. В дворянских имениях и дворцах сохранились как фамильные реликвии вещи XV в.: оружие, доспехи, инсигнии власти. Но только в церковном употреблении оказались предметы XIII в., несколько вещей XII в. и один драгоценный ларец XI в. (см. Клейн 1978: 56–57).

Таким образом, по Г.-Ю. Эггерсу существуют 4 состояния материальной культуры: 1) «живая» культура; 2) «умирающая» культура; 3) «мертвая» культура; 4) остатки «мертвой» культуры. Первыми двумя занимаются этнографы, двумя последними археологи. Первоначально археологам необходимо восстановить по сохранившимся остаткам «мертвую» археологизированную культуру, а затем пытаться восстановить на основе реконструкции живую. От того, насколько правильно будет проведена реконструкция по остаткам «мертвой» культуры, будет зависеть наша вероятная реконструкция «живой» культуры.

begrenzt und auch in verschiedenen Teilen der Kultur nicht einheitlich ist (Eggers 1959: 258–261). Mit anderen Worten: Auch die Gegenstände einer «sterbenden» Kultur haben Nutzungsgrenzen, wenn sie nicht mehr im Leben verwendet werden, in die «tote» Kultur übergehen und dort abgelagert werden. In den Kollektionen gab es keine Gegenstände des dörflichen, bäuerlichen Lebens, die älter als das 18. Jahrhundert waren. Die bürgerliche Kultur ist dagegen aus dem 17., teilweise auch 16. Jahrhundert im ethnographischen Museum vertreten. In Hofbesitzungen und Palästen wurden Dinge sogar des 15. Jahrhunderts als Familienreliquien aufbewahrt: Waffen, Rüstungen, Machtinsignien. Nicht nur für kirchlichen Gebrauch bestimmt sind Gegenstände des 13. und 12. Jahrhunderts sowie ein kostbares Kästchen aus dem 11. Jahrhundert (s. Клейн 1978: 56–57).

Nach H. J. Eggers gibt es demnach vier Zustände der materiellen Kultur: 1. die «lebende» Kultur, 2. die «sterbende» Kultur, 3. die «tote» Kultur und 4. die Reste der «toten» Kultur. Mit den ersten beiden beschäftigen sich die Ethnologen, mit den letzten beiden die Archäologen. Die Archäologen müssen zuerst nach den erhaltenen Resten die «tote» archäologische Kultur wiederherstellen und danach versuchen, die lebende zu rekonstruieren. Davon, wie zutreffend die nach ihren Resten durchgeführte Rekonstruktion der «toten» Kultur ist, wird dann unsere mutmaßliche Rekonstruktion der «lebenden» Kultur abhängen.

Археология Кавказа в IV–II тыс. до н.э. |

Archäologie Kaukasiens im 4. bis 2. Jahrtausend v.Chr.

Кросс-культурные взаимодействия |

Übergreifende Perspektiven

ТЕХНИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ НА КАВКАЗЕ В IV ТЫС. ДО Н.Э.

Свенд Хансен

Евразийское отделение, Германский археологический институт, Берлин, Германия

Во многих регионах на западе Евразии в IV тыс. до н.э. были открыты и внедрены эффективные технические и социальные инновации. Среди них – новые металлы, как серебро, новые сплавы, как мышьяковая медь, колесо и повозка, разведение овцы шерстного направления и domestикация лошади. Инновационные ключевые технологии оказали большое влияние на производство более эффективных видов оружия, как кинжалы и мечи, на развитие грузового транспорта и передвижение на большие расстояния. С инновациями в технико-технологической сфере связаны новые социальные формации – пер-

TECHNISCHE UND SOZIALE INNOVATIONEN IM KAUKASUS WÄHREND DES 4. JT. V.CHR.

Svend Hansen

Eurasien-Abteilung, Deutsches Archäologisches Institut, Berlin, Deutschland

In zahlreiche Regionen im westlichen Eurasien wurden im 4. Jt. v. Chr. eine Reihe von technischen und sozialen Innovationen wirksam. Zu diesen gehörten neue Metalle, wie das Silber, neue Metalllegierungen wie das Arsenkupfer, Rad und Wagen, die Züchtung des Wollschafs und die Domestikation des Pferds. Die innovativen Schlüsseltechniken hatten große Auswirkungen auf die Herstellung effektiver Waffen wie Dolche und Schwerter, die Möglichkeiten des Gütertransports, die Bewegung im Raum. Mit den technischen Innovationen waren neue soziale Formationen verbunden:

вые государства в Месопотамии и Египте. В других регионах также появились монументальные курганные насыпи и захоронения с элитным инвентарем, показывающие возрастающую новую власть отдельных представителей общества. Кавказ – центр технических и социальных нововведений этого времени.

КАВКАЗ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ КУЛЬТУР СТЕПНЫХ СКОТОВОДОВ СЕВЕРА И ОСЕДЛЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЮГА (ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА)

Евгений Н. Черных

*Институт археологии РАН, Москва,
Россия*

1. В истории Евразии эпохи раннего металла одна из наиболее значимых ролей принадлежала взаимоотношениям и взаимосвязям культур южных – оседло-земледельческих и северных – пастушеских. Генеральным доменом мобильных скотоводческих культур служил Великий степной пояс Евразии, протянувшийся на 8 тысяч километров от Черного моря на западе до Желтого моря и Маньчжурии на востоке.

2. Первоначально Кавказу в хронологических рамках IV–III тыс. до н.э. принадлежала роль важного моста, связующего эти два контрастных мира, а позднее – во II тыс. до н.э. – уже разделяющего их барьера. Наиболее ярким

die ersten Staaten in Mesopotamien und Ägypten. Auch in anderen Regionen entstanden monumentale Grabhügel und exklusive Grabsausstattungen als Zeichen der zunehmenden und neuartigen Macht Einzelner. Der Kaukasus ist ein Fokus der technischen und sozialen Innovationen dieser Zeit.

DER KAUKASUS IM SYSTEM DER WECHSELWIRKUNG ZWISCHEN DEN KULTUREN DER STEPPENVIEHZÜCHTER DES NORDENS UND DER SESSHAFTEN ACKERBAUERN DES SÜDENS (FRÜHE METALLZEIT)

Evgenij N. Černych

*Archäologisches Institut, RAW, Moskau,
Russland*

1. In der Geschichte Eurasiens in der frühen Metallzeit spielten die Wechselbeziehungen und Wechselwirkungen der Kulturen der sesshaften Ackerbauern im Süden und der Viehzucht betreibenden Stämmen im Norden eine sehr bedeutende Rolle. Hauptdomäne der mobilen Viehzückerkulturen war der große Steppengürtel Eurasiens, der sich vom Schwarzen Meer im Westen bis zum Gelben Meer und der Mandchurei im Osten über 8000 km erstreckt.

2. Im 4.–3. Jt. v.Chr. fiel dem Kaukasus die Rolle einer wichtigen, diese beiden kontrastierenden Welten verbindenden Brücke zu; später, im 2. Jt. v.Chr., bildete er dann eine sie

отражением такого рода двух несходных функций служит металлургическая и металлообрабатывающая продукция производственных центров в обоих мирах.

3. Значение Кавказа как связующего моста совпадает с формированием и функционированием Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП).

Ее история проходит два этапа:

а) ранний – т. н. прото-ЦМП в пределах IV тыс. до н.э. и б)

поздний – собственно ЦМП уже в пределах III тыс. до н.э. Ранний этап ассоциируется на севере с майкопской скотоводческой культурой или же общностью.

Ее основной признак: огромные курганы вождей, погребения которых содержат впечатляющие коллекции металла – меди, золота, серебра. Весь этот металл связан с южными рудными источниками и производственными центрами (поздний Урук, ранний Куро-Аракс, синхронные памятники Восточной Анатолии). В среде майкопской общности нет ни одного явного свидетельства:

а) рудных разработок, б) мастерских по выплавке металла, в) местной отливки бронзовых орудий и оружия в виде литейных форм.

4. Особенно ярким и символическим знаком этих сложных взаимосвязей между майкопскими племенами и южными культурами служат материалы переломного периода на Арслантепе от периодов VI-A до VI-B1 и, прежде

trennende Barriere. Ihren deutlichsten Ausdruck finden die beiden unterschiedlichen Funktionen in der Metallurgie und Metallbearbeitung der Produktionszentren in beiden Welten.

3. Die Bedeutung des Kaukasus als verbindende Brücke hängt mit der Herausbildung und dem Funktionieren der Zirkumpontischen metallurgische Provinz (ZMP) zusammen. Ihre Geschichte hat zwei Etappen:

a) die frühe, sogenannte Proto-ZMP im 4. Jt. v.Chr. und b) die späte, eigentliche ZMP im 3. Jt. v.Chr. Die frühe Etappe wird im Norden mit der agropastoralen Majkop-Kultur oder -Gemeinschaft assoziiert. Ihr Hauptkennzeichen sind die großen Kurgane der Führer, deren Bestattungen eine eindrucksvolle Kollektion von Metallen – Kupfer, Gold, Silber – enthalten. Dieses Metall steht im Zusammenhang mit den Rohstoffquellen und Produktionszentren im Süden (spätes Uruk, frühes Kuro-Arax, synchrone Denkmäler Ostanatoliens). Im Bereich der Majkop-Kultur gibt es jedoch bislang kein einziges klares Zeugnis für a) Erzgewinnung, b) für Metallschmelzwerkstätten und c) für lokalen Guss von Bronzewerkzeugen und -waffen in Form von Gussformen.

4. Als besonders deutliches und symbolisches Kennzeichen dieser wechselseitigen Verbindungen zwischen den Majkop-Stämmen und den südlichen Kulturen dienen die Materialien der Umbruchsperiode auf Arslantepe von den Perioden VI-A zu VI-B1 und vor allem die in der sogenannten Royal Tombs and

всего, комплексы материалов, сосредоточенных в т. н. Royal Tombs и Weapons Hall. Одним из примечательных признаков этих сложных взаимодействий служит в майкопском металле большая доля (до 30 %) сложных по химическому составу бронз Cu+As+Ni, и эти никелистые бронзы также весьма характерны для металла Арслантепе и других анатолийских комплексов. Отражением этих взаимодействий служит также коллекция в майкопской керамике типичных для восточно-анатолийских памятников глиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге.

5. Второй период ЦМП характеризуется резким пространственным расширением ареала провинции (до 4,5 и даже 5,0 млн. км²) и перемещением скотоводческих культур «больших курганов» от Марткопи-Бедени и до Триалети к югу от Главного Кавказского хребта – уже в среду оседло-земледельческих народов. По характеру и выразительному богатству погребений они предстают в качестве прямых наследников майкопской культуры.

6. Степная северная зона охвачена пастушескими народами ряда курганных культур, важнейшими из которых являются ямная и катакомбная общности. Большие серии радиоуглеродных датировок (около 800) показывают, что обе эти общности сосуществуют в течение 6–7 столетий. Кавказ

Weapons Hall концентриierten Materialkomplexe. Ein bedeutendes Merkmal dieser komplizierten Wechselbeziehungen ist im Majkop-Metall der hohe Anteil (bis 30 %) einer in der chemischen Zusammensetzung komplizierten Bronze (Cu+As+Ni). Diese Nickelbronzen sind auch charakteristisch für das Arslantepe-Metall und andere anatolische Komplexe. Diese Wechselbeziehungen kommen auch in den Kollektionen der Majkop-Keramik zum Ausdruck, die für ostanatolische Denkmäler typische auf der Töpferscheibe gefertigte Tongefäße enthalten.

5. Die zweite Periode der ZMP ist durch sehr starke Erweiterung des Areal der Provinz (bis 4,5 und sogar 5 Millionen km²) und die Verlagerung der Viehzüchterkulturen der «großen Kurgane» von Martkopi-Bedeni bis Trialeti nach Süden des Kaukasushauptkammes ins Milieu der sesshaften Ackerbaustämme charakterisiert. Nach Charakter und reicher Ausstattung der Bestattungen erweisen sie sich als direkte Erben der Majkop-Kultur.

6. Die nördliche Steppenzone wurde von Viehzüchterstämmen der Kurgankulturen besetzt, deren wichtigsten die Grubengrab- und die Katakombengemeinschaft sind. Große Serien von ¹⁴C Datierungen (etwa 800) zeigen, dass diese beiden Gemeinschaften 6–7 Jahrhunderte bestanden haben. Erneut bildete der Kaukasus eine Brücke, über die eine große Menge Metall (arsenhaltige Bronze) nach Norden gelangte. Zu dieser Zeit setzte

по-прежнему является мостом, через который на север переправляется большая масса металла – мышьяковая бронза. Однако в это время очевидной становится уже активная местная металлообработка. Особое значение южного кавказского импорта видно на материалах катакомбной общности (до 95 % всего металла). Существенно меньшую роль (до 50 %) играют южные импорты мышьяковых бронз для носителей ямной общности: с конца IV и начала III тыс. мастера ямной общности приступают к эксплуатации гигантского горно-металлургического центра Каргалы на Южном Урале.

7. С рубежа III–II тыс. до н.э. на фоне распада гигантской ЦМП наблюдается очевидная изоляция степных скотоводческих культур от кавказских влияний. Это ярко отражается на материалах двух огромных общностей – абашево-синташтинской и срубной. Формируется новая – Западно-азиатская металлургическая провинция. Импорты кавказских бронз на пространствах западного фланга Степного пояса теперь единичны.

8. Со II тыс. до н.э. Кавказ начинает играть весьма странную для него роль уже не моста, а барьера между Югом и Севером. Формируется Кавказская металлургическая провинция – очень небольшая по площади (около 0,5 млн. км²), но с фантастично развитой

aber auch eine aktive lokale Metallverarbeitung ein. Die besondere Bedeutung des Südimports über den Kaukasus (bis 95 % des Metalls) wird in den Materialien der Katakombengemeinschaft sichtbar. Eine wesentlich geringere Rolle mit nur bis 50 % spielen die Südimporte arsenhaltiger Bronzen bei den Trägern der Grubengrabgemeinschaft: Am Ende des 4. – Anfang des 3. Jt. v.Chr. gehen die Meister der Grubengrabgemeinschaft zur Ausbeutung des bergbau-metallurgischen Zentrums von Kargaly im Südurale über.

7. An der Wende vom 3. zum 2. Jt. v. Chr. lässt sich vor dem Hintergrund des Zerfalls der gigantischen ZMP eine deutliche Isolierung der Steppenkulturen von den kaukasischen Einflüssen beobachten. Das findet seine Widerspiegelung in den Materialien der beiden großen Gemeinschaften der Abaševo-Sintašta und Srubnaja-Kultur. Mit der westasiatischen Gruppe bildet sich zudem eine neue Metallprovinz. Importe kaukasischer Bronzen in den westlichen Bereich des Steppengürtels sind jetzt nur noch vereinzelt feststellbar.

8. Seit dem 2. Jt. v.Chr. beginnt der Kaukasus eine für ihn sehr seltsame Rolle nicht als Brücke, sondern als Barriere zwischen Süden und Norden zu spielen. Es bildet sich die kaukasische metallurgische Provinz, an Fläche nicht sehr groß (ca. 0,5 Millionen km²), aber mit einer sehr hochentwickelten Technologie der bergbau-metallurgischen Produktion,

технологией горно-металлургического производства и с блистательными формами разнообразных изделий и технологий металлообработки кобано-колхидского облика. Кавказская провинция обособлена не только от мира северных скотоводческих народов, но и от культур южных, в частности, от Хеттского царства и его восточно-анатолийских соседей. Причем парадоксальный феномен самоизоляции Кавказской металлургической провинции особо подчеркивается ее исключительным богатством бронзами.

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСЛЯЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IV – НАЧАЛЕ II ТЫС. ДО Н.Э.

Любовь Б. Кирчо

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

Открытие и изучение памятников эпохи неолита – палеометалла на юго-западе Средней Азии показало, что здесь в конце VII–II тыс. до н.э. формировались и активно развивались оседло-земледельческие культуры, а сам регион являлся своего рода форпостом мира древневосточных цивилизаций.

1. В истории региона в эпоху палеометалла выделяются несколько

mit vielfältigen Formen verschiedener Erzeugnisse und den exzellenten Metallbearbeitungstechnologien des Koban-Kolchis-Kreises. Die kaukasische Provinz ist nicht nur von der Welt der viehzüchtenden Völker im Norden isoliert, sondern auch von den südlichen Kulturen, im Besonderen vom Hethiter-Reich und seinen ostanatolischen Nachbarn. Das paradoxe Phänomen der Selbstisolierung der kaukasischen metallurgischen Provinz wird dabei noch besonders durch ihren außerordentlichen Reichtum an Bronzen unterstrichen.

DIE SEIDEN STRASSE: KULTURELLE EINFLÜSSE UND ZWEIGE IN MITTELASIEN VON DER ZWEITEN HÄLFTE DES 4. BIS ANFANG DES 2. JTS. V.CHR.

Ljubow B. Kirčo

Institut für Geschichte der Materiellen Kultur, RAW, Sankt Petersburg, Russland

Entdeckung und Erforschung von Fundorten aus der Zeit von Neolithikum bis zur Bronzezeit im Südwesten Mittelasiens hat gezeigt, dass hier ab Ende des 7. bis zum 2. Jt. v. Chr. sesshaft-landwirtschaftlichen Kulturen entstanden.

1. Die Geschichte dieser Region mit aktiven kulturellen Wechselwirkungen kann in mehrere Etappen geteilt werden. Eine Etappe ist die zweite Hälfte des 4. und der Anfang 3. Jts. v. Chr. Die Kultur der

этапов, когда культурные взаимодействия резко активизируются. Один из таких этапов относится ко второй половине IV – началу III тыс. до н.э., когда культура населения Южного Туркменистана достигает уровня, сопоставимого с уровнем развитых древневосточных центров. Основой этого подъема являлись поливное земледелие, базирующееся на системе оросительных каналов; колесный транспорт с использованием тягловой силы быков; специализированные производства (гончарство, изготовление глиняной пластики, металло- и камнеобработка). В материальной культуре этого времени фиксируются систематические инокультурные влияния и инновации.

Эти инновации свидетельствуют о трех взаимосвязанных процессах, обусловленных месопотамской культурной и торговой экспансией позднеурукского времени: опосредованном влиянии развитых областей Передней Азии, начале дальней торговли, в первую очередь лазуритом, и активизации контактов и передвижений групп населения Центрального и, особенно, Юго-Западного Ирана, где происходит становление протоэламской цивилизации.

2. Для последней трети IV – начала III тыс. до н.э. намечаются три основные направления культурных связей и взаимодействий. Северо-восточное (через древнюю дельту Мургаба на Нижний, Средний [комплекс Жуков] и Верхний Зеравшан [поселение Саразм]) и юго-западное (вдоль северных предгорий Копетдага и до-

Bevölkerung in heutigem Südturkmenistan hatte damals das Niveau der altorientalischen Zentren erreicht. Grundlagen dieses Aufstiegs waren bewässerter Ackerbau mit Kanalsystemen, die Verwendung des Rades und von Zugtieren, die Produktion von Gefäßen und Figuren aus Ton, Metallurgie und Steinbearbeitung. In der materiellen Kultur dieser Zeit können systematische Fremdeinflüsse und Innovationen festgestellt werden. Diese Innovationen zeugen von drei untereinander verbundenen Prozessen: die kulturelle Expansion der Spät Uruk-Zeit mit dem vermutlich zugrunde liegenden mesopotamischen Handelsnetzwerk, der Beginn des Fernhandels, hauptsächlich mit Lapislazuli und Wanderungen von Bevölkerungsgruppen aus Zentral- und Südwestiran während der Entstehung der Proto-Elamitischen Periode.

Für das letzte Drittel des 4./Anfang des 3 Jts. v.Chr. lassen sich zudem drei Hauptrichtungen den kulturellen Beziehungen beobachten. In nordöstliche Richtung verlief eine Route durch das alte Flussdelta von Murgab, bis zum Unteren, Mittleren und den Oberen Serafšan (Žukov Komplex bzw. Siedlung Sarasm). In südwestliche Richtung verlief eine Route entlang den nördlichen Vorgebirgen der Kopet-Dag und im Atrek-Tal durch den Nordöstlichen und Zentralen Iran in Richtung auf Elam und weiter bis Mesopotamien. Diese Routen sind durch den

лины Атрека, через Северо-Восточный и Центральный Иран на Элам и далее, в Месопотамию) направления связаны, в первую очередь, с сырьевым обменом (торговлей) металлом и камнем. Это сырье доставляли через посредничество населения среднеазиатского и иранского регионов в центры Переднего Востока. Третье, юго-восточное направление взаимодействий (вверх по Теджену и далее на Юго-Восточный Иран [Шахри-Сохте], Южный Афганистан [Мундигак], Северный Белуджистан [Фуллол, район Кветты]) связано, вероятно, не только с торгово-обменными контактами, но и отражает некое единство субкультуры (при участии геоксюрской и мундигацкой традиций) в период становления раннегородских центров на Среднем Востоке. Активными взаимодействиями с технологически более развитыми иранскими и южно-афганскими центрами было обусловлено быстрое внедрение гончарного круга и станкового сверления в культуре периода ранней бронзы (2800/2700 – около 2400 гг. до н.э.) Южного Туркменистана.

3. Принципиально новый этап в развитии древних путей в Средней Азии наступает во второй половине III тыс. до н.э., когда был одомашнен верблюд. В условиях развивающейся аридизации этот «корабль пустыни» становится основным средством передвижения, что резко увеличивало мобильность населения и сыграло принципиально важную роль в устойчивом развитии даль-

Austausch von Rohstoffen vom Metall und Stein belegt. Diese Rohstoffe wurden von der Bevölkerung Mittelasiens und der iranischer Regionen in die Zentren des Vorderen Orients geliefert. Die dritte Route nach Südosten lief durch den oberen Tedschen (Hari Rud) und durch den Südostiran (Schahr-i Sochte) bis Südafghanistan (Mundigak) und das nördliche Beludschistan (Fullol, Quetta). Diese Route ist nicht nur durch Tauschhandel belegt, sondern weist auch eine gewisse Einheit der in den Geoksjur und Mundigak Traditionen auf.

Die aktiven Wechselwirkungen mit den technologisch besser entwickelten iranischen und süd-afghanischen Zentren führen z. B. zur schnellen Einführung der Töpferscheibe und der Bohrtechnik in der Kultur der frühe Bronzezeit (2800/2700 – ca. 2400 v. Chr.) Südturkmenistans.

3. Im Vortrag werden diese und weitere Innovationen vorgestellt, die über diese Routen vermittelt wurden und die eine frühe Form der später so bedeutenden Eurasischen Handelsroute bekannt unter dem Namen Seidenstraße darstellen.

ней сухопутной торговли в Центральной Азии.

Уже в конце периода ранней – начале средней бронзы (около 2400–2300 гг. до н.э.) население Южного Туркменистана активно взаимодействовало с основными центрами цивилизации того времени (Древняя Индия, Элам, а позднее, и Передний Восток) и со всеми окружающими культурами и сырьевыми районами, а освоение земель древней дельты Мургаба проходило в условиях резкого усиления межрегиональных контактов. Исторически быстрое освоение новых территорий было обусловлено как уровнем технико-технологического и культурного развития общества периода средней бронзы, так и участием новых групп населения, судя по антропологическим данным и некоторым компонентам культуры. Основой расцвета раннегосударственного общества древней Маргианы послужила, вероятно, ключевая роль страны Маргуш на древнем пути к сырьевым богатствам севера Средней Азии. Гонур-депе конца III–начала II тыс. до н.э. являлся не только административно-культовым, но и производственно-торговым центром, каким был в историческое время Древний Мерв.

В последние века III тыс. до н.э. Южный Туркменистан играл роль своеобразного культурного транслятора между цивилизациями Южной и Передней Азии и степной Евразией. В частности, бусы древнеиндийских и южно-туркменистанских

типов обнаружены в Барабинской лесостепи на юге Западной Сибири.

В результате дальнейшей культурной и торговой экспансии на восток и юго-восток возникают оседло-земледельческие центры эпохи бронзы в бассейне Амударьи – культура Сапалли (где обнаружены древнейшие в Средней Азии образцы шелка), вахшская культура Юго-Западного Таджикистана и памятники Северного Афганистана II тыс. до н.э. Процессы расселения охватывают гигантские территории вплоть до Ферганы на северо-востоке (могильник Шагым), через которую в историческое время проходили пути на Китай. Вероятно уже в первой половине II тыс. до н.э. складываются торговые маршруты, которые позднее послужили основой среднеазиатской части трансконтинентальной системы Великого Шелкового пути.

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПОЗДНЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (СТЕПЬ И ЛЕСОСТЕПЬ)

Вадим С. Бочкарёв

Исторический институт, Санкт-Петербургский государственный университет / Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

В течение эпохи поздней бронзы (II тыс. до н.э.) на юге Восточной Европы сформировалась новая модель металлопроизводства. По всем основным показателям она

DYNAMIK KULTURELL-HISTORISCHEN VERÄNDERUNGEN IN SPÄTEN BRONZEZEIT IM SÜDEN OSTEUROPAS (STEPPE UND WALDSTEPPE)

Vadim S. Bočkarëv

Historisches Institut, St. Petersburger Staatliche Universität / Institut für Geschichte der Materiellen Kultur, RAW, Sankt Petersburg, Russland

In der Entwicklung der Spätbronzezeit im Süden Osteuropas im 2. Jt. v.Chr. hat sich ein neues Modell der Metallbearbeitung herausgebildet, das sich in allen Kennzeichen von den vorhergehenden Traditionen unter-

значительно отличалась от металлопроизводства предшествующего времени. Прежде всего бросается в глаза, что в это время сильно обновился ассортимент металлического инвентаря. Так, вместо проушных топоров стали использовать кельты, а на смену кованым наконечникам копий и долот пришли их цельнолитые аналоги. Тогда же впервые появились металлические наконечники стрел, втульчатые тесла, короткие мечи и т. д. Широкое распространение получили металлические серпы и косари, различные разновидности ножей, кинжалов и бритв. Само производство металлоизделий стало серийным, а в некоторых случаях и массовым.

Самые глубокие изменения произошли в технологической сфере. В эпоху поздней бронзы появились, а затем и широко распространились, оловянные бронзы, каменные литейные формы, способ литья изделий со слепой втулкой. Постепенно они вытеснили из производства мышьяковые бронзы, глиняные литейные формы, ковку втульчатых изделий и другие технологические приемы эпохи средней бронзы. В комплексе эти инновации преобразовали местное металлопроизводство и подняли его на более высокий уровень развития.

С таксономической точки зрения эта новая технология может рассматриваться как самый надежный и обоснованный критерий периодизации. С помощью этого критерия удается достаточно точно разграни-

сcheiden. In dieser Zeit veränderte sich das Typenspektrum der Metallobjekte sehr stark, so wurde zum Beispiel begonnen, anstelle von Schaftlochhäxten zu Tüllenbeile zu verwenden, und im Austausch zu Lanzenspitzen und Speeren erschienen ihre gegossenen Analogien und Ersetzungen. Weiter erscheinen erstmals metallischen Pfeilspitzen, Tüllendechsel, kurze Schwerter und anderes. Einen großen Anteil haben Metallsicheln und Sicheln-«Sense», verschiedene Arten von Messern, Dolchen und Rasiermesser. Die Produktion von Metallobjekten wurde serienmäßig, und in einigen Fällen massenhaft betrieben. Es hat demnach Veränderungen in der technologischen Sphäre gegeben. Eingeführt wurden die Zinn-Bronze, die steinerne Gussformen sowie der Guss in verlорener Form. Arsenbronze wird aus dem Produktionsrahmen verdrängt, tőnerne Gussformen mit Gusszapfen eingeführt. Diese Innovationen haben die lokale Metallproduktion grundlegend verändert und auf ein ganz anderes Niveau gebracht.

Von diesem Standpunkt aus kann die neue Technologie als ein sicheres und begründbares Kriterium für die Periodisierung der mittleren und späten Bronzezeit betrachtet werden. Dies macht es möglich, den Status einer ganzen Reihe lokalen Kulturen zu konkretisieren. Nach diesen Kriterien gehören die Abaševo-Kultur der Mittleren Wolga und des Vorural-Gebiets sowie die Babino-Kultur noch

чить эпохи средней и поздней бронзы на значительной части территории Восточной Европы. Он так же позволяет уточнить статус ряда местных культур, положение которых в периодизации бронзового века Восточной Европы остается не вполне ясным. Так, согласно этому критерию, средневожская и приуральская абашевские культуры, а так же «Бабино», относятся еще к эпохе средней бронзы. Напротив, так называемая доно-вожская абашевская культура (по другой терминологии – покровская) принадлежит уже позднему бронзовому веку. Ее ранняя фаза одновременна «Синташте», а поздняя – «Петровке». Первая пара этих культур соответствует I периоду эпохи поздней бронзы, а вторая – II периоду.

По мере уточнения абсолютной хронологии стало ясно, что новая технология металлопроизводства не везде возникла спонтанно и в одно и то же время. Раньше всего на территории Восточной Европы она появилась в Волго-Уралье вместе с сейминско-турбинским населением. Согласно радиоуглеродным датам это событие произошло в конце III тыс. до н.э. Впоследствии новая технология распространилась в другие регионы. Процесс ее освоения местными мастерами протекал медленно и по частям. В синташтинском и особенно в раннепокровском металлопроизводстве она занимала очень незначительное место. Но на протяжении II и III периодов ее доля неуклонно возрас-

in die mittlere Bronzezeit. Hingegen gehört die sogenannte Don-Wolga Variante der Abaševo-Kultur (auch Pokrowsk-Kultur) bereits in die späte Bronzezeit. Ihre frühe Phase ist «Sintašta», ihre späte Phase «Petrowka», was unserer I und II Periode der Spätbronzezeit entspricht.

Die Präzisierung der absoluten Chronologie hat zudem gezeigt, dass die neue Metallbearbeitungstechnologie nicht spontan und überall gleichzeitig entstanden ist. Eher als in anderen Teilen Osteuropas ist sie in Wolgo-Ural-Gebiet mit der Bevölkerung des Sejma-Turbino-Komplexes erschienen, nach Radiokarbondatierungen am Ende des 3. Jt. v.Chr. Der Prozess der Übernahme verlief langsam. In der Sintašta-Etappe und besonders in Früh-Pokrowsk nimmt die Metallurgie einen unbedeutenden Platz ein, erst in der II und III Periode der Spätbronzezeit wuchs ihr Anteil zunehmend.

Neben der Metallurgie zeichnet sich die Wolgo-Ural-Region und der Kreis der sich neu bildenden neuen Kulturen «Sintašta», «Petrowka» und «Pokrowsk» auch in Innovationen der Wirtschaft aus, so wurde der sog. Andronovo-Typ der Viehzucht übernommen, in der Militärtechnik wurde der Streitwagen eingeführt, und auch in den sozialen und ideologischen Sphären gab es neue Impulse. In diesem innovativen Zentrum bildeten sich jener Zeit die Kulturercheinungen, die im Folgenden die Bronzezeit Osteuropas

тала. Окончательно она утвердилась в южной половине Восточной Европы только в IV периоде.

Кроме кардинальных изменений в технологии металлопроизводства в Волго-Уральском регионе возникли и другие инновации. Они появились в экономике (т. н. андроновский тип скотоводства), в военном деле (конная колесница), в социальной и идеологической сферах (вождество). Тогда же в этом регионе сформировались новые скотоводческие культуры («Синташта», «Петровка» и «Покровск»), в среде которых зародилось и оформилось большинство из перечисленных инноваций.

Все эти достижения позволяют рассматривать Волго-Уральский регион, как крупнейший инновационный центр того времени. В нем зародились, а затем и получили широкое распространение множество явлений, которые в значительной мере определили содержание эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы. Поэтому с полным на то основанием он был назван волго-уральским очагом культуругенеза (Бочкарев 1991). Для становления эпохи поздней бронзы, как культурно-исторического явления, он сыграл такую же важную системообразующую роль, как для предшествующих двух эпох – кавказский очаг.

Благодаря влиянию этого очага, и, главным образом, за счет миграций его населения, образовалась обширная культурная провинция. В пору своего максимального расширения она простиралась от

prägen sollten. Den Wolga-Ural «Herd der Kulturgeneese» (Бочкарев 1991) hat für das Entstehen der Epoche späten Bronzezeit eine ähnlich gewichtige Rolle gespielt, wie für die beiden vorangehende Epochen der kaukasische Herd. Auf Kosten der Migrationen von Bevölkerungsteilen dieses neuen Herdes, hat sich eine umfangreiche kulturelle Provinz mit wolga-uralischen Traditionen in der Wirtschaft, der Metallbearbeitung, der keramische Produktion und des Bestattungsrituals vom Südual bis zum Vorgebirgen der südöstlichen Karpaten gebildet.

Dieser Herd und seine Provinzen existierten etwa tausend Jahre mit einem vollständigen Zyklus von der Entstehung bis zum Niedergang und Zerfall.

Mittels der Korrelation der Metallobjekte (105 Typen) in geschlossenen Komplexen (158 Komplexen) gelang es, *sieben Perioden (I–VII) in der Entwicklung der Metallbearbeitung während der späten Bronzezeit* in der Steppe und einem großen Teil der Waldsteppe vom Ural bis zu den östlichen Karpaten zu entwickeln (Депрачев, Бочкарев 2002; Бочкарев, Кузнецов 2010). Die Perioden korrelieren mit den Kulturen der Wolga-Ural-Provinz und ihren Etappen und lassen zu, den allgemeinen Lauf der kultur-historischen Veränderungen in die Spätbronzezeit zu verfolgen.

Die späte Bronzezeit entstand in der Wolga-Ural-Region, aus der sie sich in die südwestliche, südliche und

Южного Урала до юго-восточных предгорий Карпат. На всем этом пространстве важную, а кое-где и решающую роль, играли волго-уральские традиции. Они прослеживаются в экономике, керамическом производстве, погребальном обряде и т. д. Но особенно хорошо они выражены в металлопроизводстве. На протяжении всей эпохи поздней бронзы сохранялась типологическая преемственность в развитии ножей, кинжалов, наконечников копий, кельтов и т. д. Исходные формы этих изделий возникли в Волго-Уральском регионе еще в конце средней – начале поздней бронзы.

Волго-уральский очаг и его провинция существовали около тысячи лет. За этот длительный промежуток времени они прошли полный цикл развития: от зарождения, становления и расцвета до стагнации, распада и гибели. В результате изучения сопряженности типов металлических изделий (105 типов) в замкнутых комплексах (158 комплексов) удалось выделить *7 периодов (I–VII) в развитии металлопроизводства эпохи поздней бронзы* на всем пространстве степи и большей части лесостепи от Урала до Восточных Карпат (Дергачев, Бочкарев 2002; Бочкарев, Кузнецов 2010). Выделенные периоды хорошо коррелируют с культурами волго-уральской провинции или их этапами. Например, в Северном Причерноморье VI период эквивалентен раннебелозерской культуре,

östliche Richtungen ausbreitete. Sie begann mit einem Zusammenstoß der Abaševo- und der Sejma-Turbino-Traditionen. Als Reaktion darauf entstanden Sintašta-, Petrowka- und Pokrowsk-Kulturen. Für ihre Herausbildung wird eine Oberschicht (sog. «Aristokratie»), die über Wagen-transport verfügte, verantwortlich gemacht. Diese Kulturen konnten nicht nur Bedrohungen des Sejma-Turbino-Komplexes abhalten, sondern auch expandieren. Sintašta-Populationen drängten in das Wolga-Gebiet, das um die moderne Stadt Samara liegt («Potapowka»), und die späte Pokrowsk-Kultur breitete sich bis nach Severskij Donec aus. Diese Zeit kann als sehr widersprüchlich charakterisiert werden. In der Fachliteratur wird sie manchmal als «Zeit der Helden» bezeichnet.

Die Stabilisation kam in der Phase III mit der Entstehung der Balkengrabskultur (Srubnaja-Kultur), die sich aus der Pokrowsk-Kultur entwickelte, und der Alakulsk-Kultur, die sich von der Petrowka-Kultur ableitet. Kennzeichnend für die beiden Kulturen sind typologische und strukturelle Einheit. Gleichzeitig aber verschwanden alle Merkmale der sog. «Aristokratie».

In der IV Phase (Mitte 2. Jt. v.Chr.) wurde diese kontinuierliche Entwicklung durch Migrationen der Čerkaskulsk- und der Fedorowsk-Kulturen unterbrochen. Die Čerkaskulsk-Populationen kamen aus dem Ural-Gebiet und nahmen in Anspruch Territorien der modernen

а VII – позднебелозерской. Благодаря этим соответствиям удалось уточнить хронологию ряда культур и проследить общий ход культурно-исторических изменений в эпоху поздней бронзы.

В соответствии с принятыми здесь хронологией и критерием восточно-европейского позднего бронзового века, его родиной следует признать Волго-Уральский регион. Отсюда пошло его распространение в юго-западном, южном и восточном направлениях. Он начался с драматического столкновения «Абашева» и «Сеймы-Турбино», столкновения местных и чужеродных культурных традиций. Реакцией на это событие стало возникновение синташтинской, петровской и покровской культур, создателями которых была колесничья аристократия. Им удалось не только противостоять сейминско-турбинской угрозе, но и самим перейти к внешней экспансии. Синташтинское население проникло в Самарское Поволжье («Потаповка»), а поздний «Покровск» расширил свои границы до бассейна Северского Донца. Это было бурное и противоречивое время. В литературе иногда его называют героическим веком.

Стабилизация наступила в III периоде вместе с формированием срубной и алакульской культур. Первая из них возникла в результате эволюционного развития «Покровска», а вторая – «Петровки». Их характерной особенностью является типологическая упорядоченность и

Башкирии и Татарстан. Dies führte zum Verschwinden der lokalen Balkengrabkultur (Srubnaja-Kultur) und zur Herausbildung der Suskansk-Kultur in der Wolga-Region (Колев 1991). Ein Teil der autochthonen Balkengrab-Populationen mischte sich unter die neuen Kulturen, ein anderer Teil wanderte in die südwestliche Richtung in den Raum des Unteren Dons, des Kubangebiets und der linksufrigen Ukraine aus. Manche von diesen Regionen waren bereits in der Phase III von der Balkengrab-Kultur erschlossen. In der Phase IV wurde ihr Areal Dank Migrationen aus dem Ural- und dem Wolga-Gebiet ausgedehnt und erreichte das Dnjepr-Gebiet. Gleichzeitig veränderte sich die späte Balkengrabkultur (Srubnaja-Kultur). Die Veränderungen betrafen den Bestattungsritus, das Repertoire der Metallobjekte sowie Keramikherstellung. Damit hängt ebenfalls das Auftreten der ersten Tüllenbeile in der südwestlichen Region zusammen. Diese Transformation der Balkengrabkultur ist als eine Resonanz auf die Ereignisse, die zu Beginn der Phase IV in dem Wolga-Ural-Gebiet stattfanden, zu verstehen. Die späte Balkengrabkultur der linksufrigen Ukraine und des Dnjepr-Gebiets beschleunigte wiederum die Entwicklung der Sabatinovka-, der Noua- und der Coslogeni-Kultur im nördlichen Schwarzmeerraum und in dem Karpatenvorland (Бочкарев 2012). Zusammenfassend lässt sich feststellen, dass Kulturwechsel, Impulse für den in der Phase IV aus

структурное единообразие. Однако вместе с этим исчезают все признаки колесничей аристократии.

Спокойный, эволюционный ход развития продолжался сравнительно недолго. В IV периоде (около середины II тыс. до н.э.) он был нарушен миграциями черкаскульской и федоровской культур. Черкаскульское население вышло из горно-таежной зоны Урала и заняло земли нынешних Башкирии и Татарии. Это привело к исчезновению местной срубной культуры и формированию в Самарском Поволжье сусканской культуры (Колев 1991). Одна часть автохтонного срубного населения вошла в состав новых культур, а другая ушла в юго-западном направлении – на территорию Нижнего Подонья, Прикубанья и Левобережной Украины. Некоторые из этих регионов были заняты срубной культурой еще в III периоде. Теперь, благодаря притоку нового населения из Приуралья и Поволжья, ареал этой культуры расширился в западном направлении и достиг Поднепровья. Вместе с этим в ней произошли существенные изменения. Она трансформировалась в позднесрубную культуру. Перемены коснулись погребального обряда, состава металлического инвентаря, керамического производства (появляется валиковая посуда и сосуды черкаскульско-сусканских типов). В связи с последним следует особо отметить распространение в юго-западном регионе первых образцов

dem Wolga-Ural-Gebiet ausgingen und eine «Kettenreaktion» auslösten, einen großen Raum einnahm. In ihrer kulturhistorischen Bedeutung kann diese Phase mit dem Anfang der späten Bronzezeit verglichen werden.

In der Phase V wurde die Lage sowohl in dem Wolga-Ural-Gebiet, als auch in der südwestlichen Region stabilisiert. Die Einflüsse der südwestlichen Kulturen (Sabatinovka, Noua, usw.) waren in dem Don-, dem Wolga- und dem Ural-Gebiet spürbar. Die Intensivierung der Verbindungen mit dem Karpaten-Balkan-Raum in dieser Phase führte zum Zerfall der Wolga-Ural-Provinz, die in der vorangehenden Phase ihre maximale Ausdehnung erreichte.

Phase VI begann mit einem Kulturwechsel. In dem Wolga-Ural-Gebiet entstand die Maklašeewsk-Kultur und im nördlichen Schwarzmeerraum und im Karpatenvorland – die Belozerka- und Chişinău-Corlăteni-Kultur. Aus dem Kubangebiet bewegten sich Träger der Kobjakowo-Kultur in Richtung des Unteren Dons. In der Waldsteppe der rechtsufrigen Ukraine entwickelte sich die Belogradowsk-Kultur. Gleichzeitig traten auf dem Gebiet der linksufrigen Ukraine Denkmäler des Bondarikha-, des Marjanowsk- und des Lebedowsk-Typus auf. Sie werden in Verbindung mit den Populationen des Wolga-Oka- und des Wolga-Ural-Gebiets gebracht (Корохина 2014). Das Auftreten dieser Populationen kann mit dem Kulturwechsel in dem Wolga-Ural-Gebiet erklärt werden. Ein direkter

настоящих топоров-кельтов. Нет особых сомнений в том, что эта трансформация срубной культуры в основном произошла под воздействием внешнего импульса. Она стала откликом на те события, которые в начале IV периода произошли в Волго-Уральском регионе. В свою очередь позднесрубная культура Левобережной Украины и Поднепровья стимулировала культурогенез «Сабатиновки», «Ноуа» и «Косложень» в Северном Причерноморье и Прикарпатье (Бочкарев 2012). Таким образом, цепная реакция смены культур, начавшаяся в Волго-Уралье в IV периоде, охватила огромное пространство. По своей культурно-исторической значимости этот период сравним с начальной порой эпохи поздней бронзы.

В V периоде положение вновь стабилизировалось, как в Волго-Уральском, так и в Юго-Западном регионах. Причем, начиная с этого времени, более успешно развивались юго-западные культуры («Сабатиновка», «Ноуа» и т. д.). Их влияние прослеживается в Подонье, Поволжье и даже в Приуралье. Но в целом, они теперь гораздо сильнее были связаны с карпато-балканским блоком культур, чем с волго-уральским. Это вело к распаду волго-уральской провинции, которая в предшествующий период достигла своего максимального расширения.

VI период, как и IV, начался со смены культур. В Волго-Уралье возникла маклашевская культура,

Hinweis darauf ist das Auftreten der rundbodigen Keramik vom Maklašewsk Typus in der Waldsteppe zwischen dem Don und der Wolga (Хреков 2003; Ставицкий 2005; Корохина 2011). Die obenerwähnten Ereignisse können als Höhepunkt der Existenz des Wolga-Ural-Herdes der Kulturgenese bezeichnet werden, die in dem 9. Jh. v.Chr. aufhörte.

Prozesse, die in dieser Zeit im Südwesten verliefen, hatten keine Verbindungen mit dem Wolga-Gebiet. Sie wurden hauptsächlich von Impulsen aus dem Karpaten-Balkan-Raum beeinflusst. Das bedeutet, dass diese Region endgültig aus der Wolga-Ural-Provinz austrat, aber nichtsdestotrotz weiterhin Kontakte pflegte. Dies macht sich in der Maklašewsk-Metallherstellung sichtbar. Wie in der vorangehenden Zeit blieb diese Region höher entwickelt als das Wolga-Ural-Gebiet, aber auch hier lässt sich ein Untergang beobachten. Im 10. Jh. v.Chr. endete die Bronzezeit im Karpatenvorland und im nördlichen Schwarzmeerraum.

а в Северном Причерноморье и Прикарпатье «Белозерка» и «Кишинэу-Корлэтенъ». Кроме того, из Прикубанья в низовья Дона передвинулось «Кобяково», а в лесостепной части Правобережной Украины сформировалась белогрудовская культура. В это же время на территории Левобережной Украины из Среднего Поднепровья появились памятники бондарихинского, марьяновского и лебедовского типов. Как справедливо полагают некоторые исследователи, они были оставлены населением, тесно связанным с обитателями Волго-Окского и Волго-Уральского регионов (Корохина 2014). Очевидно, появление этого населения на территории нынешней Украины было одним из следствий смены культур в Волго-Уралье. На это прямо указывает распространение круглодонной керамики маклашевских типов в лесостепной части Днепро-Волжского междуречья (Хреков 2003; Ставицкий 2005; Корохина 2011). Описанные события были последней вспышкой активности Волго-Уральского очага. В IX веке до н.э. он прекратил свое существование.

Процессы, которые в это же время протекали на Юго-Западе, непосредственно уже не были связаны с Волго-Уральем. В основном их инспирировали карпато-балканские импульсы. Это означает, что данный регион окончательно вышел из состава волго-уральской культурной провинции. Но он продолжал поддерживать

связи с волго-уральскими культурами и влиять на них. В частности, это заметно в маклашеевском металлпроизводстве. Как и в предыдущее время, он оставался более развитым регионом, чем Волго-Уралье, но и здесь виден упадок. В X веке до н.э. бронзовый век в Прикарпатье и Северном Причерноморье завершился.

**МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ СОСУДЫ
МЕЖДУ КАРПАТАМИ,
СЕВЕРНЫМ КАВКАЗОМ
И УРАЛОМ В ЭПОХУ БРОНЗЫ
И В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ
ВЕКЕ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ СОГЛАСНО АРЕАЛУ
ЭТОЙ КАТЕГОРИИ НАХОДОК**

Тудор Сорочяну¹, Еуджен Сава²

¹ Евразийское отделение, Германский археологический институт, Берлин, Германия

² Национальный музей истории Республики Молдова, Кишинэу, Республика Молдова

Основные направления, которые будут рассматриваться на научном форуме, посвященном памяти Александра А. Миллера (1875–1935), дает нам возможность обратиться к обсуждению широкой тематики. Это обусловлено и тем обстоятельством, что Кавказский регион был очагом технологических и культурных инноваций, одновременно являясь связующим звеном в распространении разного рода нововведений.

В этой связи нам бы хотелось вновь обратиться к вопросам изу-

**METALLGEFÄSSE ZWISCHEN
KARPATEN, NORDKAUKASUS
UND URAL WÄHREND
DER BRONZE- UND
FRÜHEISENZEIT. VORLÄUFIGE
BETRACHTUNGEN AUF GRUND
DER VERBREITUNG DIESER
FUNKATEGORIE**

Tudor Soroceanu¹, Eugen Sava²

¹ Eurasien-Abteilung, Deutsches Archäologisches Institut, Berlin, Deutschland

² Nationalmuseum für Geschichte der Republik Moldova, Chişinău, Republik Moldova

Der Leitgedanke der wissenschaftlichen Zusammenkunft, welche dem Andenken an Alexander A. Miller (1875–1935) gewidmet ist, bietet uns die Möglichkeit, ein breites Themenspektrum anzusprechen. Dies resultiert aus dem Umstand, daß die Kaukasusregion ein Ausstrahlungsherd technologischer und kultureller Innovationen ist. Daher bildet sie auch ein hervorragendes Verbindungsglied in einer weitgehenden Vermittlungsaktion solcher Neuerungen.

чения особой категории артефактов, каковыми являются металлические сосуды. Предварительные результаты нашего исследования мы предполагали представить на московской конференции, посвященной Е. И. Крупнову. Мы планировали обсудить историографию вопроса для учета всех категорий металлических сосудов (котлы, чаши, миски, амфоры). Далее планировалось затронуть, как проблемы, связанные с «границами» между ареалами металлических сосудов, так и идентификацию путей распространения сосудов на обширной территории, подкрепляя это изучением контекстов находок сосудов. Наши исследования за прошедший период выявили новые аспекты изучения металлических сосудов и дали новые результаты. Во избежание повторов с московской конференцией, на нынешнюю конференцию мы выносим на обсуждение, преимущественно, новые вопросы.

Следует подчеркнуть, что металлические сосуды представляют собой особую категорию изделий согласно их изготовлению и использованию в различных областях. Их роль в древних обществах едва ли можно сравнить с другими предметами. В этом контексте нам бы не хотелось употреблять термины «элита», «элитарный» и т.д., так как они отражают, скорее, менталитет современного археолога, чем ре-

Im vorliegenden Rahmen möchten wir wiederum die Problematik der besonderen Gattung der Metallgefäße ansprechen. Wir beabsichtigten, einen Teil unserer Forschungsergebnisse auf der Moskauer Krupnov-Konferenz zu präsentieren. Die Themen, die dort zur Sprache kommen sollten, standen insbesondere im engen Zusammenhang mit der Forschungsgeschichte. Eine Notwendigkeit, die daraus entstand, für ein weites Forschungsgebiet die Gesamtheit der Metallgefäßkategorien (Kessel, Tassen, Schüsseln, Amphoren) zu berücksichtigen. Weiterhin sollte sowohl die Existenz von «Grenzen» zwischen den Verbreitungsarealen der Behälter aus Metall angesprochen werden, als auch die Identifizierung einiger Ausbreitungswege für die Gefäße in beachtlichen Arealen. Die Schlußfolgerungen sollten durch die Erforschung der Fundumstände unterstützt werden.

In der Zwischenzeit bot uns die Fortsetzung unserer Forschung allerdings neue Investigationsgebiete und Ergebnisse an. Ohne die Aspekte, die wir auf der Moskauer Konferenz hätten präsentieren wollen, außer Acht zu lassen, möchten wir in Sankt Petersburg hingegen vorwiegend neue Probleme in die Diskussion einbringen – in erster Linie, um unnötige Wiederholungen zu vermeiden.

Zunächst soll betont werden, daß die Metallgefäße eine höhere Artefaktgattung darstellen, sei es in streng materiellem Sinne, oder

альную ситуацию бронзового века, независимо от сферы применения сосудов – религиозная, социальная или хозяйственная.

Новым, конкретным результатом наших исследований является наиболее полное картографирование металлических сосудов между Карпатами, Северным Кавказом и Уралом. Здесь бы хотелось подчеркнуть два весьма важных аспекта. Следует отметить, что хронологическое распространение металлических сосудов в северном направлении не имеет естественно-географических преград, что обычно наблюдается в других случаях (горные цепи, реки, моря). Видимо, северной границей ареала надо считать северную границу степной зоны и, возможно, частично Подольскую возвышенность. Безусловно, северная граница распространения металлических сосудов отражает и культурно-историческую ситуацию.

В имеющемся контексте самые ранние и очень качественно изготовленные металлические сосуды, известные в «культурном монолите Майкоп-Новосвободная» и распространенные севернее Кавказских гор, рассматриваются нами исключительно как дополнение к основному ареалу нашего исследования. Возможно, они являются тем звеном, которое частично освещает истоки более поздних северопапонтийских металлических сосудов, однако не могут объяс-

hinsichtlich ihrer Verwendungsbereiche. Ihre Rolle in der damaligen Gesellschaft korrelierte selten mit den anderen Artefakten. Wir möchten nicht Termini wie «Elite», «elitär» usw. verwenden, da diese eher die Mentalität des zeitgenössischen Archäologen wiedergeben, als eine reelle bronzezeitliche Situation – gleichviel, ob im religiösen, sozialen oder wirtschaftlichen Bereich. Die Metallgefäße zeigen also eine größtenteils unterschiedliche archäologische Expressivität im Vergleich zu den anderen Gattungen, daher benötigt man eine sehr nuancierte Analyse. Ein neues, konkretes Ergebnis unserer Bemühungen ist die möglichst vollständige Kartierung der Metallbehälter zwischen Karpaten, Nordkaukasus und Ural. Zwei allerdings verhältnismäßig unterschiedliche Komponenten dürfen betont werden: Zuerst ist die chronologische Grenze der Metallgefäßausbreitung gen Norden zu nennen, die von keinem geographisch auffallenden Element markiert wird, wie es sonst in anderen Fällen zu beobachten ist (Gebirgsketten, Flüsse, Meere). Wohl aber ist sie teilweise mit der Nordgrenze des Steppengebietes, teilweise mit der Podolischen Hochebene in Verbindung zu bringen. Zweitens spiegelt diese nördliche Metallgefäßgrenze selbstverständlich auch kultur-historische Gegebenheiten wider.

Im vorliegenden Rahmen wurden die frühen qualitätsvollen Metall-

нить эволюцию наших продуктов торевтики.

Обращает на себя внимание очень разная плотность распространения металлических сосудов в исследуемом регионе (более 80 пунктов), которую можно объяснить, не только опираясь на степень археологической изученности на данном этапе. Самая западная группа подразделяется на карпато-подольскую (14 пунктов) и карпато-днестровскую (13 пунктов) подгруппы, вероятно, частично имеющих различное содержание. Восточнее от них находится буго-днепровская группа, с северной (14 пунктов) и южной (9 пунктов) подгруппами. За исключением северокавказского «бастиона», все остальные – около 15 пунктов – распределены на значительной территории от Днепра до Башкирии и далее до Казахстана. Низкая плотность находок, прежде всего, в восточной части исследуемого региона, поражает и сопоставима с Трансильванией. Последняя может быть обозначена как особенная зона, где на территории в 150.000 км² известно более 60 пунктов с металлическими сосудами, при этом на территории более чем 1.000.000 км², охваченной нашими исследованиями, известно лишь 83 пункта.

Отметим явное отсутствие сосудов из благородных металлов – независимо от хронологии – от линии Крыжовлин–Рэдень–

gefäße des «Majkop/Novosvobodnaja-Monolithes» nördlich des Kaukasus-Gebirges lediglich als Hilfsmittel betrachtet: Sie stellen ein archäologisches Element dar, das eventuell teilweise die Ursprünge der späteren nordpontischen Metallgefäße beleuchtet, jedoch nicht die volle Entwicklung unserer toreutischen Produkte erklären kann.

Vorläufig sogar ohne Sonderkartierungen treten allerdings einige wichtige Feststellungen zutage, welche weiterhin durch feinere chronologische Einteilungen bereichert werden können: Die erste Konstatierung betrifft die sehr unterschiedliche Dichte der Metallgefäße im Arbeitsgebiet (insgesamt über 80 Fundorte), die nicht nur anhand des forschungsgeschichtlichen Stadiums erklärt werden kann. Die westlichste Gruppe läßt sich in eine karpatisch-podolische (14 FO) und in eine karpatisch-dnjestrise (13 FO) Untergruppe einteilen, wohl mit teilweise unterschiedlichen Inhalten. Östlich davon befindet sich die Bug-Dnjepr-Gruppe, mit einer nördlichen (14 FO) und mit einer südlichen (9 FO) Untergruppe. Mit Ausnahme der nordkaukasischen «Bastei» sind alle übrigen – etwa 15 Fundorte – auf einem beachtlichen Raum von Dnjepr bis zum baškirischen Raum und weiter bis nach Kasachstan verteilt. Die geringe Dichte in Arbeitsgebiet kann an Hand eines Vergleichs mit Siebenbürgen als auffallend bezeichnet werden: in Siebenbürgen befinden sich über 60 FO

Вылчи Трн до их концентрации в раннем бронзовом веке на Северном Кавказе.

Далее будут обсуждены проблемы соотношения между сосудами крупных и малых размеров, а также полное отсутствие миниатюрных сосудов на исследуемой территории, что находится в явном противоречии с областями западнее Карпат. Полученные данные, по нашему мнению, не случайны, а наглядно демонстрируют определенную ситуацию в обществе того времени, учитывая постоянную циркуляцию других металлических предметов (серпы, втульчатые топоры и т. д.) в обоих направлениях. Имеющиеся в настоящее время находки способствуют уточнению статуса металлических сосудов в исследуемом регионе. Полученные нами результаты, если и будут проверяться и расширяться, даже на этом этапе представляют собой солидную основу для дальнейшего изучения данной темы.

mit Metallgefäßen auf einem ca. 150.000 qkm großen Areal, während aus unserem Arbeitsgebiet, mit über 1.000.000 qkm, nur 83 solche FO verzeichnet werden können.

Weitere Feststellungen beziehen sich auf die deutliche Abwesenheit der Edelmetallgefäße – ungeachtet von chronologischen Grenzen – von der Linie Kryžovlin-Rădeni-Vâlci Trn bis zur frühbronzezeitlichen Gruppierung im Nordkaukasus. Ferner sprechen wir zum einen das Problem des Verhältnisses zwischen den Gefäßen größerer und kleinerer Dimensionen im Arbeitsgebiet an, welches im klaren Widerspruch zur Lage westlich der Karpaten steht, sowie zum anderen die Abwesenheit der Miniaturgefäße. Wir gehen hier nicht von einem Zufall aus, sondern nehmen vielmehr an, daß diese Fakten eine bestimmte Situation in der damaligen Gesellschaft veranschaulichen – umso mehr, da andere Metallgegenstände (Sicheln, Tüllenbeile usw.) ständig in beide Richtungen zirkulieren. Wir vertreten die Meinung, daß das jetzige Fundmaterial bereits zu Präzisionierungen des Metallgefäßstatus im Arbeitsbereich beiträgt, obwohl spätere Entdeckungen diesbezüglich freilich Änderungen verursachen können. Wenngleich die bisherigen Ergebnisse geprüft und erweitert werden müssen, liefern sie schon zum jetzigen Zeitpunkt eine solide Basis für die zukünftige Erforschung des Themas.

**МАЙКОПСКИЙ КУРГАН –
ЭКСТРАОРДИНАРНЫЙ
ПАМЯТНИК ЕВРАЗИИ
IV ТЫС. ДО Н.Э.**

Юрий Ю. Пиотровский

*Отдел археологии Восточной Европы
и Сибири, Государственный Эрми-
таж, Санкт-Петербург, Россия*

Среди памятников раннего бронзового века особое место занимает Майкопский курган (Ошад), материалы которого и сегодня являются экстраординарными для всей территории Евразии. Одно время этот памятник признавали «эталонным» для всей культуры, что, несомненно, являлось и является казусом в отечественной науке.

4 апреля 1897 г. были отправлены письма Начальнику Кубанской области и Господину Майкопскому Городскому голове с уведомлением о командировании с 20 мая 1897 г. старшего члена Императорской археологической комиссии Н. И. Веселовского в Кубанскую область.

Сроки работ в Майкопе можно установить только косвенно по финансовому отчету: 25 мая Н. И. Веселовский выехал в Майкоп, а 20 июня уже переезжает в Костромскую станицу. Исследование кургана проходило именно в эти сроки. Еще одно косвенное подтверждение этих сроков мы находим в газете «Терские ведомости» от 1 июля 1897 г.: «В Майкопе недавно окончена раскопка

**DER KURGAN VON MAJKOP –
EIN AUSSERORDENTLICHES
DENKMAL EURASIENS
AUS DEM 4. JT. V.CHR.**

Jurij Ju. Piotrovski

*Abteilung der Archäologie Osteuropas
und Sibiriens, Staatliche Eremitage,
Sankt Petersburg, Russland*

Unter den Denkmälern der Bronzezeit nimmt der Kurgan von Majkop (Ošad) einen besonderen Platz ein, seine Funde sind bislang einzigartig für das gesamte Territorium Eurasiens. Dieses Denkmal ist gleichzeitig normativ für die gesamte Kultur und es ist für die russische Wissenschaft von besonderer Bedeutung.

Am 4. April 1897 empfangen der Gouverneur des Kubangebietes und die Mitglieder der Majkoper Stadtverwaltung die Mitteilung über die Abkommandierung eine führenden Mitglieds der Kaiserlichen Archäologischen Kommission, N. I. Veselovskij, ab dem 20. Mai 1897 ins Kubangebiet.

Den Zeitrahmen der Arbeiten in Majkop lässt sich nur indirekt aus dem Finanzbericht feststellen: am 25. Mai ist N. I. Veselovskij in Majkop angekommen, am 20. Juni siedelt er in die Kosakensiedlung Kostroma über. Die Ausgrabung des Grabhügels muss in die Zwischenzeit fallen. Es gibt noch eine weitere, indirekte Bestätigung dieser Zeit in der Zeitung «Terski Vedemosti» vom 1. Juli 1897: «In Majkop ist vor kurzem die Ausgrabung eines altertümlichen

старинного кургана, проводившаяся по распоряжению Археологической комиссии. Раскопка тянулась около месяца. В кургане оказались не малые сокровища. К разбору их из Петербурга прибыл профессор Веселовский».

Весь отчет о раскопках Майкопского кургана занимает два листа, исписанных мелким подчерком с двух сторон. Часть сведений разбросана по разным изданиям и появилась после выхода в свет печатного отчета. Какие либо фотографии процесса раскопок отсутствуют, хотя Н. И. Веселовский использовал фотосъемку процесса раскопок и в предыдущие годы, и в том же 1897 г., и в 1898 г. – в станице Царской. Отчет сопровождают несколько рисунков, которые нельзя считать «чертежами». Это, скорее всего, кроки необходимых деталей могилы, положения погребенных и расположения вещей.

На основании рукописного и печатного отчетов можно реконструировать основное погребение Майкопского кургана. Однако следует учесть, что в разных публикациях о раскопках, появлялись некоторые дополнения, а сам отчет явно составлялся и писался в Петербурге. Все это дает нам возможность предполагать наличие у Н. И. Веселовского черновых дневниковых записей.

Рисунок Н. К. Рериха, опубликованный Б. Фармаковским, был

Grabhügels, durchgeführt nach der Verfügung der Archäologischen Kommission, beendet worden. Sie erstrecken sich über etwa einen Monat. Im Grabhügel fanden sich nicht unbedeutende Schätze. Ihre Untersuchung lag in den Händen von Professor Veselovskij aus St. Petersburg».

Der Bericht zu den Ausgrabungen des Majkop Grabhügels nimmt nur zwei Blätter in kleiner Schrifttype auf zwei Seiten ein. Ein Teil der Informationen wurde aus verschiedenen Angaben zusammengesetzt und ist erst nach der Veröffentlichung des gedruckten Berichtes bekannt geworden. Bilder der Ausgrabungen fehlen, obwohl N. I. Veselovskij im Prozess der Ausgrabungen der vorhergehenden Jahre sowie auch 1897 und 1898 bei der Kosakensiedlung Zarsokoj Photographien anfertigte. Den Bericht begleiten einige Abbildungen die man nicht wirklich als «Zeichnungen» ansehen darf. Es sind aller Wahrscheinlichkeit nach eher Skizzen der Details des Grabes, der Lage der Bestattungen und der Anordnung der Beigaben.

Aufgrund der handschriftlichen Archivalien und des gedruckten Berichtes kann jedoch man die Hauptbestattung des Majkop Grabhügels rekonstruieren. Es ist dabei zu berücksichtigen, dass in den verschiedenen Publikationen der Ausgrabungen einige Angaben ergänzt wurden, und der Bericht offenbar nachträglich in St. Petersburg geschrieben wurde. Das ermöglicht

сделан в 1897 г. и представлен на выставке Императорской археологической комиссии в Старом Эрмитаже в 1898 г. Основой для рисунка послужили кроки Н. И. Веселовского. Но он не отражает действительного положения дел и не может служить источником для получения информации.

В докладе будет представлена реконструкция погребения, расположения вещей в могиле и анализ находок комплекса.

КАВКАЗ И ДАЛЬНИЕ ЗАПАДНЫЕ КОНТАКТЫ В IV И III ТЫС. ДО Н.Э.? ФАКТЫ, КОНЦЕПЦИИ, ДИСКУССИИ

Мажена Шмит

Институт восточноевропейских исследований, Университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша

Вопросы, связанные с вероятными связями между Средней Европой и Северо-Западным Кавказом, обсуждались в работах многих исследователей, начиная с XIX в. Особенно жаркими были дебаты во второй половине XX в., когда были сформулированы различные, зачастую даже взаимоисключающие гипотезы. Такое разнообразие мнений было и все еще обусловлено ограниченной и неоднозначной

uns zu vermuten, dass Tagebuchaufzeichnungen von N. I. Veselovskij existierten.

Die Zeichnung von N. K. Rerich, die von B. Farmakovskij veröffentlicht wurde, ist 1897 angefertigt worden. Sie war Teil der Ausstellung der Kaiserlichen Archäologischen Kommission von 1898 in der Alten Ermitage. Als Grundlage dieser Zeichnung kann nur eine Skizze von N. I. Veselovskij gedient haben. Aber auch sie gibt die genaue Sachlage nicht wider, und kann nicht als Quelle für die originalen Informationen dienen.

Im Vortrag wird die Rekonstruktion der Bestattung, die Anordnung der Objekte im Grab und die Analyse der Funde des Komplexes vorgestellt.

CAUCASUS AND DISTANT WEST CONNECTIONS IN THE 4TH AND 3RD MILL. BC? FACTS, CONCEPTS, DISCUSSIONS

Marzena Szmyt

Institute for Eastern Studies, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

The questions related to possible connections between the central-eastern Europe and north-western Caucasus have been discussed by many researchers since the 19th century. The discussion was extremely vivid in second half of the 20th century. Various hypotheses, often even contradictory, were presented. Diversity of opinion was – and still is – possible due to the limited and ambiguous source database

базой данных, что дает много возможностей для интерпретации.

Наиболее важную роль в этой длительной дискуссии сыграли каменные погребальные конструкции, включенные в «мегалитический феномен». Современные концепции касались корреляции или независимости в их развитии, направлений стимулирования и диапазона возможных адаптаций в специфическую культурную среду. На протяжении многих лет активно обсуждалось существование генетических связей, благодаря чему к решению этих вопросов были привлечены погребальные сооружения из Средней, Восточной Европы и Кавказа.

В концепциях, приводящих доводы в пользу восточных истоков, например, каменных цист, в большей степени подчеркивается хронологический приоритет кавказских элементов, по сравнению со степными и среднеевропейскими. Наиболее известным представителем этой концепции была М. Гимбутас, полагавшая, что появление в Средней Европе курганов с цистами было следствием второй волны вторжения степных nomadov («курганные культуры»), спровоцированной расширением майкопской культуры Кавказа. Степные общности изменили культурную карту Средней и Юго-Восточной Европы. Тогда сформировался цикл новых культур со значительной долей традиций «курганной культуры» – Усатово, Езеро, Баден, Коцофень, а также культура шаровидных амфор.

offering many possibilities of interpretation.

The most important role in the long-lasting discussion was played by a stone funeral architecture that has been incorporated into the «megalithic phenomenon». The advanced conceptions were concerned with developmental correlations or independence, directions of inspirations and the range of possible adaptations in specific cultural milieus. For many years, the debate focused on arguments in favour of the existence of genetic ties, joining a discussed grave architecture from central-eastern Europe and Caucasus – however, in various configurations.

The conceptions arguing for the eastern origins of e.g. stone cist graves emphasize the chronological priority of Caucasian features over those found in the steppe and central Europe. The foremost exponent of this conception was M. Gimbutas who held that central-east European stone cist graves in barrows were an effect of the second invasion wave by steppe nomads («Kurgan cultures»), triggered off by the expansion of the Maikop culture of the Caucasus. The steppe populations redrew the cultural map of central and south-eastern Europe. A cycle of new cultures took shape then with a substantial share of «Kurgan culture» tradition such as Usatovo, Ezero, Baden, Coțofeni, as well as the Globular Amphora culture.

Согласно второй группе концепций среднеевропейские элементы (или даже группы населения), связанные происхождением с культурой воронковидных кубков и/или культурой шаровидных амфор, повлияли на развитие причерноморских и кавказских групп. Наиболее радикальную позицию в этом вопросе заняли Н. Николаева и В. Сафронов, видевшие прямые связи между изделиями Новосвободной и кубано-терской культуры на Кавказе с культурой шаровидных амфор. В 1990-е гг. дискуссию подогрела гипотеза, выдвинутая А. Д. Резепкиным, согласно которой появление и развитие Новосвободной было связано с функционированием т. н. блока культур с чернолощеной керамикой, протянувшихся от Средней Европы до Северо-Западного Кавказа. Среднеевропейский импульс мог включать культуру Михайловка I, в то время как комплексы Новосвободной могли представлять самое восточное его проявление. Среднеевропейская связь этого блока, предположительно, осуществлялась через культуру воронковидных кубков с некоторой долей культуры шаровидных амфор.

Третья группа включает концепции, согласно которым каменные погребальные сооружения имели местные корни, появившись как результат развития структур в разных локальных условиях (лесостепь, степь, Крым, Кавказ), и, следовательно, они появились независимо друг

The second group of hypotheses assumes that central European patterns (or even population groups), originating with the Funnel Beaker and/or Globular Amphora culture contributed to the rise of Black Sea and Caucasus groups. The most extreme position on the question under discussion was adopted by N. Nikolaeva and V. Safronov, who assumed a direct connection between Novosvobodnaya-type artifacts and Kuban-Terek culture in the Caucasus with the Globular Amphora culture. In the 1990s, a heated debate was sparked off by the hypothesis advanced by A. Rezepkin, according to which the rise of the Novosvobodnaya type was related to the functioning of a so-called block of cultures with black-glossy pottery in the lands from central Europe to the north-western Caucasus. A cultural trend deriving from central Europe would include the Mikhailovka I culture, while Novosvobodnaya-type assemblages would represent its easternmost segment. The central European link of the block was supposedly the Funnel Beaker culture with some share of the Globular Amphora culture.

The third group comprises conceptions according to which the stone funeral architecture had local roots and was an outcome of the evolution of cultural structures in particular areas (forest-steppe, steppe, Crimea, Caucasus) hence it appeared there independently (e.g. A. Häusler, Ju. Rassamakin).

от друга (например, А. Хойслер, Ю. Рассамакин).

Несмотря на столь затянувшуюся дискуссию, до сих пор отсутствуют удовлетворительные результаты фундаментального характера. Все рассмотренные концепции были отклонены. В значительной степени это происходит из-за разбросанности научно-исследовательских проектов и отсутствия систематических исследований, использующих новейшие методы. Отказ от хронологии по типам в пользу хронометрии должен быть отражен также в систематизации каменных погребальных конструкций на рассматриваемой территории. Весьма желательно привлечение данных биоархеологии.

Приемлемое решение состояло бы в концентрации исследований в областях, принципиально важных для изучения отношений между средневропейскими и восточноевропейскими сообществами, включая северо-западно-кавказские, а также лесостепную и степную зоны. В бассейнах рек, меридионально пересекающих лесостепь и степь, присутствии элементов, которые можно было традиционно называть «восточными» и «западными», наблюдалось и ранее, также как и разнообразные варианты культурного синкретизма. Было бы желательно, с одной стороны, переосмыслить старые источники, а с другой, получить новые, позволяющие заполнить hiatus в наших знаниях.

In spite of the long debates a satisfactory pool of fundamental findings is still unavailable. All discussed conceptions have been strongly opposed. This is largely due to the dispersion of research projects and the absence of systematic investigations employing the latest research methods. Abandoning typochronology in favour of chronometry should be reflected in the systematics of stone funeral architecture in the area under discussion. It is highly desirable that bioarchaeological data be introduced into the debate.

An optimal solution would be to concentrate research on selected areas, crucial for the study of relationships between central and eastern European communities, and north-western Caucasian ones, as well as in the forest-steppe and steppe zones. In basins of longitudinally flowing rivers, crossing both the forest-steppe and steppe, the presence of the patterns that could be conventionally called «eastern» and «western» was observed already earlier, as well as diverse varieties of cultural syncretism. It is recommended that, on the one hand, old source complexes be reanalyzed and on the other, new sources assemblages be obtained, offering an opportunity to fill the collective hiatus in our knowledge.

ЕДИНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ДЛЯ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА КАВКАЗА: ВАЖНАЯ И ДОСТИЖИМАЯ ЦЕЛЬ?

Елена Рова

*Департамент гуманитарных наук,
Университет Ка'Фоскари, Венеция,
Италия*

С учетом опыта последних международных проектов – SAR расширенный семинар (Rothman 2001) и ARCANE (Lebeau et al. 2011), – нацеленных на создание общей хронологической схемы и работающей терминологии для IV–III тыс. до н.э. на Ближнем Востоке на основе синхронизации различных региональных периодизаций, в докладе будет рассмотрена возможность создания нечто подобного для Кавказского региона. В обсуждении будет главным образом затронута территория Южного Кавказа, как перекрестка между Ближним Востоком и миром евразийских степей, и, соответственно, в этом регионе работают исследователи, принадлежащие разным научным школам, которые предложили и используют собственные традиционные периодизации.

Прежде всего, будет предпринята попытка определения и обсуждения вероятных источников сумбурности и отсутствия взаимопонимания, таких как: а) использование одинаковых терминов, но с разными значениями, б) несова-

A UNIFIED TERMINOLOGY FOR THE CAUCASIAN EARLY BRONZE AGE: A WORTHY AND ACHIEVABLE TARGET?

Elena Rova

*Department of Humanities, University
Ca' Foscari, Venice, Italy*

Drawing on the experience of recent international projects – the SAR advanced seminar (Rothman 2001) and the ARCANE project (Lebeau et al. 2011) – which aimed at producing a common chronological framework and a shared terminology for the 4th and 3rd mill. BC in the Near East on the basis of a synchronisation of the different regional periodisations, the paper will discuss whether, and to what extent, a similar enterprise may be worth attempting for the Caucasian region. Discussion will especially focus on the Southern Caucasus, where the problem of conflicting and ambiguous terminologies is especially felt due to the region's position at the crossroads between the Near East and the world of the Eurasian steppes, and consequently to the presence, in the area, of researchers belonging to different schools of research, who have developed, and use, their own traditional periodisations.

First of all, an attempt will be made to identify and discuss possible sources of confusion and misunderstanding, such as: a) the use of the same terms with different meanings,

дающие или неточные определения одинаковых культурных комплексов, с) разделение на разные фазы одинаковых культурных горизонтов и d) медленное применение различных схем абсолютной хронологии и их сложные взаимосвязи в археологическом дискурсе. В качестве примера приводится различное использование традиционных техно-хронологических терминов «энеолит» и «ранний бронзовый век», а также рассмотрена дискуссия о культурах конца III тыс. до н.э. так называемого Раннего курганного периода.

Для обсуждения будет предложен ряд возможных подходов к согласованному решению проблемы после оценки того, сколько имеющихся сложностей вытекает из старых академических устоев (что общими усилиями может быть уменьшено), а сколько, напротив, свойственны природе и пределам доступной археологической документации. Хотя целью доклада не стоит обсуждение абсолютной хронологии, будут рассмотрены новые возможности датирования, полученные благодаря последним ^{14}C -датам.

b) non-coinciding or imprecise definitions of the same cultural assemblages, c) different phasing of the same cultural horizons and, d) the lingering use of different schemes of absolute chronology, and their complex intertwining in the archaeological discourse. Cases at issue will be, for instance, the different uses of traditional techno-chronological terms such as «Chalcolithic» and «Early Bronze Age», and the discussion about the later 3rd mill. BC cultures of the so-called Early Kurgan period.

After trying to evaluate how much of this huge diversity simply stems from old scholarly habits (and might, therefore be reduced through a common effort) and how much of it is, on the contrary, intrinsic to the nature and limits of the available archaeological documentation, or to the existence of different research perspectives, a number of possible approaches to an agreed solution of the problem will be offered for discussion. Although the paper will not specifically focus on absolute chronology, the potential contribution offered by recent ^{14}C dates will also be considered.

**КАВКАЗ И СРЕДНЕ-
ДУНАЙСКО-КАРПАТСКИЙ
РЕГИОН В КОНЦЕ ЭНЕОЛИТА
И РАННЕМ БРОНЗОВОМ
ВЕКЕ (ИССЛЕДОВАНИЕ
ТРАНСФЕРТА ТЕХНОЛОГИЙ
И ЗНАНИЙ В МЕТАЛЛУРГИИ)**

Йозеф Батора

Философский факультет, университет Коменского, Братислава, Словацкая Республика

Современные исследования все больше показывают, что культуры Среднедунайско-карпатского региона были не только периферийными образованиями высоко-развитых эгейских и переднеазиатских культур, но также являлись западной периферией евразийских степей. Исходя из этого, культурно-историческое развитие региона находилось и под влиянием процессов, происходивших на Кавказе. Об этом свидетельствуют немало изделий кавказского происхождения, найденных в Средней Европе.

В первую очередь можно упомянуть медные проушные топоры, их древнейшие образцы в Европе ведут свое происхождение с Северного Кавказа (майкопская культуры). Благодаря мощным культурным влияниям из северокавказского региона такие топоры сравнительно рано также появляются в ямной культуре Северного Причерноморья и Волго-Уральского региона. Из Северного Причерноморья вдоль Дуная они

**DAS GEBIET DES KAUKASUS
UND DER MITTELDONAU-
KARPATEN RAUM AM ENDE
DES ÄNEOLITHIKUMS UND
IN DER FRÜHEN BRONZEZEIT
(BEITRAG ZUM TRANSFER
DER TECHNOLOGIEN UND
DER KENNTNISSE IN DER
METALLURGIE)**

Jozef Bátora

Fakultät für Philosophie, Comenius Universität, Bratislava, Slowakische Republik

Die zeitgenössische Forschung zeigt immer mehr, dass die Kulturen im Mitteldonau-Karpaten Raum nicht nur Kulturen an der Peripherie der ägäischen und vorasiatischen entwickelten Kulturen waren, sondern auch eine westliche Peripherie eines eurasischen Steppenraum. In diesem Sinne war die kulturhistorische Entwicklung in diesem Raum auch von dem kulturhistorischer Entwicklung im kaukasischen Raum beeinflusst. Das beweisen auch mehrere Artefakten des kaukasischen Charakters im mitteleuropäischen Raum.

In ersten Reihe können wir kupferne Schaftlochäxte erwähnen von denen die ältesten Exemplare auf dem europäischen Kontinent aus dem nordkaukasischen Raum stammen (Majkop-Kultur). Dank der starken kulturellen Einflüssen aus Nordkaukasischen Gebiet tauchen diese Äxte sehr früh auch in der Gruben-grab-Kultur in dem nordpontischen Raum und in der Wolga-Ural-Region.

распространяются дальше на Северные Балканы и Среднюю Европу. Древнейшие экземпляры проушных топоров в этом регионе представлены типом Банябик и более поздним типом Файс/Корбаска. Их ранняя датировка подтверждается кладом из высоко расположенного поселения евишовицкой культуры Старе Замки в Брно-Лишен, Моравия. Клад состоял из медного проушного топора типа Файс/Корбаска, плоского топора, долота и шила. Он был найден в позднеэнеолитическом культурном слое. Аналогичный находке из Брно-Старе Замки клад, обнаруженный в Файс (Венгрия), содержал 3 проушных топора и 2 медных долота. Долота из этих двух вышеупомянутых кладов очень близки долотам из погребений майкопской культуры на Северном Кавказе, что подтверждается, например, находками из дольмена I Новосвободная/Царская, погребением 31 в Клады, а также другими захоронениями из ст. Воздвиженская, Андрюковская, Махошевская и, возможно, экземплярами из основного погребения в Майкопском кургане.

Еще одному изделию, медной бритве из погребения культуры шнуровой керамики Моркувки в Моравии, мы находим прямые прототипы не только в Северном Причерноморье (погребение 12/1 в Сватове времени до ямной культуры), но также за Кавказом, а

Aus der nordpontischen Raum verbreitete sich entlang der Donau weiter auch nach Nord-Balkan und Mitteleuropa. Die ältesten Exemplare der einschneidigen Schaftlochäxte in diesem Gebiet repräsentieren Typen Baniabic und etwas jüngerer Typ Fajsz/Corbasca. Ihre Altertümlichkeit dokumentiert ein Depotfund aus der Höhensiedlung der Jevišovice-Kultur Staré Zámky in Brno-Líšeň in Mähren. Der Depotfund bestand: aus einer kupfernen Schaftlochaxt des Fajsz/Corbasca-Typs, einer Kupferflachaxt, einem Meißel und einem Pfriem. Der Depotfund wurde in der jüngsten äneolithischen Kulturschicht gefunden. Das dem in Brno – Staré Zámky ähnliche Depot liegt in Fajsz in Ungarn; es enthielt eben drei Schaftlochäxte auch zwei Kupfermeißel. Die Meißel aus den beiden erwähnten Depots sind den Meißeln aus den Gräbern der Majkop-Kultur im Nordkaukasus sehr ähnlich, was ziemlich gut auch ihre Exemplare belegen: z. B. Exemplare aus dem Dolmen I in Novosvobodnaja/Carskaja, aus dem Hügelgrab 31 in Klady, sowie aus anderen Gräbern in Vozdviženskaja, Andrjukovskaja, Machoševskaja und wahrscheinlich auch Exemplare aus dem Hauptgrab in Majkop.

Ein weiteres Artefakt, ist Kupfer-rasiermesser aus dem Grab der Schnurkeramik aus Morkúvky in Mähren, zur welchen wir eine direkte Vorlage finden nicht nur in Nordpontischen Raum im Grab 12/1 in Svatove welche ist in die Pre-

именно, в северо-восточной Сирии, бывшей Месопотамии – в Тель Хазна I.

Наряду с оружием или орудиями труда также упомянем украшения. Речь идет о серьгах или кольцах для волос т. н. типа Сиби-нер, которые в Карпато-Средне-дунайском регионе связаны с унетицкой, коштыанской и отоманской культурами. Эти изделия имеют прототипы как погребениях ямной культуры Северного Причерноморья, так в северо-восточной части Кавказа, где более всего представлены в культуре Гинчи.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ*

Алексей Д. Резепкин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

История изучения памятников эпохи ранней бронзы насчитывает уже более 110 лет, начиная с раскопок Н. И. Веселовским Майкопского кургана в 1897 г. Она подробно изложена в ряде статей и монографий (Иессен 1950; Мунчаев 1961; 1975; 1994; Кореневский 2004). На протяжении этого периода вих изучении можно выделить три этапа:

Первый этап. Работы Н. И. Веселовского на Кубани (1895–1917)

Yamnaja Kultur (Vor-Grubengrabkultur) datiert, doch noch weiter als im Gebiet des Kaukasus, und zwar in nordöstlichen Syrien, auf dem Gebiet der ehemaligen Mesopotamien, wo er auf der Lokalität Tell Chazna I gefunden wurde.

Neben den Waffen, bzw. der Werkzeugen kommen auch Schmücke vor. Es handelt sich um Ohrringen, bzw. Haarringen des sog. Sibiner Typus, im Karpaten-Mitteldonauroaum verbunden vor allem mit der Aunjetitzer-, Koštany- und Otomani-Kultur. Zu diesen findet man die Prototypen in Nordpontischen Raum in der Grubengrabkultur und sowie im nordöstlichen Teil des Kaukasus, am häufigsten in der Ginči-Kultur vertreten.

DER NORDKAUKASUS IN DER FRÜHEN BRONZEZEIT*

Aleksej D. Rezepkin

Institut für Geschichte der Materiellen Kultur, RAW, Sankt Petersburg, Russland

Die Forschungsgeschichte zu Fundorten des Nordkaukasus in der Frühen Bronzezeit beginnt 1897 mit den Ausgrabungen des Majkop-Kurgans durch N. I. Veselovskij und umfasst damit mehr als 110 Jahre (Иессен 1950; Мунчаев 1961; 1975; 1994; Кореневский 2004). Sie ist in drei Abschnitte zu unterteilen:

Der erste Abschnitt umfasst die Arbeit von N. I. Veselowskij am Kuban (1895–1917) und die Ausgrabungen der Nordkaukasischen Expedition unter der Leitung

и раскопки Северо-Кавказской экспедиции под руководством А. А. Миллера (1924–1933). Параллельно велись аналитические исследования, позволившие объединить эти памятники в группу так называемых Больших кубанских курганов (Tallgren 1911) и на основании анализа стиля гравированных изображений на металлических сосудах из Майкопского кургана предложить их южное происхождение (Ростовцев 1920). В 1929 г. А. В. Шмидт сделал первую попытку общей периодизации курганных памятников доскифского времени на Кубани, расчленив их на три последовательные группы: раннекубанскую, среднекубанскую и позднекубанскую. В первую группу были включены курганы Майкопский, Костромской, Андрюковский, Воздвиженский, основные погребения из Келермесского кургана № 3, Псебайский и два кургана у станицы Новосвободной (бывшей Царской). Все они были отнесены к III тыс. до н.э. Тогда же впервые было рассмотрено соотношение подгрупп Майкопа и Новосвободной. Последнюю, на основании аналогий с «царским» могильником Ура, А. В. Шмидт отнес к 3000 г. до н.э. (Schmidt 1929). Позднее А. А. Иессеном была предложена обратная последовательность и более поздняя датировка: конец III – начало II тыс. до н.э. (Иессен 1935). Первый этап характеризуется открытием памятников, периодом первичного накопления материалов и достаточно глубоким их осмыслением.

A. A. Millers (1924–1933). Parallel wurden die analytischen Forschungen vorangetrieben, wobei die Fundorte in eine Gruppe der sogenannten «Großen Kuban-Grabhügel» zusammengefasst wurden (Tallgren 1911). Auf der Grundlage der grafischen Darstellungen auf den Metallgefäßen aus dem Majkop-Grabhügel wurde ihre südliche Herkunft vermutet (Ростовцев 1920). 1929 hat A. W. Schmidt den ersten Versuch einer allgemeinen Periodisierung von Kurganen der vorskythischen Zeit am Kuban unternommen. Er teilte diese Fundorte in drei aufeinander folgende Gruppen ein: Früh-Kuban, Mittel-Kuban und Spät-Kuban. Die erste Gruppe bilden die Grabhügel von Majkop, Kostroma, Andrjukovsk, Vozdvižensk, die Hauptbestattungen aus dem Grabhügel 3 in Kelermes, Psebj und zwei Grabhügel bei der Kosakensiedlung Novosvobodnaja (ehemals Carskaja). Sie wurden ins 3 Jt. v.Chr. datiert.

Gleichzeitig wurde das Verhältnis zwischen der Gruppen Majkop und Novosvobodnaja zum ersten Mal analysiert. Die letzte Gruppe wurde aufgrund der Analogien mit den Königsgräbern aus Ur von A. W. Schmidt auf etwa 3000 v.Chr. datiert (Schmidt 1929). A. A. Jessen schlug später eine umgekehrte Reihenfolge und eine Datierung an das Ende des 3./Anfang 2. Jt. v.Chr. vor (Иессен 1935). Der erste Abschnitt der Forschungsgeschichte wird also durch die Entdeckung der ersten Fundorte,

Начало второго этапа, по времени можно соотнести с известной статьей А. А. Иессена, в которой он погребальные комплексы из «Больших Кубанских курганов» разделил на два хронологических горизонта: ранний – с памятниками, группирующимися вокруг Майкопского кургана, и поздний, куда входят памятники, по материалу тяготеющие к новосвободненским гробницам. Группа Больших кубанских курганов была объединена в культуру, которая получила название «майкопской» по кургану, раскопанному на территории города Майкоп и содержавшего самое богатое захоронение раннего бронзового века (Крупнов 1951). Этот этап отмечен широкомасштабными полевыми исследованиями 1960–1970-х гг. (Мунчаев, Нечитайло 1963; Мунчаев 1975; Чеченов 1970). В результате проведенных работ были открыты памятники на территории Северного Кавказа от Черного моря до Чечено-Ингушетии включительно. Итогом осмысления нового материала явилась трехчленная периодизация культуры по погребальному инвентарю. Была уточнена и более надежно обоснована хронология (Мунчаев 1975).

С конца 1970-х гг. начинается *третий этап*. Наряду с резким увеличением объема полевых исследований стала заметной тенденция качественного осмысления материала. Еще более определенно выявились 2 точки зрения на развитие и происхождение культуры. Ес-

die Sammlung von Fundmaterialien und eine erste analytische Phase charakterisiert.

Der Anfang des zweiten Abschnitts stimmt mit der Veröffentlichung des bekannten Artikels von A. A. Jessen (Иессен 1951) überein. Er teilte die Grabkomplexe der Großen Kuban-Grabhügel in zwei chronologische Horizonte: einen früheren mit den um den Majkop-Grabhügel gruppierten Fundorten und einen späteren mit Fundorten, deren Fundbestand den Novosvobodnaja-Grüften näher steht. Die Gruppe der Großen Kuban-Grabhügel wurde der Majkop-Kultur zugeordnet, benannt nach dem Kurgan von Majkop, der fundreichsten Bestattung der Frühen Bronzezeit (Крупнов 1951). Dieser Abschnitt ist durch die großangelegten Feldforschungen von 1960–1970 bestimmt (Мунчаев, Нечитайло 1963; Мунчаев 1975; Чеченов 1970). Diese Ausgrabungen brachten neue Fundorte im Nordkaukasus vom Schwarzen Meer bis nach Čečeno-Inguschetien ans Licht. Sie bilden die Grundlage einer dreiteiligen Periodisierung der Bronzezeit aufgrund der Beigaben-Inventare mit einer präzisierten Chronologie (Мунчаев 1975).

Ende der 1970'er Jahre beginnt *der dritte Abschnitt*: Neben weiteren ausgedehnten Ausgrabungen wurde die Analyse der Objekte intensiviert. So gab es eine heftige Diskussion zur Herkunft der Fundorte, die mit dem Majkop-Grabhügel zu synchronisieren sind (Мунчаев 1975; Ан-

ли относительно происхождения группы памятников, концентрирующихся вокруг Майкопского кургана, особых разногласий не существует (Мунчаев 1975; Андреева 1977), то в вопросе генезиса комплексов, относящихся по материалу к кругу новосвободненских гробниц, определились две противоположные точки зрения. Согласно первой, обе группы объединяются в одну, майкопскую культуру и являются этапами ее развития (Иессен 1950; Мунчаев 1975; 1994). Согласно второй точки зрения, новосвободненская группа представляет собой самостоятельное явление (культуру). Первым, кто выразил сомнение в культурной однородности памятников Майкопа и Новосвободной, был А. Д. Столяр (1964). Эту идею о разном генезисе Майкопа и Новосвободной воспринял В. А. Сафронов. Он предложил гипотезу о происхождении гробниц у ст. Новосвободной, а заодно и дольменов Северо-Западного Кавказа, из культуры шаровидных амфор (Сафронов 1974). Не исключено, что он был знаком с идеей о сходстве шаровидных амфор и амфор из гробниц у ст. Новосвободной, высказанной еще Г. Чайлдом (Чайлд 1952: 214). Культурное отличие памятников Майкопа и новосвободненских гробниц неоднократно отмечалось и мной (Резепкин 1982; 1984; 1991).

Основополагающее значение для решения перечисленных проблем имеют материалы могильника «Кла-

дреева 1977). Auch zur Frage der Genese der Komplexe um die Novosvobodnaja-Grüfte entwickelten sich zwei entgegengesetzte Standpunkte. Nach der ersten Meinung, gehören beide Gruppen zur Majkop-Kultur und sind chronologische Etappen ihrer Entwicklung (Иессен 1950; Мунчаев 1975; 1994). Nach der zweiten Meinung, stellt die Novosvobodnaja-Gruppe eine selbständige Novosvobodnensk-Kultur dar (Столяр 1964). Diese Idee übernahm auch V. A. Safronov (Сафронов 1974), und folgte damit Überlegungen von V. Gordon Childe, der auf die Ähnlichkeit der Amphoren aus Novosvobodnaja-Gruppe mit den Kugelamphoren hingewiesen hatte (Чайлд 1952: 214). Den kulturellen Unterschied der Majkop-Fundorte zu denjenigen der Novosvobodnaja-Grüfte betont auch der Autor hingewiesen (Резепкин 1982; 1984; 1991).

Grundlegende für diese Diskussion sind Funde aus der Nekropole von Novosvobodnaja-Klady, dessen Erforschung mit der Ausgrabungen 1898 von N. I. Vesselovskij begann und von der Majkop-Expedition 1979–1991 (unter der Leitung von A. D. Rezepkin) sowie der Kuban-Expedition (unter der Leitung von V. S. Bočkarev) weitergeführt wurde. Dabei wurden 22 Grabhügel ausgegraben, wobei 8 von ihnen unter der 12 m hohen Aufschüttung des sogenannten Silber-Hügels lagen.

ды», история изучения которого насчитывает уже более 110 лет со времени раскопок Н. И. Веселовского в 1898 г., раскопавшим 2 гробницы. Следующий этап исследований подкурганного могильника «Клады» был проведен в 1979–1991 гг. Майкопским отрядом (начальник отряда А. Д. Резепкин) Кубанской Новостроечной археологической экспедицией (начальник экспедиции В. С. Бочкарев) ЛОИА АН СССР. В результате исследований были раскопаны все оставшиеся курганы могильника «Клады». В итоге было раскопано 22 кургана, причем 8 из них были перекрыты гигантской 12-метровой насыпью кургана «Серебряный». В этих курганах насчитывается 93 хорошо стратифицированных погребений, относящихся к новосвободненской культуре. К ним можно добавить две подкурганные гробницы, раскопанные Н. И. Веселовским в 1898 г. Это единственный практически полностью исследованный могильник раннего бронзового века на Северном Кавказе, имеющий хорошую стратиграфию. Он дал такое обилие качественного и количественного материала, что сейчас представляется реальная возможность на основе стратиграфии и типологии построить относительную хронологию, по-новому подойти к проблеме абсолютной хронологии памятников эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе.

Целью данного доклада является:

1. Предложить концептуально но-

In diesen Grabhügeln wurde 93 Bestattungen freigelegt, die zur Novosvobodnaja-Kultur gehören. Dazu passen auch die beiden zwei Gräben, die von N. I. Veselovskij 1898 ausgegraben worden waren. Klady ist die einzige vollständig untersuchte und stratigraphisch abgesicherte Nekropole der Frühen Bronzezeit im Nordkaukasus.

Die Qualität und Quantität der hier ergrabenen Objekte geben eine gute Möglichkeit, auf der Grundlage von der Stratigraphie und Typologie eine relative Chronologie zu erstellen und auf dieser Grundlage eine absolute Chronologie für die Fundorte der Frühen Bronzezeit des Nordkaukasus zu gewinnen.

* Diese Arbeit wurde von der Russische Stiftung für Grundlagenforschung (RFFI), Projektnummer 14-06-00113a, unterstützt.

вую модель становления и развития раннего бронзового века на Северном Кавказе; 2. Выделить из совокупности памятников, до сих пор именуемых майкопской культурой или же майкопско-новосвободенской общностью (Кореневский 2004), круг памятников, которые относятся к собственно майкопской культуре и памятники, относящиеся, по моему мнению, к новосвободенской культуре; 3. Выделить компоненты, из которых сложились эти культуры, и попытаться определить их истоки.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-06-00113а.

**НАЧАЛО РАННЕГО
БРОНЗОВОГО ВЕКА
НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ:
НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ВНУТРИ
И ЗА ПРЕДЕЛАМИ КАВКАЗА**

Антонио Сагона

Школа исторических и философских исследований, Университет Мельбурна, Мельбурн, Австралия

Обширное переплетение горной местности и равнин, простираясь к востоку от Верхнего Евфрата к берегам Каспия и включая Большой Кавказ и Северную Месопотамию, являлось областью интенсивного культурного взаимодействия в течение IV и III тыс. до н.э. Местные сообщества, частью довольно консервативные по природе, развивались, одновременно сохраняя

**THE BEGINNING OF THE
EARLY BRONZE AGE IN THE
SOUTHERN CAUCASUS:
NEW PERSPECTIVES ON
CULTURAL INTERACTION
WITHIN AND BEYOND THE
CAUCASUS**

Antonio Sagona

School of Historical & Philosophical Studies, University of Melbourne, Melbourne, Australia

The vast tangle of highlands and plains, stretching from east of the Upper Euphrates to the shores of the Caspian Sea, and incorporating the greater Caucasus and northern Mesopotamia, was as a region of intense cultural interaction during the 4th and 3rd mill. BC. Local communities, some quite conservative by nature, sought new opportunities while maintaining

свою культурную специфику, несмотря на устойчивые влияния новых культурных элементов. Принимая во внимание сложности в изучении таких взаимодействий, благодаря новым совместным исследовательским проектам вырисовывается намного более детальная картина этой высокогорной культурной среды, расположенной на северной окраине Месопотамии.

В работе исследуется происхождение куро-аракского комплекса, датирующегося в целом около 3500/3400 гг. до н.э. С привлечением известных секвенций и новых данных, включая Чобарети из Верхней Куры в юго-западной Грузии, будут рассмотрены некоторые вопросы, объясняющие мощное культурное взаимодействие, определившее начало раннего бронзового века на Южном Кавказе. Связанные с этим периодом вопросы включают трансферт идей в сравнении с миграцией населения, культурную неоднородность и расплывчатость, мобильность в сравнении с оседлостью, а также появление социальной сложности. При объяснении происхождения куро-аракского комплекса в работе будет показана роль, которую сыграли другие культурные традиции, включая керамику с примесью соломы в тесте (Chaff-Faced Ware), и культуры сиони.

their cultural identity, despite the steady flow of intrusive cultural elements. Whereas these connections were once only dimly understood, new collaborative projects are providing a far more nuanced picture of this highland cultural milieu that extended to the northern fringe of Mesopotamia.

This paper investigates the origins of the Kura-Araxes complex, generally placed around 3500/3400 BC. Drawing on well-established sequences and new data, including those from Chobareti, in the Upper Kura Valley in southwestern Georgia, it will address certain themes to explain the expansive cultural interplay that defined the beginning of the Early Bronze Age in the southern Caucasus. Matters germane to this period include the transfer of ideas versus the migration of people, cultural hybridity and entanglement, mobility versus sedentism, and the emergence of social complexity. In explaining the genesis of the Kura-Araxes complex, the paper will also touch on the role played by other archaeological traditions, including Chaff-Faced Ware and the Sioni tradition.

КУРГАНЫ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ

Зураб Махарадзе

Центр археологии, Национальный музей Грузии, Тбилиси, Грузия

Ранний бронзовый век Южного Кавказа датируется второй половиной IV–III тыс. до н.э. и связан с куро-аракской археологической культурой. Эта раннеземледельческая культура была широко распространена, кроме Кавказа она известна в Восточной Анатолии, Северо-Западном Иране и Сирии-Палестине.

В середине – второй половине III тыс. до н.э. в центральной части Южного Кавказа, на территории Восточной Грузии, появляются богатые захоронения вождей в больших курганах. Выделяются две группы – марткопская и беденская. Появление курганных захоронений связывают с активизацией мобильных животноводов евразийских степей. В III тыс. до н.э. наблюдается проникновение с разной степенью интенсивности северных, степных элементов в южные, земледельческие культуры Средней Азии, Южного Кавказа и на Балканы.

На Южном Кавказе появление новых элементов вызвало глубокую трансформацию местной культуры, хотя широкомасштабная миграция не фиксируется. Скорее, этот процесс можно мо-

KURGANE DER FRÜHBRONZEZEIT IN OSTGEORGIEN

Zurab Makharadze

Archäologie-Center, Georgien Nationalmuseum, Tiflis, Georgien

Die Frühbronzezeit des Südkaukasus fällt in die zweite Hälfte des 4. und das 3. Jt. v.Chr. und ist mit der Kura-Arax-Kultur verbunden. Diese frühackerbauliche Kultur war weit verbreitet, und ist neben dem Kaukasus aus dem östlichen Anatolien, dem Nordwest Iran und Syrien-Palästina bekannt.

In der Mitte und der zweiten Hälfte des 3. Jt. v.Chr. erscheinen im zentralen Teil des Südkaukasus, auf dem Territorium von Ostgeorgien, reiche Elite-Gräber in großen Grabhügeln. Es lassen sich zwei Gruppen trennen – Martqopi und Bedeni. Das Erscheinen der Kurgangräber spiegelt die Aktivierung von Kontakten zu den mobilen Viehzüchtern der eurasischen Steppen wieder. Im 3. Jt. v.Chr. zeigen sich mit verschiedener Intensität Kontakte der Steppenbevölkerung im Norden zu den Ackerbaukulturen Mittelasiens, des Südkaukasus und des Balkans.

Im Südkaukasus hat das Erscheinen dieser neuen Elemente eine grundlegende Transformation der lokalen Kultur ausgelöst, obwohl sich keine umfassende Migration nachweisen lässt. Dieser Prozess lässt sich eher als ein Eindringen kleiner, in der militärischen und politischen Sphäre dominierender Gruppen

делировать как проникновение небольших групп, доминирующих в военной и политической сфере, при сохранении традиций местной материальной культуры. Такая картина характерна для марткопского круга памятников. Что касается беденских памятников, то их можно выделить в отдельную археологическую культуру. Однако сложность состоит в том, что на определенном этапе фиксируется сосуществование куро-аракских, марткопских и беденских материалов. Это свидетельствует о значительных инновационных процессах, происходящих на Южном Кавказе в этот период.

Курганы раннего бронзового века сравнительно мало изучены. Эти памятники исследовались в Грузии в 60-80-х гг. XX в. и требуют своего дальнейшего осмысления. Поэтому столь важен каждый новый памятник.

Археологические открытия последних лет выявили много интересных памятников разных эпох на территории Грузии. Одним из самых значительных стали раскопки в 2012 г. экспедиции Центра археологии Национального музея Грузии, под руководством автора, большого кургана Ананаури № 3 (Лагодехский район) на левом берегу р. Алазани.

Насыпь кургана, диаметром 100 м, высотой 12 м, состояла из глины и была покрыта каменным панцирем. Под насыпью, в цен-

modellieren, wobei die Traditionen der lokalen materiellen Kultur erhalten blieben. Ein solches Szenario ist für den Kreis der Martqopi-Denkmäler wahrscheinlich. Die Denkmäler des Bedeni-Krieses hingegen bilden eher eine abgeschlossene archäologische Kultur. Die Problematik besteht darin, dass sich in einer bestimmten Etappe die Koexistenz von Kura-Arax, Martqopi und Bedeni Denkmälern fassen lässt. Das zeugt von bedeutenden innovativen Prozessen, die den Südkaukasus in dieser Periode beherrschten.

Die Grabhügel der Frühbronzezeit sind verhältnismäßig wenig erforscht. Die meisten Denkmäler in Georgien wurden in den 1960'er bis 1980'er Jahren untersucht und fordern dringend eine Revision. Deshalb ist jedes neue Denkmal von großer Bedeutung. Die archäologischen Grabungen der letzten Jahre haben auf dem Territorium Georgiens viele interessante neue Denkmäler aus verschiedenen Epochen an den Tag gebracht. Von besonderer Bedeutung sind die Ausgrabungen der Expedition des Zentrums der Archäologie des Nationalmuseums Georgiens von 2012 im großen Grabhügel Ananauri Nr. 3 (Bezirk Lagodechi) auf der linken Küste Flusses Alasani, unter Leitung des Autors.

Die Aufschüttung des Grabhügels mit einem Durchmesser von 100 m und einer Höhe von 12 m, bestand aus Ton und war mit einem Steinpanzer abgedeckt. Im Zentrum unter der

тре, на уровне древней дневной поверхности, выявлена площадка из двойного слоя дубовых бревен 25 × 15 м, покрытая слоем стружек 0,2 м и посыпанная охрой. Площадка служила перекрытием погребальной камеры. Сама камера представляла собой деревянный сруб, впущенный в яму глубиной 2,75 м (внутренний размер камеры 9 × 6,5 м), с тремя опорными столбами и деревянным полом.

Несмотря на то, что погребение было ограблено еще в древности, сохранилось много уникальных артефактов: 2 четырехколесные повозки; деревянное кресло; орнаментированная керамика и деревянные сосуды; кремневые и обсидиановые наконечники стрел; украшения из золота и полудрагоценных камней; ожерелье из янтаря и т. д. Благодаря особому микроклимату, в погребении прекрасно сохранились органические материалы: изделия из кожи и текстиля; плетеные корзины; орехи, каштаны и даже лесные ягоды.

Уникальные данные, полученные при раскопках, изучаются лабораторно и значительно обогащают наши знания, а курган Ананаури № 3, который датируется серединой III тыс. до н.э., является одним из эталонных памятников раннего бронзового века Кавказа.

Ауфшüttung, auf der Höhe der ehemaligen Oberfläche, wurde ein Areal von 25 × 15 m mit einer doppelten Lage Eichenbalken entdeckt. Sie war mit einer Schicht aus Spänen von 0,2 m Stärke, die mit Ocker bestreut war, überdeckt. Dies diente zur Abdeckung der Grabkammer. Die Kammer war aus Holzbalken gezimmert, mit einem hölzernen Fußboden ausgekleidet und mit drei Stützsäulen versehen. Sie maß im Innern 9 × 6,5 × 2,75 m.

Obwohl das Grab schon im Altertum beraubt wurde, es sind viele einzigartige Artefakte erhalten geblieben: zwei vierrädrige Wagen, ein hölzerner Sessel, verzierte Keramik und hölzerne Behälter, Silex- und Obsidianpfeilspitzen, Goldschmuck und Schmuck aus Halbedelsteinen, ein Kollier aus Bernstein usw. Dank dem besonderen Mikroklima im Grab sind auch viele organische Materialien sehr gut erhalten, darunter Lederwaren und Textilien sowie Flechtkörbe in denen noch Nüsse, Maronen und sogar Waldbeeren enthalten waren.

Die einzigartigen Informationen, die bei den Ausgrabungen gewonnen wurden, werden nun im Labor untersucht. Sie werden unser Wissen bereichern zur Frühbronzezeit umfangreich erweitern. Der Grabhügel von Ananauri Nr. 3, der in die Mitte des 3. Jt. v.Chr. datiert, ist sicher eines der bedeutendsten Denkmäler aus der Frühbronzezeit des Kaukasus.

НОВЫЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БОЛЬШОГО КУРГАНА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ

Анатолий Наглер

Евразийское отделение, Германский археологический институт, Берлин, Германия

1. Археологические исследования курганов Евразии были начаты Д. Г. Мессершмидтом, с научной целью раскопавшим в 1722 г. несколько курганов в Сибири на левом берегу р. Абакан. За прошедшее с тех пор 300 лет археологами было исследовано огромное количество курганов, находки из которых являются ценнейшим материалом для изучения различных эпох. Все курганы Евразии раскапывались до конца прошлого века и продолжают раскапываться в настоящее время без уделения должного внимания курганному сооружению. Представление о нем, как о некой «насыпи» над могилой («насыпями» и «досыпками» над могилами) господствует в археологии до сих пор.

2. В 1961 г. М. П. Грязновым была высказана идея о том, что курган – это не насыпь, а утратившее свой первоначальный облик древнее архитектурное сооружение, оплывшее и принявшее форму округлого холма. К сожалению, эта идея была поддержана лишь некоторыми исследователями и практического развития не получила. Понимание

NEUE INTERDISZIPLINÄRE ARCHÄOLOGISCHE UNTERSUCHUNGEN EINES GROSSESKURGANES IM ZENTRALEN KAUKASUSVORLAND

Anatoli Nagler

Eurasien-Abteilung, Deutsches Archäologisches Institut, Berlin, Deutschland

1. Die archäologischen Forschungen der Kurgane Eurasiens wurden von G. D. Messerschmidt begonnen. Im Jahr 1722 grub er mehrere Kurgane in Sibirien, am linken Ufer des Flusses Abakan aus. In den seit dieser Zeit vergangenen 300 Jahren haben die Archäologen eine große Anzahl von Grabhügeln wissenschaftlich untersucht. Die wertvollen Funde aus diesen Grabungen stammen aus verschiedenen Epochen. Jedoch wurden alle Kurgane bis zum Ende des letzten Jahrhunderts und auch weiterhin in der heutigen Zeit ohne entsprechende Rücksicht auf den Aufbau des Kurgans ausgegraben. Die Vorstellung, die Kurgane seien «Aufschüttungen» (oder «Anschüttungen») über den Gräbern, dominiert in der Archäologie bis heute.

2. Im Jahre 1961 schlug M. P. Grjaznov vor, den Kurgan nicht als bloße «Aufschüttung» über dem Grab, sondern als zerstörte altertümliche Architekturkonstruktion zu betrachten, die eingestürzt ist und die Form eines abgerundeten Hügels angenommen hat. Leider wurde diese Idee nur von einigen Forschern zur Kenntnis genommen

целостности всего памятника, не только содержащегося в могиле (могилах) инвентаря и устройства самих могил, но и конструкции всего курганного сооружения, так и не возникло, а непосредственно прилегающая к кургану территория курганная периферия вообще не исследовалась. Археологи до сих пор продолжают концентрировать свое основное внимание только на находках.

3. В последние годы российскими и германскими специалистами совместно были раскопаны несколько больших курганов раннего железного века. Раскопкам всегда предшествовали геофизические разведки. Курганы изучались мультидисциплинарно – в исследованиях помимо археологов приняли участие антропологи, генетики, палеозоологи, палеоботаники, почвоведы и представители других наук. Объем полученной информации неизмеримо возрос количественно и качественно. Одним из итогов этих работ стало новое понимание курганных памятников и сформулирована до сих пор в науке не существовавшая их дефиниция:

Курган является погребально-ритуальным-комплексом, состоящим из связанных в единое целое трех частей: 1 – захоронений, кладов, жертвенных комплексов; 2 – построенных над ними сооружений, порой сложных и монументальных, являющихся памятниками своеобразной архитектуры;

и не было практически umgesetzt. Das Verständnis für die Ganzheitlichkeit des Denkmals und nicht nur für das Grab (die Gräber) und die in ihm geborgenen Funde, sondern auch für den darauf errichteten Bau entstand nicht. Das an ihn grenzende Areal, die Peripherie, hat man überhaupt nicht erforscht. Auch weiterhin konzentrieren Archäologen ihre gesamte Aufmerksamkeit auf die Funde.

3. In den letzten Jahren erforschten russische und deutsche Archäologen gemeinsam mehrere große früheisenzeitliche Kurgane. In allen Fällen wurden vor der Grabung geophysikalische Prospektionen durchgeführt. Es handelte sich dabei um multidisziplinäre Forschungen; zusammen mit Archäologen arbeiteten Anthropologen, Genetiker, Paläozoologen, Paläobotaniker, Bodenkundler und andere Wissenschaftler. Das Volumen der erhaltenen Informationen hat sich sowohl quantitativ als auch qualitativ wesentlich erhöht. Es entstand auch ein neues Verständnis für diese Denkmäler und als Folge wurde eine früher in der Wissenschaft fehlende Definition des Kurgans formuliert:

Kurgan ist ein Grab- und Ritualkomplex, der aus drei eng miteinander verbundenen Komponenten besteht: 1 – Bestattungen, Horte, Opferkomplexe; 2 – die darüber errichteten Anlagen, manchmal kompliziert und monumental, die eine eigenartige Architektur aufweisen;

3 – территории, прилегающей к сооружению или курганной периферии. Она содержит рвы, поминальные комплексы, могилы, артефакты, культурные остатки, связанные как со строительством комплекса, так и с проводившимися здесь ритуальными действиями.

4. В 2013 г. на Северном Кавказе были начаты совместные российско-германские междисциплинарные исследования Большого степного кургана эпохи бронзы. Работы осуществлялись с учетом дефиниции курганных памятников – изучались все три составляющие комплекса. Предварительными результатами является открытие в периферии кургана двух разновременных кольцевых рвов, остатков кольцевой глинобитной стены, окружавшей комплекс, расположенной между ней и краем кургана вымощенной глиняными блоками площадки. Кроме того в периферии были обнаружены погребения и следы ритуальных действий. На вершине кургана выявлены архитектурные остатки в виде ступенчатого сооружения, построенного из глиняных блоков. В сооружении найдено помещение с глинобитными стенами и полом. С целью изучения состава строительных материалов, примененных при возведении памятника, на выявленных архитектурных остатках были проведены почвоведческие исследования. Исследование кургана будет завершено в 2015 г.

3 – das Territorium, das an den Bau angrenzt, oder die Kurganperipherie. Sie enthält Gräben, rituelle Komplexe, Gräber, Artefakten, kulturelle Überreste, die sowohl mit dem Bau des Komplexes, als auch mit den hier stattgefundenen rituellen Handlungen verbunden sind.

4. Im Jahr 2013 begannen in Nordkaukasus gemeinsame russisch-deutsche interdisziplinäre Forschungen zu einem bronzezeitlichen Grabhügel. Die Untersuchungen verliefen unter der Berücksichtigung der Definition von Kurganen an allen drei Komponenten des Komplexes. Zu den vorläufigen Ergebnissen gehören die Entdeckung von zwei aus den verschiedenen Zeiten stammenden Ringgräben sowie Überreste einer aus den Lehmbatzen errichteten Mauer um den Komplex. Zwischen der Mauer und dem Rand des Hügels wurden die mit Lehmbatzen gepflasterten Flächen freigelegt. Darüber hinaus wurden in der Peripherie einige Bestattungen und Spuren von rituellen Handlungen entdeckt. Auf dem oberen Teil des Kurgans befanden sich architektonische Überreste eines stufenförmigen, aus Lehmbatzen errichteten Baus. Darin befand sich ein Raum mit Lehm Boden und Lehmwänden. Um die Zusammensetzung der für den Bau des Denkmals verwendeten Baustoffe festzustellen, wurden bodenkundliche Untersuchungen durchgeführt. Die Arbeiten am Kurgan werden 2015 abgeschlossen sein.

Культурогенез, трансферт знаний и хронология | Kulturgenese, Wissenstransfer und Chronologie

ГОРЫ И РАВНИНЫ: МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В V–III ТЫС. ДО Н.Э.

Виктор А. Трифонов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

Ландшафтное и климатическое разнообразие Западного Кавказа является естественным основанием для формирования границ между культурами, чью экономическую основу составляют традиционные хозяйственные уклады, в разной степени приспособленные к локальным физико-географическим условиям.

В условиях невысокой хозяйственно-экономической адаптивности традиционных культур к существенным изменениям природной среды их обитания, одним из показателей социально-экономического развития является изменение территории распространения культуры. Сокращение ареала чаще всего является проявлением кризисного, угнетенного состояния развития, тогда как террито-

BERGE UND DIE EBENEN: EIN MODELL DER KULTURELLEN ENTWICKLUNG IM WESTLICHEN KAUKASUS IM 5. UND 3. JT. V.CHR.

Viktor A. Trifonov

Institut für Geschichte der Materiellen Kultur, RAW, Sankt Petersburg, Russland

Die landschaftliche und klimatische Vielfalt Westkasiens ist eine natürliche Ursache für die Grenzziehung zwischen Kulturen, deren ökonomische Basis, deren ökonomische Grundlage an die traditionellen Wirtschaftsformen und diese an die lokalen physisch-geographischen Bedingungen geknüpft sind.

Da traditionelle Kulturen bei wesentlichen Veränderungen der natürlichen Umgebung nur eine geringe Flexibilität in ihren Subsystemen haben, ist ein entscheidendes Kriterium für Veränderungen im sozio-ökonomischen Bereich die Veränderung des Territoriums einer Kultur. Die Verringerung des Kulturareals ist ein Zeichen einer Krise oder Depression, während eine territoriale

риальная экспансия, нередко преобладающая границы природно-климатических и ландшафтных зон, – признак социально-экономического процветания.

Западный Кавказ представляет исключительную по разнообразию физико-географическую зону, являющуюся в эпоху энеолита – бронзы средой обитания различных по происхождению археологических культур.

Наиболее устойчивые границы между культурами в целом совпадают с вмещающими их ландшафтами, а смещение границ чаще всего приходится на периоды климатических изменений. Основными «кормящими» ландшафтами Западного Кавказа являются низкогорные зоны обоих склонов Главного Кавказского хребта с примыкающими к нему с севера хорошо увлажненной Закубанской наклонной равниной и засушливыми степями Кубано-Приазовской низменности. С юга горный ландшафт дополняют приморские долины и Колхидская низменность.

Исследования последнего десятилетия позволяют внести существенные уточнения в общую картину культурно-хронологического развития региона, и более определенно высказаться относительно его ключевых моментов.

Незначительное количество известных памятников между IX и VI тыс. до н.э. позволяет предположить, что в этот период на Западном Кавказе в силу неблагоприят-

Expansion, die nicht selten die geographischen und klimatischen Grenzen überschreitet und neue Landschaftszonen erschließt meistens ein Merkmal der sozialen und ökonomischen Blüte ist.

Der westliche Kaukasus zeigt allein aufgrund der Vielfältigkeit seiner Landschaftszonen ein Mosaik in ihrer Herkunft verschiedener archäologischer Kulturen im Äneolithikum und der Frühbronzezeit. Die stabilsten Grenzen zwischen den Kulturen stimmen mit den Landschaftszonen überein, in denen sie entstanden sind und Abweichungen von diesen natürlichen Grenzen fallen meistens auf Perioden von Klima- veränderungen. Eine besonders günstige Landschaftszone sind die beiden Flanken des Kaukasushauptkamms mit der sich anschließenden wasserreichen Kubansteppe und der trockenen Steppenebene der Kuban-Azov Niederung im Norden, sowie die zum Meer führenden Täler und die kolchische Niederung im Süden.

Die Untersuchungen des letzten Jahrzehntes lassen es zu, ein relativ präzises Gesamtbild der kulturellen-chronologischen Entwicklung des Westkaukasus zu zeichnen und einige Schlüsselmomente auszusprechen.

Die geringe Zahl der bekannten Denkmäler zwischen dem 9. und dem 6. Jt. v.Chr. lässt vermuten, dass in dieser Periode die Bevölkerungsdichte im westlichen Kaukasus

ного климата сохранялась низкая плотность населения.

Приблизительно на рубеже VI/V – начале V тыс. до н.э. демографическая ситуация радикально меняется с появлением на Западном Кавказе энеолитической дарквети-мешоковской культуры. Вероятно, этот процесс носил характер повторной колонизации в условиях теплого и влажного климата среднего голоцена и связанного с ним распространения широколиственных лесов вдоль восточного побережья Черного моря (с ЮВ на СВ), а также расселения в том же направлении населения, хозяйственной основой которого было разведение свиней на естественной кормовой базе. В V тыс. до н.э. эта культура продвинулась на предгорную равнину (Свободное), вышла за пределы Западного Кавказа (Нальчикский могильник, Замок) и даже проявила себя за его пределами (Новоданиловка).

Дарквети-мешоковская культура стала естественным местным субстратом на той территории Западного Кавказа, где в начале второй четверти IV тыс. до н.э. ее частично сменила майкопская культура, тесно связанная с культурными группами древневосточного (переднеазиатского) типа. В благоприятных климатических условиях, позволяющих заниматься, видимо, богарным (неполивным) земледелием и разведением крупного и мелкого рогатого скота, а также свиней, майкопская культура первоначально

infolge eines ungünstigen Klimas sehr niedrig war.

Dies ändert sich radikal mit dem Übergang des 6./5. bzw. dem Beginn des 5. Jt. v.Chr. mit dem Erscheinen der Darkveti-Mešoko-Kultur. Mit ihnen verändert sich die demographische Situation im Westkaukasus grundlegend. Dieser Prozess trug den Charakter einer Kolonisation unter den Bedingungen des warmen und feuchten Klimas des mittleren Holozäns und der damit verbundenen Ausbreitung der Laubwälder an der östlichen Küste des Schwarzen Meeres. Dies erlaubte der Bevölkerung eine besonders intensive Schweinezucht auf natürliche Futterbasis zu betreiben. Im 5. Jt. v. Chr. erschließen die Bevölkerungsgruppen dieser Kultur die Vorgebirgsebene (Siedlung Svobodnoje) und Areale im ganzen westlichen Kaukasus (Siedlung Zamok, Nekropole Naľ'čik). Sie sind sogar ausserhalb der kaukasischen Grenzen zu fassen (Novodanilovka).

Die Darkveti-Mešoko-Kultur wurde damit das natürliche lokale Substrat des westlichen Kaukasus, auf dem sich ab Anfang des zweiten Viertels des 4. Jt. v.Chr. die Majkop-Kultur, die eng mit vorderorientalischen Kulturen verbunden ist, entwickelte. Unter immer noch günstigen klimatischen Bedingungen entwickelte sich eine gemischte Landwirtschaft mit Ackerbau ohne Bewässerung und Viehzucht von Rind und Schaf/Ziege mit einem immer noch großen Anteil an

но осваивает относительно узкую подгорную зону Северного Кавказа с высотными отметками приблизительно между 200 и 500 м над уровнем моря. Позднее (на этапе Костромская-Иноземцево) она распространяется через предкавказскую степь до Нижнего Дона и Калмыкии, где во вторую половину атлантического периода для поддержания хозяйственного типа майкопской культуры существовали комфортные условия.

Общее похолодание и аридизация степи в конце IV – начале III тыс. до н.э. повлекли за собой сокращение ареала майкопской культуры до первоначального. Сокращение зоны комфортного существования майкопской культуры в степи одновременно означало расширение ареала, благоприятного для иного, чем майкопский, хозяйственного уклада ямной культуры на репинском этапе ее развития.

Климатические изменения могли стать причиной культурных изменений и в южной половине Западного Кавказа. К концу IV до н.э. здесь появляются памятники дольменной культуры с керамическим комплексом, близким к керамике очамчирской / ранней протоколхской культуре. Там, где ареал дольменной культуры перекрывает территорию майкопской культуры (Адыгея), формируется новосвободненский вариант последней, причем, дарквети-мешоковский компонент мог оказаться одним

Schweinen. Zu Beginn war der ökonomische Raum dieser Kultur relativ klar auf den Nordkaukasus und Areale zwischen 200 und 500 m über dem Meeresspiegel begrenzt. Später, während der Kostroma-Inosemzevo-Etappe, weitete sie sich bis in die Vorkaukasus Steppe zwischen dem unteren Don und Kalmykien aus, da in der zweiten Hälfte des Atlantikums dort günstige Bedingungen für den Wirtschaftstyp der Majkop-Kultur herrschten.

Ein allgemeiner Temperaturrückgang und die Aridierung der Steppen am Ende des 4. und zu Beginn des 3. Jt. v.Chr. reduzierten das Areal der Majkop-Kultur wieder auf ihr Ursprungsgebiet. Die Reduzierung der Wirtschaftszone der Majkop-Kultur in der Steppe erlaubte aber auf Grund einer anderen Wirtschaftsweise die Erweiterung des Areales der entstehenden Jamnaja-Kultur in ihrer Repin Etappe.

Klimaveränderungen könnten auch ein Grund für die kulturellen Veränderungen in der Südhälfte des Westkaukasus sein. Zum Ende des 4. Jt. v.Chr. erscheinen hier erstmals Denkmäler der Westkaukasischen Dolmen-Kultur mit einem Keramikspektrum, das der Keramik der Očamčira/Früh-Protokolchischen-Kultur nahe steht. Dort, wo sich das Areal der Dolmen-Kultur mit dem Territorium der Majkop-Kultur deckt (Aдыгея), entwickelt sich die Novosvobodnaja Variante, wobei sich Komponenten der Darkveti-Mešoko-Kultur als

из местных культурных вкладов. С этого времени и до конца II тыс. до. н.э. на Западном Кавказе развивается региональная традиция строительства дольменов, а сами горные области превращаются в доминирующий над прикубанской степью культурный центр.

Благодаря влиянию дольменной культуры, в прикубанской степи на разной субстратной основе последовательно возникают новотитаровская, раннекатакомбная и батуринская культурные группы. В первую очередь, на это указывает керамика. В чем состояло обратное влияние равнинных культур на горные, еще предстоит выяснить.

СТРАТИГРАФИЯ НАВЕСА МЕШОКО И ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУР ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

**Сергей М. Осташинский¹,
Евгений А. Черленок²**

¹ *Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

² *Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

Навес Мешоко расположен в окрестностях пос. Каменноостровский Майкопского района республики Адыгея на берегу ручья Мешоко правого притока реки Белой. Этот сравнительно неболь-

локаль kultureller Beiträge erweisen könnten. Seit dieser Zeit bis zum Ende des 2. Jt. v.Chr. entwickelt sich im westlichen Kaukasus die regionale Tradition der Dolmen und die Gebirgszone löste die Vorherrschaft der Prikuban Steppe als kulturelles Zentrum ab.

Dank des Einflusses der Dolmen-Kultur entstehen in der Prikuban Steppe auf verschiedenem Substrat die Grundlagen der Novotitarovskaja-, Frühkatakomben-grab- und Baturino-Kultur. Dies zeigt sich hauptsächlich in der Keramik, wobei der Rückfluss in Kulturen des Gebirges noch viele Fragen aufwirft.

DIE STRATIGRAFIE DES ABRI MEŠOKO UND DAS PROBLEM DER WECHSELBEZIEHUNGEN DER KULTUREN DES ÄNEOLITHIKUM UND DER BRONZEZEIT IN NORDWESTKAUKASIEN

**Sergei M. Ostašinskij¹,
Evgenij A. Čerlenok²**

¹ *Abteilung der Archäologie Osteuropas und Sibiriens, Staatliche Eremitage, Sankt Petersburg, Russland*

² *Historisches Institut, St. Petersburger Staatliche Universität, Sankt Petersburg, Russland*

Der Abri Mešoko liegt in der Nähe der Siedlung Kamennomostkij, Bezirk Majkop, Republik Adygeja, am Ufer des Baches Mešoko, eines rechten Zuflusses der Belaja. Dieses verhältnismäßig kleine Gebiet ist

шой район насыщен доисторическими памятниками. Для обсуждения проблемы соотношения культур энеолита и бронзового века наиболее важными из них являются навес Мешоко, поселение Мешоко и Хаджохские навесы, которые находятся на расстоянии всего 1,5–2,5 км друг от друга.

Поселение и навесы были изучены в конце 1950 – начале 1960-х гг. экспедициями под руководством А. Д. Столяра и А. А. Формозова. Исследователи отнесли их к майкопской культуре (поселение – к раннему и среднему этапу, навесы – к позднему этапу развития). Эта точка зрения была пересмотрена в 1990–2000-х гг. Согласно современным представлениям поселение Мешоко относится к энеолиту, а навесы – к более поздним памятникам, в которых присутствует как энеолитический, так и синхронный ему майкопский материал.

В 2011 г. силами Закубанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа при участии СПбГУ было возобновлено изучение навеса Мешоко. Основной задачей проекта стало выяснение ситуации с соотношением энеолитического и майкопского компонента на одном из «синкретичных» памятников рубежа энеолита и раннего бронзового века. В результате первых двух лет работы было выделено 4 литологических слоя. В связи с расширением площади раскопа в 2013 г. стратиграфию навеса

überreich an prähistorischem Fundorte. Der Abri Mešoko, die Siedlung Mešoko und der Abri Chadžokh, die nur 1,5–2,5 km voneinander entfernt liegen, sind für die Frage der Wechselbeziehung der Kulturen des Äneolithikum und der Bronzezeit von großer Bedeutung.

Die Siedlung und die Abris wurden Ende der 1950er – Anfang der 1960er Jahre von Expeditionen unter Leitung von A. D. Stoljar und A. A. Formozov untersucht. Die Forscher rechneten sie zunächst zur Majkop-Kultur (die Siedlung Mešoko zur frühen und mittleren, die Abris zur späten Etappe). Diese Ansicht wurde in den Jahren 1990–2000 revidiert. Entsprechend den heutigen Vorstellungen fällt die Siedlung Mešoko ins Äneolithikum, die Abris aber gehören in eine spätere Phase, in der sowohl äneolithisches als auch mit ihm synchrones Maikop-Material auftritt.

2011 wurde der Abri Mešoko von der Archäologischen Kuban-Expedition der Staatlichen Ermitage unter Teilnahme der St. Petersburger Staatlichen Universität erneut untersucht. Hauptaufgabe des Projekts war die Klärung der Wechselbeziehung der äneolithischen und der Majkop-Komponente in einem der «synkretistischen» Denkmäler der Wende vom Äneolithikum zur frühen Bronzezeit. In den ersten beiden Jahren wurden vier lithologische Schichten ausgegliedert. 2013 gelang es durch Erweiterung

удалось уточнить. В настоящее время она состоит из 6-ти слоев, из которых третий (открыт в 2013 г.) и пятый (2–3 в колонке 2011–2012 гг.) наиболее насыщены объектами и находками.

Единственным массовым атрибутирующим материалом третьего слоя являются несколько сотен фрагментов качественной керамики. Ее цвет, обжиг, лощение, а также морфологические особенности профильных частей напрямую соотносятся с керамикой майкопской культуры. Необходимо отметить, что качественные фрагменты составляют около 15 % от всех керамических находок, в то время как остальные относятся к «грубой» керамике. Сейчас сложно полно охарактеризовать этот комплекс, но одну его особенность следует подчеркнуть. Все изученные фрагменты демонстрируют полное отсутствие орнаментации, что не позволяет связать традицию представленную «грубыми» сосудами с энеолитом. К важным для культурно-хронологической атрибуции находкам также следует отнести верхнюю часть уплощенной очажной подставки с отверстием и небольшой медный нож с едва намеченным черенком. Нож находит аналогии среди бесчеренковых майкопских кинжалов, а подставка – на поселениях Пхагугапе, Серегинское и Усть-Джегутинское. Исходя из приведенных параллелей, можно предположить, что третий слой относится к раннемай-

копской культуры, что позволяет уточнить стратиграфию Аbris. Heute besteht sie aus sechs Schichten, von denen die 3. (2013 freigelegte) und die 5. (2–3 in der Stratigraphie von 2011–2012) am reichsten an Objekten und Funden sind.

Das einzige zuweisbare Material der 3. Schicht sind einige hundert Fragmente qualitätvoller Keramik. Farbe, Brand, Glättung und morphologische Besonderheiten der Profileile weisen direkte Bezüge zur Keramik der Majkop-Kultur auf. Zu bemerken ist, dass die qualitätvollen Fragmente rund 15 % aller Keramikfunde bilden, während die übrigen zur den «Grobkeramik» gehören. Diesen Komplex vollständig zu charakterisieren, ist noch schwierig, aber eine Besonderheit soll hervorgehoben werden: keines der untersuchten Fragmente ist ornamentiert. Das allein berechtigt es allerdings nicht sie mit der durch die «Grobkeramik» vertretene Tradition des Äneolithikums zu verbinden.

Zu den für die kulturell-chronologische Attribution wichtigen Funden sind auch das Oberteil eines flachen Herdständers mit Öffnung und ein kleines Kupfermesser zu rechnen. Das Messer hat Analogien in den heftlosen Majkop-Dolchen, der Ständer in den Siedlungen Psagugape, Sereginisk und Ust-Džeguta. Geht man von diesen Parallelen aus, lässt sich annehmen, dass die 3. Schicht zur frühen Majkop-Zeit gehört. Dem wider-

копскому времени, чему не противоречат первые результаты радиоуглеродного анализа: Le10475 – 4900 ± 110; 3956–3506 cal BC (92 %).

Под майкопскими отложениями залегал четвертый литологический слой, который содержал очень небольшое количество находок и поэтому определен как условно стерильный. Пятый слой, напротив, представлен значительным количеством разнообразных артефактов. Важнейшим культурным маркером этого слоя являются несколько сотен фрагментов керамики, украшенной жемчужным орнаментом, что связывает его с энеолитом Северо-Западного Кавказа. От классического энеолитического памятника (поселение Мешоко) материалы навеса отличаются наличием глиняных конусов без отверстия, пряслицами и фрагментами керамики с прочерченным орнаментом. Эти находки свидетельствуют о позднем этапе развития культуры, который, судя по результатам радиоуглеродного анализа, датируется в диапазоне 3800–3600 гг. до н.э.

Необходимо отметить, что в массовом материале пятого слоя отсутствуют черты, позволяющие напрямую связать его с майкопской традицией. Единственным указанием на такую связь может служить бесчеренковый медный нож, соотносимый с ранними майкопскими клинками. Однако похожий, но меньший по размеру предмет, был найден в верхнем слое поселения Мешоко. Эта ана-

сprechen auch die ersten Resultate der Radiokarbonanalyse: Le10475 – 4900 ± 110; 3956–3506 cal BC (92 %) nicht.

Unter den Majkop-Ablagerungen lag die 4. lithologische Schicht, die sehr wenig Funde enthielt und deshalb eigentlich als steril bezeichnet werden kann. Die 5. Schicht ist dagegen durch zahlreiche und verschiedenartige Artefakte gekennzeichnet. Das wichtigste kulturelle Merkmal dieser Schicht sind einige hundert Keramikfragmente mit Perlenornament, die sie mit dem Äneolithikum Nordwestkasiens verbindet. Von dem klassischen äneolithischen Fundort (Siedlung Mešoko) unterscheiden sich die Materialien des Abris durch das Auftreten von Tonkonussen ohne Öffnung, Spinnwirtel und Keramikfragmente mit eingeritztem Ornament. Diese Funde weisen auf eine späte Entwicklungsphase der Kultur hin, die nach den Ergebnissen der Radiokarbonanalyse auf 3800–3600 BC datiert.

Zu bemerken ist, dass im Material der 5. Schicht Züge fehlen, die es erlaubten, sie direkt mit der Majkop-Tradition zu verbinden. Als einziger Hinweis auf eine solche Verbindung kann das erwähnte heftlose Kupfermesser dienen, das mit frühen Majkop-Dolchen vergleichbar ist. Das zwar ähnliche, aber kleinere Messer wurde jedoch in der oberen Schicht der Siedlung Mešoko gefunden.

логия указывает, что нож из пятого слоя не обязательно является прямым свидетельством контактов между позднэнеолитическим и майкопским населением, поскольку мог иметь местные прототипы.

Новые раскопки навеса Мешоко позволили установить, что позднэнеолитические и майкопские материалы этого памятника не залегают в одном слое, а разделены стратиграфически. Это в свою очередь, видимо, свидетельствует о смене населения. Поскольку диапазоны дат третьего и пятого слоя перекрывают друг друга, сложно судить об абсолютной хронологии майкопских отложений. Можно лишь осторожно указать на вторую четверть IV тыс. до н. э. как наиболее вероятное время их формирования.

БЛИЖНЕВОСТОЧНО-КАВКАЗСКИЕ СВЯЗИ В IV ТЫС. ДО Н. Э. В КОНТЕКСТЕ ЛЕЙЛАТЕПИНСКОЙ И МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУР

Наджаф Мусеибли

Институт археологии и этнографии, НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Культурно-экономические связи Кавказа и Ближнего Востока стали более тесными позднем энеолите, в IV тыс. до н.э., когда началось интенсивное переселение ближневосточного населения на Кавказ. В результате этих миграций на Кавказе, фак-

Дiese Analogie zeigt, dass das Messer aus der 5. Schicht nicht notwendigerweise ein direktes Zeugnis für Kontakte zwischen der spätäneolithischen und der Majkop-Bevölkerung sein muss, da es auch lokale Prototypen gegeben haben könnte.

Die neuen Ausgrabungen im Abri zeigen, dass die Objekte des späten Äneolithkums und die der Majkop-Kultur in stratigrafisch getrennten Schichten liegen. Das weist auf einen Bevölkerungswechsel hin. Da sich die Datenrahmen der 3. und 5. Schicht überschneiden, ist die absolute Chronologie der Majkop-Ablagerungen schwer zu beurteilen. Man kann unter Vorbehalt das 2. Viertel des 4. Jts. v.Chr. als wahrscheinliche Zeit ihrer Entstehung annehmen.

NEAR EAST-CAUCASIAN RELATIONS IN THE 4TH MILL. BC IN THE CONTEXT OF LEYLATEPE AND MAIKOP CULTURES **Najaf Museibli**

Institute of Archaeology and Ethnography, NAS of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

History of cultural-economic relations of the Caucasus and Near East became especially closer in Late Chalcolithic period, in the 4th mill. BC, when a large number of intensive resettlement of Near Eastern population to the Caucasus began. As a result of these

тически ставшим периферией ближневосточной цивилизации, сформировались лейлатепинская и майкопская культуры с очень близкими традициями.

В конце XX – начале XXI вв. на Южном Кавказе, преимущественно, на территории Азербайджана, исследовались памятники, в материальной культуре которых можно проследить ближневосточные традиции. Раскопки позволили выделить культуру Лейлатепе Южного Кавказа и Ближнего Востока и майкопскую посуду такой же керамической традиции. Обе культуры имеют общие ближневосточные корни и близки в основных элементах материальной культуры и погребального обряда.

Погребальные памятники лейлатепинской культуры, демонстрируют сходство традиций, с одной стороны, с Ближним Востоком (погребения в кувшинах, погребения на поселениях), с другой, с Майкопом (курганы). В этой связи важное значение имеют курганы Союг Булага в Азербайджане.

Все погребальные камеры, за исключением некоторых могил, были ориентированы с юго-востока на северо-запад. Детские захоронения в глиняных сосудах в Союг Булаге также были ориентированы на северо-запад. Следует сказать, что северо-западная ориентация характерна не только для могильника Союг Булаг, но

migrations the Leyla-Tepe and Maikop cultures with very similar traditions were formed in the Caucasus, which in fact became the elemental periphery of Middle Eastern civilization.

At the end of XX – early XXI century in the South Caucasus, mainly in the territory of Azerbaijan were investigated monuments with Near Eastern traditions of the specified period. Excavations of these sites allowed singling out the Leyla-Tepe culture of the South Caucasus and Near Eastern and Maikop ceramics with analogical ceramic traditions. Both cultures have the same Near Eastern roots and are identical for the main branches of production and funerary rites.

Burial monuments of the Leyla-Tepe culture demonstrate similarity of traditions with the Near East (pitcher burials, ground burials in settlements) on the one hand, with the Maikop (kurgans) on the other. The Soyuqbulaq kurgans in Azerbaijan are of importance in this matter.

All burial chambers with some exceptions are oriented to southeast by northwest. Child burials of Soyuqbulaq necropolis in ceramic vessels also have an orientation to the northwest. It can be stated that north-western orientation is characteristic not only for Soyuqbulaq necropolis, but also for the funeral rite of the Leyla-Tepe culture. Burial chambers of Tepe

типична для погребального обряда лейлатепинской культуры. Погребальные камеры Тепе Гавра – одного из ближневосточных источников лейлатепинской культуры, также ориентированы с юго-востока на северо-запад. Исследователи связывают ориентировку захоронений майкопской культуры с северо-запада на юго-восток, с северо-востока на юго-запад с аналогичными направлениями погребений и храмов в Тепе Гавра Ха-VIIIb. Такая ориентировка в лейлатепинской культуре, вероятно, также связана с религиозно-ритуальными представлениями Ближнего Востока.

Погребальные камеры ряда майкопских курганов имеют такую же ориентировку с юго-востока на северо-запад. Кроме того, Усть-Джегутинские курганы расположены по линии юго-восток–северо-запад. Курганы Се Гирдана вблизи оз. Урмия имеют то же самое направление. Неудивительно, что курганы Союз Булага также протянулись с юго-востока на северо-запад. Все три курганные группы отличаются местными особенностями. Однако в то же время все они – части общей культурной и исторической системы.

В последние годы, многочисленные памятники лейлатепинской культуры на Южном Кавказе и, в частности, детальное изучение керамики и погребальных комплексов, показывают, что корни

Gawra – one of the Near Eastern sources of the Leyla-Tepe culture, are also oriented to southeast by northwest. Researchers connect the orientation of Maikop culture graves to northwest by southeast, northeast by southwest with identical directions of burials and temples in Tepe Gawra Ха-VIIIb. These burial orientations of the Leyla-Tepe culture are probably also associated with religious-ritual ideas of Near East.

Burial chambers of a number of Maikop culture kurgans had the same orientation to southeast by northwest. Moreover, Ust-Jegutinskiy kurgans are located on southeast – northwest line. Location of Se Girdan kurgans in the vicinity of Lake Urmia are in the same direction. Not surprisingly, that the Soyuqbulaq kurgans also located to southeast by northwest. Local features are characteristic for all three groups of kurgans. But, at the same time they all are parts of a unified cultural and historical system.

In recent years, the reveal of numerous monuments of Leyla-Tepe culture in the South Caucasus and, especially, a detailed study of pottery and burial sites show that roots of the Leyla-Tepe and Maikop culture arising on its basis are associated with late Chalcolithic of Eastern Anatolia and Northern Mesopotamia (Amuk F, Arslantepe VII, Tepe Gawra, Tel Khazna, etc.). Late Chalcolithic ceramic tradition

культуры Лейлатепе и возникающей на ее основе майкопской культуры связаны с поздним энеолитом Восточной Анатолии и Северной Месопотамии (Амук F, Арслантепе VII, Тепе Гавра, Тель Хазна и др.). Позднеэнеолитическая керамическая традиция, основанная на использовании гончарного круга, распространилась почти одновременно на Ближнем Востоке (фаза Арслантепе VII, Амук F) и на Кавказе (лейлатепинская и майкопская культуры), которые, вероятно, были ареалом единого культурного и исторического сообщества в позднем энеолите. Памятники этого периода на Ближнем Востоке (Амук F, Арслантепе VII, Тепе Гавра, Чатал Хююк, Телль Лейлан и др.) не подверглись влиянию урукской культуры. Распространение урукской культуры в Северной Месопотамии и Восточной Анатолии произошло на средней стадии развития – от середины IV тыс. до н.э., т. е. спустя несколько веков после появления памятников Лейлатепе на Южном Кавказе и раннемайкопских памятников на Северном Кавказе. Кроме того, типология керамики и погребальные памятники урукской культуры в корне отличаются от восточно-анатолийского–северомесопотамского, в том числе кавказского (Лейлатепе, ранний Майкоп) позднего энеолита. Лейлатепинская и майкопская посуда со специфическими чертами керами-

based on the use of the potter's wheel, spread almost simultaneously in the Near East (phase Arslantepe VII, Amuk F) and the Caucasus (Leyla-Tepe and Maikop cultures), and probably the region was the area of a single cultural and historical community of the late Chalcolithic period. Monuments of the period in the Near East (Amuk F, Arslantepe VII, Tepe Gawra, Khayaz Heyuk, Tell Leylan etc.) had not undergone the influence of Uruk culture. The Uruk culture spread in Northern Mesopotamia and Eastern Anatolia in the middle stage of development – from mid of IV mill. BC, i.e., a few centuries after the emergence of Leyla-Tepe monuments in South Caucasus and early Maikop monuments of North Caucasus. In addition, the typology of pottery and funerary monuments of Uruk culture radically differ from Eastern Anatolian – North Mesopotamian, including Caucasian (Leyla-Tepe, early Maikop) Late Chalcolithic. Leyla-Tepe and Maikop ceramics with specific marks of potter's of Eastern Anatolian origin are completely unknown in Uruk culture. Therefore, the appearance of Leyla-Tepe and early Maikop cultures in no way associated with Uruk culture, especially taking into account that there is no archaeological evidence to prove dissemination of Uruk culture in the South Caucasus.

ки восточно-анатолийского происхождения совершенно неизвестна в урукской культуре. Поэтому появление лейлатепинской и раннемайкопской культур никоим образом не связано с урукской культурой, особенно принимая во внимание, что отсутствуют археологические доказательства распространения урукской культуры на Южном Кавказе.

Тем не менее, следует отметить, что лейлатепинская культура Южного Кавказа несет, с одной стороны, основные ближневосточные позднеэнеолитические компоненты (строительная технология на основе сырцового кирпича на глиняном растворе, погребения на поселениях, в том числе в сосудах, и др.), а с другой, майкопской культуры Северного Кавказа (легкие наземные конструкции, металл, курганы, тип и виды поселений и др.). Все эти культурные явления объединены множеством факторов, главным образом, общей керамической традицией, и по своим основным параметрам эти культуры могут быть объединены в «ближневосточно-кавказскую культурно-историческую общность» или позднеэнеолитическое мега сообщество. В свою очередь, периферийные лейлатепинская и майкопская культуры этого мега сообщества, в географическом и хронологическом плане, вероятно, были локальным «Лейлатепе–Майкоп сообществом».

However, it should be noted that Leyla-Tepe culture of the South Caucasus contains the basic Near Eastern Late Chalcolithic components (architecture of mud brick and clay layers, burial in the settlements, including in vessels, etc.), on the one hand, the Maikop culture of the North Caucasus (light ground framed construction, metal, kurgans, types and sizes of settlements, etc.) on the other. All these cultural phenomena combine many factors; mainly the common ceramic tradition, and these cultures on the basic parameters can be combined in the «Near Eastern Caucasus cultural-historical community» or Late Chalcolithic mega community. Peripheral Leyla-Tepe and Maikop cultures of this mega community probably in the geographical and chronological plan are local «Leyla-Tepe–Maikop community».

ЛЕЙЛАТЕПИНСКАЯ КУЛЬТУРА И КАВКАЗ

**Рауф М. Мунчаев,
Шахмардан Н. Амиров**

*Институт археологии РАН, Москва,
Россия*

1. Основным путем проникновения месопотамской культуры эпохи позднего халколита в горы Тавра было русло Тигра. Помимо памятников, расположенных южнее оз. Ван, керамика северомесопотамского облика с соломой в тесте была обнаружена непосредственно к югу от Аракса, в группе поселений, расположенных на равнине Сюрмели. Она известна на памятниках, близких к Арартской долине, и на территории Нахичевана. В зоне Мильско-Карабахской и Муганской степи памятники IV тыс. до н.э. исключительно многочисленны. Они отмечены также вдоль течения Куры и вплоть до южных отрогов Большого Кавказа. В целом, в настоящее время в данной части Закавказья зафиксировано около 100 памятников эпохи позднего халколита.

2. За позднехалколитической культурой степной зоны Закавказья в Азербайджане закрепилось название лейлатепинской культуры. Эта культура была принесена в Закавказье мигрантами, исходно связанными своим происхождением с северомесопотамской степью. Переселенцы принесли с собой в степное Закавказье целый комплекс элементов материальной культуры

LEYLA-TEPE CULTURE AND THE CAUCASUS

**Rauf M. Munchaev,
Shachmardan N. Amirov**

*Archäologisches Institut, RAW, Moskau,
Russland*

1. The main route of penetration of late chalcolithic mesopotamian culture to Taurus Mountains was the way along the Tigris River. Besides sites located near the lake of Van, straw-tempered ceramics of North Mesopotamian type were found just southwards of Araxes river on the settlements located in the plain of Surmely. The same kind of pottery is known in the area adjacent to Ararat plain and in Naxichevan area. In Mil-Karabakh and Mughan steppe regions Late Chalcolithic (LC) settlements of IVth mill. BC are very numerous. LC settlements are also found along Kura river up to south piedmonts of Greater Caucasus Range. Up-to-date, approximately one hundred LC settlements are known in the eastern part of Transcaucasia.

2. Late Chalcolithic archaeological culture spread in the steppe zone of Eastern Transcaucasia is known under the name of Leyla-Tepe. Leyla-Tepe culture was brought to Transcaucasia by migrants originated from North Mesopotamian steppe. Material culture and religious practices of Leyla-Tepe culture have numerous parallels in the culture of Jazira of chalcolithic period.

и обрядовых практик, которые находят прямые соответствия в культуре Джебзир.

3. К признакам явного месопотамского происхождения лейлатепинской культуры относится массовая керамика с примесью соломы в тесте, изготовленная на гончарном круге; жилые прямоугольные конструкции, сложенные из формованного сырцового кирпича; традиция совершения интрамуральных детских погребений в глиняных сосудах-пифосах; использование печатей-штампов и т. н. глиняных гвоздей; антропоморфная и зооморфная мелкая пластика и др. Тем не менее, несмотря на то, что лейлатепинская культура была сформирована в своей основной части импортом культурных достижений Северной Месопотамии, очевиден ее синкретический характер. До 25 % керамических сосудов, обнаруженных на лейлатепинских поселениях степной зоны Закавказья, составляет посуда автохтонной культуры сиони-цопи.

4. Если говорить о хронологическом положении лейлатепинской культуры, то стоит отметить, что ее слои перекрывают отложения культуры шомутепе-шулавери и иногда слои культуры сиони-цопи. В то же время в ряде случаев отмечена одновременность бытования керамики месопотамского облика и керамики сиони-цопи. Наконец, ряд поселений лейлатепинской культуры, расположенных в степном ландшафте, перекрыты слоями

3. Among the features of Leyla-Tepe culture that have evident Mesopotamian origin first of all should be named: mass straw-tempered ceramics made on pottery wheel; rectangular domestic constructions made of formed mud-bricks; tradition to make child's burials in a big pithoi-like vessels under the floor of domestic constructions; usage of stamp-seals and so called clay nails; anthropomorphic and zoomorphic figurines and so. However, despite the fact that Leyla-Tepe culture was mainly formed by North Mesopotamian cultural imports, its syncretic nature is evident. Up to 25 % of ceramic vessels found in Leyla-Tepe settlements comprises pottery of indigenous Sioni-Tsopi culture.

4. As far as the chronological position of Leyla-Tepe culture is concerned, it is worth to note, that cultural deposits of Leyla-Tepe settlements frequently overlap remains of Shomutepe-Shulaveri neolithic culture, and sometimes deposits of Sioni-Tsopi culture. At the same time, in several cases, coexistence of Leyla-Tepe and Sioni-Tsopi culture was noted. In addition, several Leyla-Tepe settlements located in the steppe zone, are overlapped by cultural deposits belonged to mid-late period of Kuro-Araxes culture dated to III mill. BC. At some Leyla-Tepe sites (for example, Poilu 2) in the early levels of Leyla-

памятников среднего – позднего этапа куро-аракской культуры, датируемых III тыс. до н.э. Известны поселения (например, Пойлу 2), где в слое лейлатепинской культуры на раннем этапе вместе с керамикой месопотамского облика, отмечены фрагменты сосудов культуры сиони, а на позднем – куро-аракская керамика. Очевидно, что лейлатепинская культура была отчасти синхронной позднему этапу культуры сиони-цопи и отчасти – раннему этапу куро-аракской культуры.

5. В районах, непосредственно примыкающих к Большому Кавказскому хребту, в слоях куро-аракских поселений (например, Серкер-тепе, Дашлы-тепе), отмечено наличие лейлатепинской керамики. Севернее Самура также зафиксирован целый ряд относительно ранних куро-аракских поселений (Великент II, Торпах-Кала, Кабаз-кутан и др.), в слое которых также была обнаружена круговая керамика лейлатепинского облика.

Следует также отметить тот факт, что в нагорном Дагестане на поселении Гинчи вместе с лейлатепинской керамикой были зафиксированы жаровни, типичные для культуры сиони. Поскольку куро-аракская керамика здесь не известна, то эти материалы могут быть датированы несколько более ранним временем, ближе к первой половине – середине IV тыс. до н.э.

6. На основании вышеизложенного мы можем кратко обобщить

Tepe cultural deposits ceramics of Mesopotamian types were found together with Sioni pottery, and in the late levels of Leyla-Tepe settlements with Kuro-Araxes pottery. It is evident that Leyla-Tepe culture is partly synchronous to the late period of Sioni-Tsopi culture, and partially to the early period of Kuro-Araxes culture.

5. In the region immediately adjacent to Greater Caucasus Range, Leyla-Tepe pottery was found in the cultural deposits of early Kuro-Araxes settlements (for example in Serker-Tepe, Dashly-Tepe). Northwards of Samur river wheel-made pottery of Leyla-Tepe type was also found on several early Kuro-Araxes settlements (Velikent 2, Torpah-Kala, Kabaz-Kutan and others).

It should be noted that in mountainous Dagestan area on the settlement of Ginchi Leyla-Tepe pottery was found along with the ceramic-pans typical for Sioni culture. Because of the absence of Kuro-Araxes pottery in Ginchi, these finds could be dated to an earlier period, closer to the first half – middle of the IV mill. BC.

6. On the basis of the above data, we conclude, that the period of initial penetration of North Mesopotamian material culture to Transcaucasion steppe region is dated approximately to the beginning of second quarter of IVth mill. BC. Straw-tempered pottery of mesopotamian type

информацию, связанную с циклом жизни материальной культуры месопотамского облика эпохи позднего халколита в Закавказье.

На основании доступных нам в настоящее время данных можно утверждать, что период первичного проникновения материальной культуры месопотамского облика в степное Закавказье примерно датируется с начала второй четверти IV тыс. до н.э. Керамика месопотамского вида с рубленой соломой в тесте встречается в Закавказье вместе с керамикой типа сиони до середины IV тыс. до н.э. В течение второй половины IV тыс. до н.э. круговая керамика с соломой в тесте сосуществует с ранней куро-аракской посудой. Наиболее поздняя, производная от Лейлатепе керамика месопотамского облика, фиксируется в горно-степном ландшафте (выше 600 м) на поселении Бериклдеби (регион Шида-Картли Грузии). Эти материалы выглядят похожими на материальную культуру Северной Месопотамии рубежа IV–III тыс. до н.э. Возможно, что это свидетельства миграции носителей лейлатепинской культуры, которая была связана с очередным циклом аридизации климата Евразии в начале III тыс. до н.э.

coexisted in Transcaucasia simultaneously with Sioni pottery up to the middle of IVth mill. BC. During the second half of IVth mill. BC Leyla-Tepe wheel-made straw-tempered pottery coexists with early Kuro-Araxes pottery. The latest Leyla-Tepe variety pottery is found in mountainous-steppe landscape (600 m above sea level) in Berikldeebi settlement (Shida-Kartli region of Georgia). Berikldeebi materials look similar to Northern Mesopotamian culture of the late IV – early III mill. B.C. Probably Shida-Kartli data reflect migration of Leyla-Tepe tribes to mountainous region caused by the successive cycle of aridizations in Eurasia in the beginning of III mill. BC.

ИСТОКИ И ХРОНОЛОГИЯ РАННЕКАТАКОМБНОГО ОБРЯДА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Вероника Я. Стёганцева

*Институт истории материальной
культуры РАН, Санкт-Петербург,
Россия*

История изучения катакомбной культуры насчитывает почти 100 лет. Одной из важных проблем была и остается проблема ее происхождения. Первооткрыватель этой культуры В. А. Городцов первый обратил внимание на необычную форму погребального сооружения, давшего название культуре. Он считал катакомбную культуру пришедшей и указывал на сходство донецких катакомб с египетскими мастаба. В 1930–1950-х гг. сторонники автохтонной гипотезы считали, что катакомбная культура происходит из ямной культуры путем постепенной трансформации ямы в подбойное сооружение и затем – в катакомбу (Кривцова-Гракова 1938). Выяснилось, что катакомбные памятники встречаются на обширной территории, имеют определенные черты сходства и различия. Были выделены варианты (Попова 1955), а потом доказано, что это самостоятельные культуры катакомбной культурно-исторической общности (Клейн 1970). Во второй половине 1960-х гг. сторонники миграционной гипотезы указывали в качестве прародины Кавказ, Малую Азию

QUELLEN UND CHRONOLOGIE DER FRÜHEN KATAKOMBENBESTATTUNG IN NORDKAUKASIEN

Veronika Ja. Stëganceva

*Institut für Geschichte der Materiellen
Kultur, RAW, Sankt Petersburg, Russland*

Eines der wichtigsten Probleme der fast 100 Jahre alten Forschungsgeschichte zur Katakomben-Kultur war und ist die Frage der Herkunft dieser Kultur. Ihr Entdecker V. A. Gorodcov hatte als Erster die Aufmerksamkeit auf die ungewöhnliche Form der Grabanlage gelenkt, die der Kultur ihren Namen gab. Er hielt die Katakomben-Kultur für importiert und verwies auf die Ähnlichkeit der Donezker Katakomben mit ägyptischen Mastaba-Gräbern. 1930–1950 waren die Vertreter der autochthonen Hypothese dagegen der Ansicht, dass die Katakomben-Kultur aus der Grubenkultur durch allmähliche Transformation der Gruben- in eine Seitenkammeranlage und schließlich in eine Katakombe hervorgegangen ist (Кривцова-Гракова 1938). Es hatte sich herausgestellt, dass die Katakombendenkmäler über ein großes Territorium verbreitet waren und bestimmte Ähnlichkeitsmerkmale wie auch Unterschiede aufwiesen. Es wurden Varianten festgestellt (Попова 1955) und dann bewiesen, dass es sich um selbständige Kulturen einer kulturhistorischen Katakombengemeinschaft handelt (Клейн 1970). In den 1960er Jahren wiesen die Vertreter der Migra-

и Западную Европу (Артамонов 1949; Фисенко 1968; Клейн 1962).

В 1970-х гг. в степной части Восточной Европы начались большие мелиорационные работы, и археологические работы на ново-стройках обусловили лавинообразное накопление археологических материалов. Был выделен пласт раннекатакомбных преддо-нецких погребений (Евдокимов 1979) и установлено, что эти памятники располагаются вдоль Восточного и Северо-Восточного Приазовья (Братченко 1989). Тогда же было отмечено сходство в устройстве погребальных сооружений дольменной культуры Западного Кавказа и катакомбной культуры (Кияшко В. 1979).

Характерной особенностью раннекатакомбных погребений является наличие сложного погребального сооружения. В нем реализовывалась идея склепа, с проработанными деталями – это катакомба с прямоугольной в плане входной ямой со ступеньками-уступами вдоль боковых стен и лоткообразным спуском к входу в камеру, также прямоугольной или скругленной формы. В камере находился погребенный, похороненный по обряду предшествующей культуры, в данном случае – ямной. Было обращено внимание на то, что архитектура раннекатакомбных погребений развивалась по линии приспособления к условиям степных грунтов, т. е. от наиболее трудоемких и с прорабо-

tionshypothese auf Kaukasien, Kleinasien und Westeuropa als Urheimat hin (Артамонов 1949; Фисенко 1968; Клейн 1962).

In den 1970er Jahren begannen in den Steppengebieten Osteuropas umfangreiche Meliorationsarbeiten. Die von ihnen veranlassten archäologischen Untersuchungen erbrachten eine lawinenartige Anhäufung archäologischer Materialien. Bei ihrer Bearbeitung wurde eine Schicht früherer Vor-Donetzker Katakombenbestattungen herausgegliedert (Евдокимов 1979) und festgestellt, dass diese Denkmäler im östlichen und nordöstlichen Asow-Gebiet liegen (Братченко 1989). Damals schon wurde die Ähnlichkeit in der Ausführung der Grabanlagen der Dolmen-Kultur Westkasiens und der Katakomben-Kultur bemerkt (Кияшко В. 1979).

Charakteristische Besonderheit der frühen Katakombengräber ist ihre komplizierte Anlage. In ihr wurde die Idee einer Gruft mit ausgearbeiteten Details realisiert – eine Katakombe mit rechteckiger, treppenartig gestufter Eingangsgrube und Dromos zum Eingang in die ebenfalls rechteckige oder abgerundete Kammer. In dieser Grabkammer befand sich der nach dem Brauch der vorhergehenden, in diesem Fall der Grubengrab-Kultur beigesetzte Bestattete. Festgestellt wurde, dass sich die Architektur der frühen Katakombengräber in Anpassung an die Bedingungen der Steppenböden entwickelt hat, d. h. von sehr arbeitsaufwendigen, mit präzise

танними деталями (прямыми углами, ступеньками, плоскими потолками) к скругленным углам и сводчатым потолкам (Стеганцева 2010; 2011). Если принять эту гипотезу, то можно отметить, что наиболее ранние памятники располагаются полосой вдоль Восточного Приазовья до Правобережья Нижнего Дона и Северского Донца, а более поздние (со скругленными углами камер и входных ям) распространены к востоку по правому и левому берегу Дона до среднего течения Маныча и Сала.

Погребальный обряд довольно долго относили к поздней культуре, впоследствии выяснилось, что он ближе к новотиторовскому (Гей 2000). Это слабоскорченный на правом боку скелет, с немногочисленным инвентарем, где керамика представлена в основном местными образцами, а металл имеет северокавказский облик (Братченко 2001; Стеганцева 2012).

Выявленные особенности изменили прежние представления о смене культур. Стало невозможно отрицать наличие значительного местного компонента в новых формах погребальных сооружений (Кияшко А. 1999). Теперь процесс называют стимулированной трансформацией (Арутюнов 1985; Кияшко А. 1999). Это объясняет, почему в катакомбах сохраняется прежний обряд при местном степном субстрате. Районы нижнедонского и кубанского Приазовья считаются очагом формирования раннеката-

ausgearbeiteten Details (rechten Winkeln, Stufen, flachen Decken) aus gestattet Anlagen zu solchen mit abgerundeten Ecken und gewölbten Decken (Стеганцева 2010; 2011). Folgt man dieser Hypothese, so liegen die frühesten Denkmäler im östlichen Asow-Gebiet bis zum rechten Ufer des Unteren Dons und des Nördlichen Donez und die späteren östlich davon am rechten und linken Ufer des Don und des Mittellaufs des Manyč und Sal.

Die Bestattungsordnung wurde ziemlich lange der späten Grubengrabkultur zugerechnet, bis später geklärt wurde, dass sie der Novotitarovsk-Kultur nahe steht (Гей 2000): leicht gekrümmtes Skelett in rechter Seitenlage, geringes Inventar, in dem die Keramik hauptsächlich durch lokale Muster vertreten ist, und Metall-erzeugnisse nordkaukasischer Herkunft (Братченко 2001; Стеганцева 2012). Diese Besonderheiten veränderten die früheren Vorstellungen vom Wechsel der Kulturen. Unleugbar wurde das Auftreten einer bedeutenden lokalen Komponente in den neuen Formen der Grabanlagen (Кияшко А. 1999). Heute nennt man den Prozess «stimulierte Transformation» (Арутюнов 1985; Кияшко А. 1999). Sie erklärt, warum sich in den Katakomben die frühere Ordnung unter lokalem Steppensubstrat erhalten hat. Die Gebiete am Unteren Don und im kubanischen Asow-Gebiet gelten als Herd der Formierung der frühen Katakombenbestattungsordnung (Братченко 1989; 2001; Кияшко А. 1999).

комбного обряда (Братченко 1989; 2001; Кияшко А. 1999).

Раннекатакомбные памятники Северного Кавказа могут быть разделены на две большие группы: западную и восточную. Граница между этими группами аналогична границе между позднейшими и северокавказскими памятниками, примерно по диагонали от Левобережья Кубани к северо-востоку, до верховий Маныча и Сала, до Калмыкии.

К восточной группе раннекатакомбных памятников относятся катакомбы с вытянутыми на спине скелетами, погребенными по обряду северокавказской культуры, с характерным инвентарем. Погребальные сооружения выглядят более поздними по отношению к приазовским и нижнедонским. В них сглажены все углы, боковые ступеньки-уступы встречаются редко, хотя как склеп камеры используются даже чаще, чем западные, например, Великентские катакомбы (Гаджиев, Магомедов 1990).

Для восточной группы имеется серия калиброванных дат: для раннекатакомбной культуры Северного Прикаспия – 2600–2350 гг. до н.э. (Шишлина 2007); для Большого Ипатовского кургана на Ставрополье (получены по углям, костям и горелой погребенной траве) даты укладываются в интервал 2900–2500 гг. до н.э. Для западной группы раннекатакомбных памятников нет калиброванных дат, а некалиброванные недостоверны. Все имеющиеся даты

Die frühen Katakombendenkmäler Nordkasiens können in zwei große Gruppen eingeteilt werden: die westliche und die östliche. Die Grenze zwischen diesen Gruppen verläuft analog der Grenze zwischen den späten Gruben- und den nordkaukasischen Denkmälern, ungefähr diagonal vom linken Ufer des Kuban nach Nordosten bis zum Oberlauf des Manyč und des Sal bis Kalmykien.

Zur östlichen Gruppe der frühen Katakombendenkmäler gehören die Katakomben mit Skeletten in gestreckter Rückenlage, die nach der Ordnung der nordkaukasischen Kultur mit charakteristischem Inventar bestattet wurden. Die Grabanlagen erscheinen als später als die im Asow-Gebiet und am unteren Don. In ihnen sind alle Ecken abgerundet und seitliche Stufenvorsprünge treten selten auf, obwohl die Begräbniskammern sogar häufiger benutzt wurden als die westlichen, z. B. die Katakomben von Velikent (Гаджиев, Магомедов 1990).

Für die östliche Gruppe gibt es eine Serie kalibrierter Daten: für die frühe Katakomben-Kultur des nördlichen Kaspigebiets 2600–2350 v.Chr. (Шишлина 2007); für den Großen Ipatovo-Kurgan bei Stawropol' (nach Daten aus Kohleresten, Knochen und verbranntem Gras) die Zeitspanne von 2900 bis 2500 v.Chr. Für die westliche Gruppe liegen keine kalibrierten Daten vor und die nichtkalibrierten sind unzuverlässig. Alle Daten wurden auf der Basis von Analogien der Inventare in den Denkmälern anderer

выведены на основании аналогий инвентарю на памятниках других территорий. Для Северского Донца приводится датировка 2400–2300 гг. до н.э. (Смирнов 1996), 2700–2500 гг. до н.э. (Братченко 2001), для Кубани – 2900–2700 гг. до н.э. (Трифонов 1997). Таким образом, даты, полученные методами археологического анализа и естественнонаучными методами, практически совпали.

Важно отметить, что процесс стимулированной трансформации прошел на такой обширной территории, в ареалах двух различных культур, практически одинаково – это изменение формы погребального сооружения, сохранение погребального обряда и межплеменных торговых связей.

ЭФФЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЫСОКОГОРИЙ И НИЗМЕННОСТЕЙ ЮЖНОГО КАВКАЗА В РАННЕМ КУРГАННОМ ПЕРИОДЕ

Элеонора Карминати

Школа исторических и философских исследований, Университет Мельбурна, Мельбурн, Австралия

Результаты последних исследований, проведенных в южной и восточной Грузии, выявили интересные особенности эффективного использования горных местностей и низменностей в Раннем курганном периоде (середина III тыс. до н.э.). Отгонное скотоводство и полукоче-

Territorien gewonnen. Für das nördliche Donez-Gebiet wird eine Datierung 2400–2300 v.Chr. (Смирнов 1996) und 2700–2500 v.Chr. (Братченко 2001), für das Kuban-Gebiet 2900–2700 v.Chr. (Трифонов 1997) vorgeschlagen. Damit stimmen die mit Methoden der archäologischen Analyse und naturwissenschaftlichen Methoden gewonnenen Daten praktisch überein.

Wichtig ist die Feststellung, dass der Prozess der stimulierten Transformation auf einem ausgedehnten Territorium – in den Arealen zweier verschiedener Kulturen – praktisch einheitlich verlief: Veränderung der Form der Grabanlage bei Beibehaltung des Bestattungsbrauches und der Handelsbeziehungen zwischen den Stämmen.

SOUTH CAUCASIAN HIGHLANDS AND LOWLANDS MANAGEMENT DURING THE EARLY KURGAN PERIOD

Eleonora Carminati

School of Historical & Philosophical Studies, University of Melbourne, Melbourne, Australia

The results of recent investigations conducted in southern and eastern Georgia have revealed interesting aspects concerning the management of highlands and lowlands during the Early Kurgan period (mid. 3rd mill. BC). The adoption of a transhumant, semi-nomadic lifestyle by local populations after the end of the Kura-Ara-

вой образ жизни местного населения, установившиеся по окончании куро-аракской культуры, вовлекли общины пастухов (и торговцев) в сезонное передвижение из низменностей в горы (и обратно), которое носило вертикальный характер. В исследовании рассматриваются различные аспекты, касающиеся использования земель. Рассматриваются два конкретных примера: высокогорное плато Бедени в Квемо-Картли, и низменные долины рек Алазани и Иори в Кахетии.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕГО ПЕРИОДА СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В КОНТЕКСТЕ ОКРУЖАЮЩИХ ТЕРРИТОРИЙ

Алексей А. Ковалёв

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Результаты применения авторской методики исследования стратиграфии курганов бронзового века на Кавминводах позволяют уточнить предлагавшиеся ранее культурно-хронологические схемы. Остановимся на некоторых выводах применительно к комплексам конца IV – первой половины III тыс. до н.э.

1. Анализ распространения и сочетаемости различных форм

xes culture involved the seasonal movement of communities' herders (and traders) from the lowlands to the highlands (and back), following a vertical pattern. Different features will be examined in this study, concerning land exploitation and management. Two case studies will be taken into account: on the one hand the highlands will be represented by the Bedeni plateau area, in Kvemo Kartli, and on the other the lowlands will include the Alazani and Iori River valleys, in Kakheti.

RELATIVE CHRONOLOGIE DER GRABKOMPLEXE DER FRÜHEN PERIODE DER MITTLEREN BRONZEZEIT IM ZENTRALEN KAUKASUSVORLAND IM KONTEXT MIT DEN UMLIEGENDEN TERRITORIEN

Aleksej A. Kovalev

Archäologisches Institut, RAW, Moskau, Russland

Die Ergebnisse, die bei der Anwendung der vom Autor benutzten Methodik zur Erforschung der Stratigraphie von bronzezeitlichen Kurgane Bereich der Kaukasischen Mineralbäder erzielt wurden, bieten die Möglichkeit, ältere kultur-chronologischen Schemata zu präzisieren. Wir wollen auf einige Schlussfolgerungen bezüglich der Komplexe vom Ende des 4. – erste Hälfte des 3. Jt. v. Chr. näher eingehen.

погребальных сооружений, наборов погребального инвентаря и вариантов позы погребенного приводит к заключению о необходимости отойти от практики тотальной сериации комплексов на основе предварительного выделения «ведущих» черт (при вычленении обрядовых групп) или кластеризации априорно признаваемых равнозначными признаков артефактов. Такой подход сильно искажает реальную картину взаимосвязей и развития древних (предшествующих) традиций в ритуале и производстве артефактов.

2. В двух из исследованных нами курганов первоначальная насыпь снаружи была укреплена многослойным «ступенчатым» кромлехом из вертикальных плит (плиты каждого последующего слоя кромлеха устанавливались на все более высокую земляную досыпку). В одном из этих курганов (на ул. Черняховского) основной могилой был каменный ящик из вертикально установленных плит на горизонте; в другом (Нежинская III-1) – яма удлинённых пропорций (около 3:1); аналогичная могильная яма с вытянутым на спине погребением была устроена у его кромлеха. Такая же основная могила с вытянутым на спине скелетом была исследована А. П. Руничем в 1965 г. в урочище Клинь-Яр («Вдовий курган»). Конструкция «ступенчатого» кромлеха из вертикальных плит находит ближайшую аналогию в приемах сооружения

1. Die Analyse der Verbreitung und Kombination verschiedener Formen von Grabanlagen, des Inventars und der Varianten der Körperlage des Bestatteten führt zu dem Schluss, dass es notwendig ist, von der Praxis der Gliederung von Komplexen auf der Grundlage einer vorläufigen Herausbildung «führender» Züge (etwa bei Einteilung in Bestattungsordnungsgruppen) oder der Clusterbildung von a priori als identisch aufgefassten Merkmale der Artefakte abzugehen. Ein solches Vorgehen führt zu einer starken Verzerrung des realen Bildes der Wechselbeziehungen und der Entwicklung der alten (vorausgehenden) Traditionen in Ritual und Produktion der Artefakte.

2. In zweien der von uns untersuchten Kurgane war die ursprüngliche Aufschüttung außen durch einen vielschichtigen «stufenförmigen» Steinkreis aus vertikal gestellten Platten begrenzt. Dabei waren die Platten jeder Schicht des Steinkreises auf einer immer höheren Erdschüttung verlegt. In einem dieser Kurgane (in der Černjachovskij-Straße) bildete eine Steinkiste aus vertikal gestellten Platten die Grabstelle, in dem anderen (Nežinskaja III-1) hatte die Grube längliche Proportionen (ca. 3:1). Eine analoge Grabgrube mit einem Skelett in gestreckter Rückenlage war am Steinkreis angelegt. Ein ebensolches Grab mit identisch abgelegtem Skelett hatte A. P. Runič 1965 in Klin-Jar («Vdovij Kurgan») untersucht. Die Konstruktion des «gestuften»

кромлехов курганов 6, 7 и 8 могильника у с. Грушенское на Ставрополе, где основными могилами были ящики из вертикальных плит на горизонте (кург. 6, 8), сопровождавшиеся, по мнению автора раскопок, майкопской керамикой (Мишина 1989). Некоторую аналогию нашим кромлехам можно увидеть в памятниках Нижнего Подонья:

Каратаево-Сады, кург. 1; Хапры (1979), кург. 2, погр. 3, где основными погребениями были энеолитические могилы «постмариупольского типа» с вытянутыми на спине скелетами (Файферт 2014). Эти факты подтверждают идеи о миграции носителей «квитянской культуры» в Предкавказье, однако не дают основания утверждать, что именно эта миграция привела к распространению здесь в последующем вытянутого обряда трупоположения; имеются свидетельства и более позднего импульса с Поднепровья.

3. Последствиями этой второй миграции следует считать появление в Центральном Предкавказье погребений с курильницами на отдельных ножках (чаще шаровидных) и орнаментированной внутренней поверхностью, а также внедрение в культуру местного населения традиции изготовления каменных шлифованных топоров с выделенным обухом, сверлиной в лезвийной части, плоской спинкой и нервюрой, идущей по спинке от сверлины к лезвию. Находки прототипов вышеуказанных курильниц концентрируются в Поднепро-

Steinkreises mit vertikal verlegten Platten findet eine nahe Analogie in den Komplexen der Kurgane 6, 7 und 8 beim Dorf Grušenskoe bei Stavropol', wo Kisten aus vertikal gestellten Platten (Kurgan 6, 8) die Grabstellen bildeten. Sie werden nach Meinung der Ausgräberin, von Majkop-Keramik begleitet (Мишина 1989). Eine gewisse Analogie zu unseren Steinkreisen kann man auch in Denkmälern des unteren Don-gebiets sehen: Karataevo-Sady, Kurgan 1; Chapry (1979), Kurgan 2, Grab 3, wo die Hauptbestattungen äneolithische Gräber des «Postmariupol'skij-Typs» mit Skeletten in gestreckter Rückenlage waren (Файферт 2014). Diese Fakten bestätigen die Ideen von der Migration der Träger der «Kvitjansk-Kultur» ins Kaukasusvorland, geben aber keinen Grund zu behaupten, dass gerade diese Migration hier zur späteren Verbreitung der gestreckten Rückenlage geführt hat. Es gibt auch Zeugnisse für einen späteren Impuls aus dem Dneprgebiet.

3. Als Folgen dieser zweiten Migration ist das Auftreten von Gräber mit Räuchergefäßen auf separatem Fuß (meist kugelförmig) und mit ornamentierter Innenfläche im zentralen Vorkaukasusgebiet zu werten und ebenso, dass in die lokale Bevölkerung die Tradition der Herstellung geschliffener Steinbeile mit Bohrung im Schneideteil und einer Rippe auf dem Rücken von der Bohrung bis zur Schneide übernimmt. Die Funde von Prototypen

вье (Кайзер 2005; Коробкова, Шапошникова 2005); прототипы указанных топоров связаны с памятниками софиевского типа этого региона (Дергачев, Манзура 1991). В нашем кургане Нежинская III-1 в энеолитическую (см. погр. 2) насыпь были впущены две ямы с заплечиками и погребениями в вытянутом на спине положении, сопровождавшиеся такими курильницами (погр. 10 и 13), далее погребение в каменном ящике, сопровождавшееся набором из бронзовой молоточковидной булавки и слабовыпуклых пунсонных блях (погр. 12), а затем – еще одно центральное погребение с такой же курильницей, в срубе, скорченно на левом боку (погр. 14) (Ковалев 1997). В насыпь, сооруженную над этим центральным погребением, далее была впущена могила (погр. 8) с посоховидной булавкой и выпуклыми пунсонными бляхами. Эта стратиграфическая ситуация говорит о многокомпонентном составе населения Кавминвод на самом раннем этапе средней бронзы. Еще одно (разрушенное) центральное погребение с курильницей на шаровидных ножках было, видимо, основным для кургана 4 II Нежинской группы, позже которого, в частности, в насыпь была впущена могила 4/15 с бронзовой молоточковидной булавкой (Кореневский 1988; 1990).

4. Что касается топоров со сверлиной в лезвийной части и продольной нервюрой, то они на тер-

солcher Räuchergefäße konzentrieren sich im Dneprgebiet (Кайзер 2005; Коробкова, Шапошникова 2005); die Prototypen besagter Beile stehen im Zusammenhang mit Denkmälern des Sofievskij-Typs dieser Region (Дергачев, Манзура 1991). In unserem Kurgan Nežinskaja III-1 befanden sich in der äneolithischen Aufschüttung (s. Grab 2) zwei Gruben mit Schultern und Bestattungen in gestreckter Rückenlage, bei denen solche Räuchergefäße gefunden wurden (Grab. 10 und 13), ferner ein Grab im Steinkreis mit Beigaben aus hammerförmigen Bronzenadeln und flachgewölbten gepunzten Blechen (Grab 12) sowie ein weiteres zentrales Grab mit einem ebensolchen Räuchergefäß (Grab 14) (Ковалев 1997). In die Aufschüttung über diesem zentralen Grab war ein weiteres Grab eingelassen (Grab 8), in dem sich eine stabförmige Nadel und gewölbte gepunzte Bleche fanden. Diese stratigraphische Situation spricht für eine vielschichtige Zusammensetzung der Bevölkerung von in der Region der Kaukasischen Mineralbäder in der frühen Etappe der mittleren Bronzezeit. Ein (zerstörtes) zentrales Grab mit Räuchergefäß auf kugelförmigen Füßen war für den Kurgan 4 II der Nežinsker Gruppe offenbar das Hauptgrab, in dessen Aufschüttung später das Grab 4/15 mit einer hammerförmigen Bronzenadel eingelassen worden war (Кореневский 1988; 1990).

4. Was die Beile mit Bohrung im Schneideteil und länglicher Rippe

ритории Пятигорья и Кабардино-Балкарии встречены в комплексах с кувшиновидными сосудами, украшенными шнуровым орнаментом в виде горизонтальных полос. Те же сосуды сопровождают комплексы с молоточковидными булавками и слабовыпуклыми пунсонными бляхами. Сосуды этого типа составляют большую часть керамического инвентаря этого ограниченного региона и специфичны для него. Они в модифицированных вариантах продолжают изготавливаться на Кавминводах и впоследствии, когда в обрядовую практику входят посоховидные булавки и кованые сильновыпуклые бляхи. Имеющиеся данные позволяют объединить в единую общность погребения с вышеуказанными разновидностями погребального инвентаря, отнеся их к наиболее раннему этапу средней бронзы Центрального Предкавказья. Отсутствие в Центральном Предкавказье «ямных» (и новотиторовских) погребений и использование на соседних территориях слабовыпуклых кованых блях и костяных трубочек со спиральным орнаментом (имитации свернутых из бронзовой проволоки трубочек) в стандартных наборах с костяными молоточковидными булавками позволяет, на мой взгляд, синхронизировать периоды использования костяных и бронзовых булавок такой формы.

5. Стратиграфия курганов показывает, что на следующем этапе в

бetrifft, so begegnen sie im Gebiet von Pjatigorsk und Kabardino-Balkarien in Komplexen mit krugartigen Gefäßen, die mit Schnurornamenten in Art horizontaler Streifen verziert sind. Solche Gefäße finden sich auch in Komplexen mit hammerförmigen Nadeln und leicht gewölbten gepunzten Blechen. Sie bilden einen großen Teil des keramischen Inventars dieser engbegrenzten Region und sind spezifisch für sie. In modifizierten Varianten wurden sie auch später im Bereich der Kaukasischen Mineralbäder gefertigt, als stabförmige Nadeln und stark gewölbte geschmiedete Bleche fanden Eingang in die Bestattungspraxis. Die vorliegenden Angaben bieten die Möglichkeit, die Gräber mit den genannten Varianten des Grabinventars zu einer einheitlichen Gemeinschaft zusammenzufassen und sie der frühesten Etappe der mittleren Bronzezeit des zentralen Kaukasusvorlandes zuzurechnen. Dass in diesem Gebiet «Gruben»-Gräber fehlen und in den Nachbarterritorien leicht gewölbte geschmiedete Bleche und Knochenröhrchen mit Spiralornament (Imitationen aus Bronzedraht gerollter Röhrchen) in den Standardausstattungen mit hammerförmigen Knochennadeln auftreten, erlaubt es nach unserer Meinung, die Perioden der Verwendung von Knochen- und Bronzenadeln dieser Form zu synchronisieren.

5. Die Stratigraphie der Kurgane zeigt, dass in der folgenden Etappe

наборах со свернутыми из бронзового листа или проволоки трубочками появляются посоховидные булавки и сильновыпуклые кованые бляхи (наши Нежинская III-1/8, ул. Черняховского 1/1, см. Корневский 1985; 1990 и т.п.). Видимо, *terminus post quem* для окончания этого периода – это новая инфильтрация степного населения из Волго-Донского региона. В центр насыпи кургана Нежинская III-1 (следом за погр. 8 с посоховидной булавкой и выпуклыми коваными бляхами) были впущены последовательно две могилы (погр. 5 и 6) с сосудами с елочной орнаментацией, обнаруживающими сходство с полтавкинскими экземплярами (Кияшко 2002; Сухорукова 2008). Такой же сосуд с неорнаментированным горлом обнаружен во впускной центральной могиле Нежинская II-4/5 (Корневский 1988; 1990), другой сосуд из этой могилы с орнаментом, образованным пальцевыми защипами, представляет ближайшую аналогию «кубку» из раннекатакомбного комплекса Кобяковский 15/9 (Кияшко 1999). В нашем кургане на ул. Черняховского после двух ярких комплексов с посоховидными булавками (погр. 1 и 2) было устроено новое центральное погребение в яме с заплечиками (погр. 4). Оно сопровождалось кубковидным сосудом с полосками елочной орнаментации по плечикам и по нижнему обрезу тулова. Видимо, на этом же

in den Ausstattungen Bronzeblättchen oder Drahröllchen, stabförmige Nadeln und stark gewölbte geschmiedete Bleche auftreten (Nežinskaja III-1/8, Černjachovskaja 1/1, s. Корневский 1985; 1990 usw.). Der *terminus post quem* für das Ende dieser Periode ist offenbar eine erneute Infiltration von Steppenvölkern aus der Wolga-Don-Region. Im Zentrum der Aufschüttung des Kurgans Nežinskaja III-1 (nach Grab 8 mit stabförmiger Nadel und gewölbten geschmiedeten Blechen) wurden später zwei Gräber (Grab 5 und 6) angelegt, die Gefäße mit Tannenzweigornament enthielten, die Ähnlichkeit mit Exemplaren aus Poltavkin aufweisen (Кияшко 2002; Сухорукова 2008). Ein solches Gefäß mit nichtornamentierter Mündung wurde im zentralen Grab Nežinskaja II-4/5 gefunden (Корневский 1988; 1990); ein weiteres Gefäß mit Fingerkniffornament aus diesem Grab ist eine sehr nahe Analogie für den «Becher» aus dem frühen Katakombenkomplex Kobjakovo 15/9 (Кияшко 1999). In unserem Kurgan in der Černjachovskaja wurde nach zwei eindeutigen Komplexen mit stabförmigen Röhrchen (Grab 1 und 2) ein neues zentrales Grab in einer Grube mit Schultern angelegt (Grab 4). Es enthielt ein becherförmiges Gefäß mit Tannenzweigornamentstreifen auf der Schulter und am unteren Teil des Körpers. Offenbar in dieser Etappe treten Becher mit «Poltavkin»-Zügen auch in den zentralen Gräbern

этапе появляются кубки с «полтавскими» чертами в центральных погребениях курганов Усть-Дзегутинского могильника (Нечитайло 1964; 1965; Кияшко 1999).

6. Вслед за этими комплексами в курганы Пятигорья и Карачаево-Черкесии впускаются погребения, преимущественно, в каменных ящиках, которые сопровождалась разнообразными сосудами, аналогичными керамике катакомбных погребений Калмыкии (см. Синицын 1978; и др.). Среди этой посуды – горшки с высокими плечиками, прямым вертикальным или раструбным горлом; приземистые округлобокие сосуды с прямым вертикальным или стянутым горлом и «метопным» орнаментом из различных штампов на плечиках. Возможно, что широкое распространение схожих форм было обусловлено особыми видами клановых связей. В Кабардино-Балкарии и Северной Осетии одновременно бытуют «шаровидные амфоры» с ушками и ручками, украшенные оттисками шнура. В этот период, как уже неоднократно отмечалось, в погребениях распространяются богатые наборы «украшений» из литых орнаментированных трубочек и подвесок; кованые бляхи сменяются литыми, а посоховидные булавки приобретают все большую «изогнутость» и сменяются дугообразными дериватами с разнообразными типами наверший. Имеющиеся данные позволяют

der Kurgane der Ust'-Džegutinskaja-Nekropole auf (Нечитайло 1964; 1965; Кияшко 1999).

6. Nach diesen Komplexen werden in den Kurganen der Regionen um Pjatigorsk und in Kabardino-Balkarien Gräber vorwiegend in Steinkisten angelegt, die verschiedene Gefäße enthalten. Sie haben Analogien in der Keramik der Katakombengräber Kalmykiens (s. Синицын 1978; u.a.). Zu diesem Geschirr gehören Töpfe mit hoher Schulter und vertikaler oder trichterförmiger Mündung und flache, rundliche Gefäße mit vertikaler oder einziehender Mündung und «Metopen»-Ornament aus verschiedenen Stempeln auf der Schulter. Möglicherweise war die weite Verbreitung ähnlicher Formen durch besondere Klanverbindungen bedingt. In Kabardino-Balkarien und Nordossetien gab es gleichzeitig «kugelförmige Amphoren» mit kleinen Griffen und Henkeln, die mit Schnurabdrücken verziert waren. Wie mehrfach bemerkt, verbreiten sich in dieser Periode in den Gräbern reiche Garnituren von «Verzierungen» aus gegossenen ornamentierten Röhrchen und Anhängern, die geschmiedeten Bleche werden durch gegossene abgelöst und die stabförmigen Röhrchen von bogenförmigen Derivaten mit verschiedenartigen Endungstypen ersetzt. Die vorliegenden Angaben lassen die Synchronisierung der Existenz dieser Garnitur ritueller Gegenstände mit dem Ende der «klassischen»

синхронизировать бытование этого набора ритуальных предметов с финалом «классической» донецкой катакомбной культуры – например, комплекс Ивано-Дарьевка 1/6 с последующими «позднедонецкими» погребениями (Кравец и др. 1991). Это согласуется с датой, полученной по комплексу с таким набором из Большого Ипатовского кургана (погр. 168): 2615–2485 cal BC с вероятностью 68 % (Корневский и др. 2007). С рассматриваемыми погребениями связаны находки округлых в сечении каменных топоров со сверлиной на переходе к обушке и вертикальным валиком, огибающим сверлину. Происхождение этого типа топоров – степное, связано с кубанскими новотиторовскими (Первомайский 2/2, Батуринский I 2/9) или донскими ямными комплексами (Крепинский II 5/8, Александровка 1/8, Мокрый Волчик I 3/3, Отрадный XIII 5/3).

7. Появление таких топоров в Трое II (клад L), а также распространение в Передней Азии вплоть до царских могил Ура схожих с предкавказскими «украшений» (кольцевидные и дисковидные медалионы, стерженьковые подвески, пуансонные бляхи, булавки с «молоточковидной головкой») происходит не ранее XXVI в. до н.э. и, соответственно, связано с культурными импульсами из Предкавказья.

Donezker Katakombenkultur zu, z. B. des Komplexes Ivano-Dar'evka 1/6 mit den folgenden «spät-donezker» Gräbern (Кравец u.a. 1991). Dies stimmt mit der Datierung überein, die sich anhand des Komplexes mit solchem Inventar aus dem Großen Ipatovo-Kurgan (Grab 168) ergeben hat: 2615–2485 cal BC mit 68 % Wahrscheinlichkeit (Корневский u.a. 2007). Im Zusammenhang mit den behandelten Gräbern stehen die Funde von im Schnitt abgerundeten Steinbeilen mit Bohrung am Übergang zum Rücken und die Bohrung umfassender vertikaler Wulst. Dieser Beiltyp stammt aus der Steppe und ist mit den kubanischen Novotitorovska-Komplexen (Pervomajskij 2/2, Baturinskij I 2/9) oder mit den Grubengrabkomplexen am Don (Krepinskij II 5/8, Aleksandrovska 1/8, Mokryj Volčik I 3/3, Otradnyj XIII 5/3) verbunden.

7. Das Auftreten solcher Beile in Troja II (Schatz L) und auch die Verbreitung von den vorkaukasischen ähnlichen «Verzierungen» (ring- und diskusförmige Medaillons, gestielte Anhänger, gepunzte Bleche, Röhrchen mit hammerförmigem Kopf) in Vorderasien bis zu den Königsgräbern von Ur erfolgte nicht später als 26. Jh. v.Chr. und stand mit Kulturimpulsen aus dem Kaukasusvorland in Zusammenhang.

ТРИАЛЕТСКАЯ КУЛЬТУРА И ФИНАЛ КАВКАЗСКОГО ОЧАГА КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Михаил Б. Рысин

*Институт истории материальной
культуры РАН, Санкт-Петербург,
Россия*

Население Кавказа с древнейших времен находилось в постоянных межобщинных и межрегиональных связях. В результате таких связей и контактов осуществлялось распространение новаций. Распространение новаций в различных сферах, прежде всего в технологической, происходило по принципу «сообщающихся сосудов» – от более развитых обществ к менее развитым.

Хотя межрегиональные связи населения древнего Кавказа были постоянными, их интенсивность периодически возрастала и понижалась, подчиняясь определенному ритму. Как показывает анализ связей Кавказа с Поволжьем, этот ритм определялся закономерностями возникновения, функционирования и смены центров культурогенеза. В свою очередь, возникновение центров культурогенеза сначала на Кавказе, а затем в Волго-Уралье могло стимулироваться новыми идеями и технологиями, полученными в результате активизации контактов с Югом.

Формирование кавказского центра культурогенеза связано со становлением ряда культур майкопско-лейлатепинского круга.

DIE TRIALETI KULTUR UND DAS ENDE DES KAUKASISCHEN HERDES DER KULTURGENESE

Michail B. Rysin

*Institut für Geschichte der Materiellen
Kultur, RAW, Sankt Petersburg,
Russland*

Die Bevölkerung des Kaukasus befand sich seit jeher ständig in einem Zustand interner Mischungen und überregionaler Kulturbeziehungen. Infolge dieser Beziehungen und der Kontakte verbreiteten sich Neuerungen sehr schnell. Der Transfer von Innovationen erfolgte auf verschiedenen Ebenen, und bezog sich immer vor allem auf technologische Aspekte, nach dem Prinzip einer Innovationskaskade von mehr entwickelten hin zu weniger entwickelt Gesellschaften.

Obwohl die überregionalen Beziehungen der Bevölkerung des prähistorischen Kaukasus konstant vorhanden waren, schwankte ihre Intensität periodisch. Die Analyse der Beziehungen des Kaukasus mit dem Wolgagebiet zeigt, dass der Rhythmus von den Gesetzmäßigkeiten des Entstehens, des Funktionierens und des Wechsels der Zentren der Kulturgenese abhängig ist. So beeinflusste etwa das Entstehen des kaukasischen Zentrums der Kulturgenese die Entwicklung von neuen Ideen und Technologien in der Wolga-Ural-Region, die infolge einer Aktivierung der Kontakte mit dem Süden stimuliert wurden.

Die Bildung des kaukasischen Zentrums der Kulturgenese ist mit dem Entstehen der Kulturen des Majkop–

Возникновение этих ярких металлоносных культур связано с передвижением населения из Передне-го Востока. Кавказское население освоило и творчески переработало достижения переднево-сточных металлургов и кузнецов, что привело к активизации и необычайно-му расцвету собственного очага металлообработки. В раннем бронзовом веке влияние кавказского центра культурогенеза распространялось до Приазовья, Крыма и Левобережья Днепра на западе и Нижнего Поволжья на севере.

Носители куро-аракской культурной общности расселялись на северный склон Кавказа, а также в переднево-сточный регион (памятники кирбет-керакского круга). На наш взгляд, именно взаимодействие куро-аракского и переднево-сточного населения привело в начале среднего бронзового века (СБВ) к смене культур на обоих склонах Кавказа.

На раннем этапе СБВ, который мы предлагаем называть успешным, кавказские металлические изделия отчетливо демонстрирует переднево-сточные признаки. На этом этапе СБВ металлические изделия кавказских типов распространяются в Предкавказье, Подонье, Приазовье и Поднепровье. Здесь в начале СБВ производили проушные топоры (тип сочи-корца) с усиливающими валиками вокруг проушины. В Нижнем Поволжье и Волго-Уралье металлические изделия также демон-

Leyla-Tepe Kreises verbunden. Das Entstehen dieser bedeutenden Metall produzierenden Kulturen ist mit der Migration von Bevölkerung aus dem Vorderen Orient verbunden. Die lokale kaukasische Bevölkerung hat sich die schöpferischen Errungenschaften der vorderasiatischen Metallurgen und Schmiede in der Metallbearbeitung angeeignet, was zur Aktivierung und zu einer erstaunlichen Blüte des eigenen Metallhandwerks geführt hat. In der Frühbronzezeit erstreckte sich der Einfluss des kaukasischen Zentrums bis ins Asowsche Gebiet, auf die Krim und das linksseitige Dnepr-Gebiet im Westen und bis an die untere Wolga im Norden.

Die Träger der Kuro-Arax Kultur-gemeinschaft besiedelten ein Gebiet vom Nordabhang des Kaukasus bis in die Levante (Denkmäler des Khirbet-Kerak Typs). Unserer Meinung nach, hat die Wechselwirkung der Kuro-Arax und der vorderorientalischen Bevölkerung am Anfang der Mittelbronzezeit (MBZ) zum Wechsel der Kulturen auf beiden Seiten des Kaukasus beigetragen.

In der frühen Etappe der MBZ, die wir als Uspenski-Etappe bezeichnen, zeigen die kaukasischen Metallobjekte deutlich vorderasiatische Merkmale. In dieser Etappe der MBZ finden sich Metallobjekte kaukasischen Prägung in Kaukasusvorland, im Don-Gebiet, im Asow'schen Gebiet und am Dnepr.

Hier wurden am Anfang der MBZ Prototypen der Schaftlochäxte mit verstärkenden Rippen (Typ Soči-Korza) entwickelt. An der unteren Wolga und

стрируют явное подражание кавказским. Таким образом, на начальном этапе СБВ влияние кавказской металлообработки распространилось до северных и западных границ степной зоны (Поингулье) и в Приуралье. Изменение характера связей выражается в появлении в степной зоне амулетов-украшений кавказских типов. Распространение в погребальном инвентаре кавказских амулетов-украшений отражает, на наш взгляд, существование некоего культурно-идеологического континуума.

В дальнейшем, на следующем привольненском этапе СБВ продукция кавказских мастерских по-прежнему распространяется в Предкавказье, Поднепровье и Нижнем Подонье. А на севере и северо-востоке кавказские типы изделий встречаются только в Нижнем Поволжье.

В конце СБВ, на костромском этапе, ареал распространения кавказских типов изделий сокращается до границ Предкавказья и Нижнего Дона.

В конце СБВ на Южном Кавказе располагаются памятники «цветущей поры» триалетской культуры. Наиболее вероятное время бытования этих памятников – последние века III – первая четверть II тыс. до н.э. В этот период население Южного Кавказа и, прежде всего, его правящая элита, поддерживало активные связи с Передне-восточным регионом. Вероятно,

им Волга-Урал Gebiet demonstrieren die dortigen Metallprodukte die offensichtliche Nachahmung dieser kaukasischen Typen. So erstreckte sich in der Anfangsstufe der MBZ der Einfluss der kaukasischen Metallurgie bis an die nördlichen und westlichen Grenzen der Steppenzonen, den Gebieten am Ingul- und am Ural. Die Veränderung der Beziehungen zeigt sich auch im Erscheinen von Schmucksachen kaukasischer Typen in der Steppenzonen. Die Verbreitung des kaukasischen Amulett-Schmucks spiegelt unserer Meinung nach auch die Existenz einer gewissen kulturell-ideologischen Kontinuität wieder.

In der folgenden Privol'nensk Etappe der MBZ finden sich Produkte der kaukasischen Werkstätten nach wie vor im Kaukasusvorland, am unteren Dnepr und der unteren Wolga. Nach Norden und Nordosten sind kaukasische Typen allerdings nur noch an der unteren Wolga zu finden. Zum Ende der MBZ, in der Kostroma Etappe, verringert sich das Areal der kaukasischen Typen auf die Grenzen des Kaukasusvorlands und des unteren Dons.

Das Ende der MBZ im Südkaukasus fällt in die Blütezeit der Denkmäler der Trialeti-Kultur. Die Trialeti-Kultur datiert in die letzten Jahrhunderte des 3. und das erste Viertel des 2. Jt. v. Chr. In dieser Periode entwickelten die Bevölkerung des Südkaukasus, und vor allem seine Elite, aktive Beziehungen zu den Zentren Vorderasiens. Der Maßstab und die Richtung dieser Beziehungen erklären

масштаб и направленность этих связей определялись включением Южного Кавказа в орбиту интересов ассирийской торговой организации. Исчезновение феномена триалетской культуры в начале второй четверти II тыс. до н.э. мы связываем с изменениями на политической карте Переднего Востока – возникновение Хеттской державы и уничтожение городов и факторий на торговых путях, ведущих к Южному Кавказу (Хатусса, Алишар, Мари, Каниш, Норшунтепе).

Существовавшие на всем протяжении СБВ активные и разносторонние контакты Южного Кавказа с Северным практически полностью прерываются на этапе «цветущей поры» триалетской культуры. Согласно В. С. Бочкарёву (Бочкарёв 2012: 21), именно в это время (финал СБВ), центр культурогенеза смещается с Кавказа в Волго-Уральский регион, где формируется новый очаг генерирования культур позднего бронзового века. Можно с большой долей вероятности предположить, что сокращение активности и угасание кавказского центра культурогенеза в немалой степени было обусловлено сокращением связей Южного Кавказа с передневозточными цивилизациями и прекращением эстафеты новаций с Юга на Север.

сich vermutlich aus dem Anschluss an das Netzwerk der assyrischen Handelsorganisation dieser Zeit. Das Verschwinden der Trialeti-Kultur am Anfang des zweiten Viertels des 2. Jt. v.Chr. ist vermutlich in den Veränderungen der politischen Karte Vorderasiens zu suchen – das Entstehen der Hettiter-Reiches und die Zerstörung von Städte und der Faktoreien auf den ehemaligen Handelswegen (Alişar, Mari, Kaniş, Noşuntepe) wirkten sich bis in den Kaukasus aus.

Die vielseitigen Kontakte des Südkaukasus mit dem Norden werden in der Etappe «Blützezeit» der Trialeti-Kultur praktisch vollständig unterbrochen, was auch auf die aktiven Verbindungen und die Ausdehnung der kaukasischen MBZ auswirkt. Nach V. S. Bočkarëv (2012: 21) verschiebt sich gerade zu dieser Zeit, am Ende der MBZ, das Zentrum der Kulturgenese vom Kaukasus in die Wolga-Ural Region, wo sich ein neuer Herd der Genese für die Kulturen der späten Bronzezeit entwickelt. Man mit großer Wahrscheinlichkeit vermuten, dass der Rückgang der Aktivität und das Erlöschen des kaukasischen Kulturgenese Zentrums mit dem Rückgang der Beziehungen des Südkaukasus mit dem Vorderen Orient und dessen Zivilisationen zu verbinden ist und die Stafette von Neuerungen aus dem Süden nach Norden unterbrochen wurde.

О КУЛЬТУРОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ПОЗДНЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Сабине Райнхольд¹,
Андрей Б. Белинский²

¹ *Евразийское отделение, Германский археологический институт, Берлин, Германия*

² *«Наследие», Ставрополь, Россия*

В начале второй трети II тыс. до н.э. на плоскогорьях между Кавказскими Минеральными Водами и горным массивом Эльбруса появляется новая культура, отличительной особенностью которой является весьма специфическая каменная архитектура. Эта культура в высокогорном массиве развивается в три этапа. Благодаря различным поселенческим структурам, отражающим адаптацию новых поселенцев к оседлому образу жизни, отмечен процесс медленного перехода к оседлости. Около 1000 г. до н.э., с миграцией в близлежащие долины, начинается четвертый этап в развитии этой культуры.

Во второй половине II тыс. до н.э. в материальной культуре этих памятников на плоскогорьях развивались культурные элементы, которые после переселения их носителей в долины стали признаваться в качестве классического варианта кобанской культуры (по В. И. Козенковой). Для территории Кавказских Минеральных Вод убедительно выглядит генезис кобанской культуры как локальный процесс, протекавший в горах, расположенных южнее. Вместе с тем

ZUR KULTURGENESE DER SPÄTBRONZEZEIT IM NORDKAUKASUS

Sabine Reinhold¹,
Andrej B. Belinskij²

¹ *Eurasien-Abteilung, Deutsches Archäologisches Institut, Berlin, Deutschland*

² *«Nasledie», Stawropol, Russland*

Zu Beginn des zweiten Drittels des 2. Jahrtausends v. Chr. entsteht auf den Hochplateaus zwischen den kaukasischen Mineralbädern und dem El'brus Gebirgsmassiv eine neue Kultur, deren Hauptmerkmal eine sehr spezifische Steinarchitektur ist. Diese Kultur entwickelt sich in drei Etappen im Hochgebirge. Gekennzeichnet ist der Prozess der langsamen Sesshaftwerdung durch verschieden Siedlungsstrukturen, die die Adaption der neuen Siedler an ein sesshaftes Leben widerspiegeln. Um 1000 v. Chr. beginnt die vierte Etappe mit einer Abwanderung in die umliegenden Täler.

Die Siedler auf den Hochplateaus entwickeln im Verlauf der zweiten Hälfte des 2. Jahrtausends vor Chr. die kulturellen Merkmale, die sich nach der Übersiedlung in die Täler als klassische Variante der Koban-Kultur (nach V. I. Kozenkova) zu erkennen gibt. Für den Raum um die kaukasischen Mineralbäder ist mittlerweile die Genese der Koban-Kultur als ein lokaler Prozess im südlich liegenden Hochgebirge plausibel. Die älteren Meinungen, wonach die Gemeinschaften der Koban-Kultur sich im

старые представления, согласно которым сообщества кобанской культуры сформировались в северо-осетинском высокогорном массиве и оттуда мигрировали, должно быть пересмотрено.

Однако в значительной степени неясно, как начали развиваться культурогенетические процессы в высокогорной зоне к югу от Кавказских Минеральных Вод. Откуда прибыли поселившиеся там первые жители? Каково соотношение «новой» культуры позднего бронзового века, которую можно отнести к кругу протокобанской культуры, с предшествующей северокавказской культурой и ее финальной фазой? В центре последних исследований также оказалась заключительная фаза северокавказской культуры. Радиоуглеродные даты из погребений могильника Архон и синхронной группы Аликоновка хорошо соотносятся, например, с древнейшими датами из «новых» поселений позднего бронзового века в горах.

Поиск ответов на вопросы, когда, где и при участии каких групп началось формирование культуры позднего бронзового века, явился основным посылом для начала полевых исследований на древнейшем доселе местонахождении Рансырт I. На этом памятнике, как показывают современные данные, выявлены первые архитектурные сооружения в горах Северного Кавказа. Согласно последним радиоуглеродным датам его можно поместить в короткий промежуток XVIII/XVII вв. до н.э. Располо-

nordossetischen Hochgebirge formierten und von dort aus auswanderten muss damit revidiert werden.

Noch ist jedoch weitgehend unklar, wie die Kulturgenese in der Hochgebirgszone südlich der Kaukasischen Mineralbäder beginnt. Woher kamen die ersten Siedler, die sich dort niederließen? Wie ist das Verhältnis der «neuen» spätbronzezeitlichen Kultur, die man dem Kreis der Proto-Koban-Kultur zurechnen kann, zur vorhergehenden Nordkaukasischen-Kultur und deren finaler Phase? Auch die Endphase der Nordkaukasischen-Kultur ist durch aktuelle Arbeiten wieder in den Fokus der Forschung gerückt. Die Radiokarbondaten aus den Gräbern der Archon und der, mit ihr zu parallelisierenden Alikonovka Gruppe, überschneiden sich zum Beispiel deutlich mit den ältesten Daten der «neuen» spätbronzezeitlichen Siedlungen in den Bergen.

Die Antwort auf die Frage wann, wo und unter Beteiligung welcher Gruppierungen die Formierung der spätbronzezeitlichen Kultur begonnen hat wird momentan durch Ausgrabungen auf dem bislang ältesten Fundort Ransyrt I untersucht. Dieser besondere Ort steht nach heutigem Wissen am Beginn der Architekturentwicklung im nordkaukasischen Hochgebirge. Aktuelle Radiokarbondaten platzieren ihn in einem kurzen Abschnitt des 18./17. Jh. v.Chr. Lage, Bauform und die Indizien einer

жение, строительные сооружения и признаки неповседневного использования, выявленные магнитометрическими исследованиями 2009 г., позволяют предположить, что это было не столько поселение, сколько особое место сообщества свободных животноводов, где, вероятно, могли проводиться ритуальные действия в. Проведенные в 2013 г. тестовые раскопки, помимо остатков обширных трапез, дали доказательства того, что это местонахождение, как и ожидалось, являлось особым местом для жертвоприношений. Это был бы первый памятник такого функционального назначения на Кавказе. Кроме того, увеличиваются доказательства присутствия в его материальной культуре групп из различных регионов степи, Прикубанья и гор. Встречены также элементы северокавказской культуры.

Одной из задач раскопок лета 2015 г., которые должны быть представлены в Санкт-Петербурге, является поиск дальнейших доказательств ранее высказанных положений. Вероятно, появится возможность определить вклад отдельных групп в формирование новой общности. Эта новая идентичность характеризует поздний бронзовый век и, в конечном итоге, способствовала становлению кобанской культуры раннего железного века.

nicht alltäglichen Nutzung, die Magnetometriemessungen aus dem Jahr 2009 nahelegen, lassen vermuten, dass es sich nicht um eine Siedlung handelt, sondern um den um den Kristallisationspunkt einer lose verbundenen Viehzüchtersgesellschaft, der vermutlich eher eine rituelle Funktion hatte. Testgrabungen im Jahr 2013 lieferten u. a. in Form von Überresten umfangreicher Mahlzeiten Belege dafür, dass es sich bei dem Ort wie vermutet um eine Art Brandopferplatz handelt. Es wäre der erste Ort mit einer solchen Funktion im Kaukasus. Es mehren sich zudem auch Indizien im Fundspektrum, dass sich hier Gruppen aus verschiedenen Regionen der Steppe, dem Kubangebiet und aus dem Gebirge zusammen trafen. Es sind auch Elemente der Nordkaukasischen-Kultur vorhanden.

Mit den Ausgrabungen im Sommer 2015, die in St. Petersburg vorgestellt werden sollen, werden sich die bisherigen Indizien erhärten. Möglicherweise wird es dann auch möglich sein, den Anteil einzelner Gruppen zu bestimmen, die aus dem Zusammentreffen eine neue gemeinsame Identität entwickelten. Sie kennzeichnet die Spätbronzezeit, und trug letztlich auch zur Entstehung der eisenzeitlichen Koban-Kultur bei.

ТЕРРАСНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЕ

Дмитрий С. Коробов¹,
Александр В. Борисов²

¹ *Институт археологии РАН,
Москва, Россия*

² *Институт физико-химических и
биологических проблем почвоведения
РАН, Пушчино, Россия*

Изучение террасного земледелия в Кисловодской котловине привлекло в последнее десятилетие внимание многих специалистов. Впервые следы искусственного террасирования были зафиксированы здесь в 1958 г. А. П. Руничем, Н. Н. Михайловым и Г. Е. Афанасьевым. Комплексные исследования, проводящиеся с середины 1990-х гг. археологами и почвоведками, привели к выработке двух основных точек зрения на время возникновения и функционирования этого агрикультурного феномена: 1) террасные комплексы в окрестностях Кисловодска были созданы в IV–II тыс. до н.э. населением, оставившим памятники майкопской культуры (М. И. Скрипникова); 2) террасы создавались аланским населением эпохи раннего средневековья и являются следами их сельскохозяйственной деятельности (Г. Е. Афанасьев, И. А. Аржанцева, М. А. Бронникова, И. А. Турова и др.).

В 2005–2013 гг. авторами проводились новые археолого-почвоведческие исследования террас и других участков древнего и средневе-

DIE TERREASSENFELD- WIRTSCHAFT DER KOBAN- KULTUR IM TALKESSEL VON KISLOVODSK

Dmitrij S. Korobov¹,
Alexander V. Borisov²

¹ *Archäologisches Institut, RAW,
Moskau, Russland*

² *Institut für Physikalisch-Chemische und
Biologische Probleme in Bodenkunde,
RAW, Pušchino, Russland*

Die Untersuchung der Terrassenfeldwirtschaft im Talkessel von Kislovodsk stand im vergangenen Jahrzehnt im Zentrum der Forschung verschiedener Spezialisten. Die ersten artifizierten Terrassierungen waren von A. P. Runič, N. N. Michajlov und G. E. Afanas'ev 1958 dokumentiert worden. Umfassende Untersuchungen, die ab den 1990er Jahren von Archäologen und Bodenkundlern durchgeführt wurden, stellten zwei Hypothesen zur Entstehung und Nutzung dieses landwirtschaftlichen Phänomens auf: 1) die Terrassenkomplexe in der Umgebung von Kislovodsk wären in 4.–2. Jt. v. Chr. erbaut worden, von einer Bevölkerung die mit den Denkmälern der Majkop-Kultur zu verbinden sei (M. I. Skripnikova), 2) die Terrassen wurden von der alanischen Bevölkerung im Frühmittelalter errichtet und gehören in den Rahmen ihrer landwirtschaftlichen Infrastruktur (G. E. Afanas'ev, I. A. Aržanceva, M. A. Bronikova, I. A. Turova u.a.).

Von 2005 bis 2013 führten die Autoren neue archäologisch-bodenkund-

кового земледелия в разных частях Кисловодской котловины. Они включали в себя ГИС-картографирование участков земледелия с помощью аэрофотосъемки, картирование видимых контуров террас и межевых стенок в поле с помощью GPS и инструментальную топосъемку современной поверхности, закладку почвенных зондажей и разрезов. При этом регистрировалась мощность почвенных горизонтов, цвет, степень гумусированности, гранулометрический состав и скелетность грунтов. Большое внимание уделялось археологическому материалу из разрезов, прежде всего, керамике. Всего было сделано около 200 почвенных разрезов и зондажей, в которых найдено около 4000 фрагментов керамики. Эти данные позволили во многом по-новому взглянуть на проблему эволюции агроландшафтов региона.

В результате проведенных работ выделяется 4 типа сельскохозяйственных угодий, функционировавших в Кисловодской котловине в разное время: 1) одиночные, двойные или тройные крупные террасы с высокими откосами на крутых склонах; 2) каскады из длинных параллельных невысоких террас на пологих склонах; 3) небольшие прямоугольные наделы, разграниченные межевыми стенками на ровных мысовых участках; 4) узкие поля, ориентированные вдоль склона и разделенные длинными межевыми валами.

liche Untersuchungen auf den Terrassen und auf anderen Flächen mit Spuren alter und mittelalterlicher Landwirtschaft in verschiedenen Bereichen des Talkessels von Kislovodsk durch. Zu den Methoden zählen kartographische Aufnahme von Landwirtschaftsflächen mit Hilfe von Luftbildern in einem GIS-System, die Kartierung der sichtbaren Oberflächenkonturen der Terrassen und Feldbegrenzungsmauern mit Hilfe des GPS und topographischen Geländeaufnahmen, sowie bodenkundliche Sondagen und Schnitte. Dabei wurden die Mächtigkeit der Bodenhorizonte, ihre Farbe, der Humusierungsgrad, die Korngrößen des Sediments und die Skelettierung des Bodens dokumentiert. Ein besonderes Augenmerk lag auf dem archäologischen Material aus den Sondagen, vor allem der Keramik. Insgesamt wurden etwa 200 Schnitte und Sondagen angelegt, in denen rund 4000 Keramikfragmente angetroffen wurden. Diese Funde ermöglichten in vielen Fällen eine neue Einschätzung der Evolution der Kislovodsker Agrolandschaft.

Als Resultat der Untersuchung konnte vier Typen landwirtschaftlicher Strukturen festgestellt werden, die im Talkessel von Kislovodsk zu unterschiedlichen Zeiten in Benutzung waren: 1) umfangreiche, einzelne, doppelte oder dreifache Terrassen mit hohen Niveauunterschieden an steilen Hängen, 2) Kaskaden aus langen, parallel verlaufenden, niedrigen Terrassen an flacheren Hängen, 3) kleine, rechteckige Felder, die von niedrigen

Анализ обнаруженной в разрезах керамики показывает, что террасы первого типа создавались во время существования кобанской культуры. Судя по большому количеству керамики позднего бронзового – раннего железного веков, найденной практически во всех почвенных разрезах, в данный период сельскохозяйственной обработке подвергались все пригодные для земледелия участки, начиная от ровных мысовых территорий и заканчивая водораздельными хребтами. Приуроченность террасных участков к крутому рельефу местности и их неровные границы позволяют предположить, что основным орудием создания подобных угодий являлась мотыга, что находит параллели в этнографии кавказских народов.

Очевидно, устройство террас первого типа на крутых склонах было одним из последних этапов земледельческой активности населения той эпохи, когда все более благоприятные для земледелия пространства были уже использованы. Так или иначе, но в совершенстве овладев технологией террасирования склонов, кобанское общество получило практически неиссякаемый источник земельных угодий, что создало предпосылки для демографического роста и, в свою очередь, еще более глубокого преобразования ландшафтов региона. Картографирование террас первого типа, распространенных практически по всей территории Кисловодской котловины, косвен-

Фельдмаuern eingerahmt sind auf den flachen Abschnitten von Spornen, und 4) schmale Felder, die von langen Wällen getrennt werden und die dem Relief der Hänge folgen.

Die Analyse der in den Sondagen gefundenen Keramik zeigt, dass die Terrassen des ersten Typs in der Zeit der Koban-Kultur in Betrieb waren. Aus der hohen Zahl von Keramik der Spätbronze/Früheisenzeit, die in nahezu allen bodenkundlichen Schnitten gefunden wurde, lässt sich schlussfolgern, dass in dieser Epoche praktisch alle für die Landwirtschaft nutzbaren Flächen intensiv bearbeitet wurden, dies beginnt mit flachen Arealen in den Tälern und endet an deren Wasserscheiden. Der Umfang der terrassierten Areale im steilen Relief der Region und die unregelmäßigen Konturen lassen vermuten, dass zur Anlage der Terrassen vor allem Hacken verwendet wurden, wofür es in der kaukasischen Ethnographie Parallelen gibt.

Offensichtlich gehört der Bau der Terrassenfelder des ersten Typs an den steilen Hängen in eine der letzten Etappen der landwirtschaftlichen Erschließung durch die damalige Bevölkerung, nachdem alle besser für den Ackerbau geeigneten Flächen ausgereizt waren. So oder so, durch die Technik der Hangterrassierungen erschlossen sich die Gemeinschaften der Koban Kultur ein praktisch unbegrenztes Reservoir an Ackerflächen, was einen Einblick in ihre Demographie erlaubt. Gleichzeitig überprägten sie in intensiver Form

ным образом свидетельствует о большой плотности населения в регионе на рубеже позднего бронзового – раннего железного веков.

В итоге постепенного освоения все более крутых склоновых позиций в финале существования кобанской культуры в Кисловодской котловине (ориентировочно это могло происходить в середине I тыс. до н.э.) антропогенное изменение ландшафтов в связи с земледельческой активностью достигло критического уровня. Вмешательство человека в природную среду региона было столь значительным, что малейшее изменение внешних условий могло привести к катастрофическим последствиям, что и произошло в середине I тыс. до н.э. Это время соответствует концу суббореального – началу субатлантического периода, когда имело место заметное похолодание и увеличение нормы осадков в Восточной Европе. Эрозионные процессы в этот период активизировались повсеместно, но на изучаемой территории вследствие практически полного отсутствия естественной луговой растительности они протекали с невиданной интенсивностью. В этих условиях резко возрос объем поступающего на террасы неплодородного делювиального наноса, и запущенный кобанскими земледельцами процесс «контролируемой эрозии» стал неконтролируемым. Данный этап развития почв и ландшафтов региона предлагается называть «кобанской палеоэкологической катастрофой».

die Landschaft. Die Kartierung der Terrassen des ersten Typs zeigt, dass sie praktisch im gesamten Territorium von Kislovodsk vorhanden sind. Dies ist ein Hinweis auf eine außergewöhnlich hohe Bevölkerungszahl an der Wende von der Spätbronze- zur Früheisenzeit.

Aufgrund der zunehmenden Terrassierung aller steileren Hänge während der Endphase der Koban-Kultur (vermutlich in der Mitte des 1. Jt. v.Chr.) erreichte die anthropogenen Überprägung der Landschaft durch den Ackerbau ein kritisches Niveau. Der Eingriff des Menschen in die natürliche Umwelt waren so intensiv, dass bereits minimale Veränderungen der ökologischen Grundbedingungen katastrophale Auswirkungen haben konnten – ein Sachverhalt, der in der Tat Mitte des 1. Jt. v.Chr. eintrat. Diese Zeit wird geprägt durch das Ende des Subboreals und den Beginn des Subatlantikums, was in Osteuropa durch eine scharfe Abkühlung und die Zunahme von Niederschlägen gekennzeichnet ist. Die Erosionsprozesse nahmen in dieser Zeit grundsätzlich zu. Im untersuchten Territorium, das gänzlich von anthropogenen Freiflächen geprägt war, begann eine ausgesprochen intensive Erosion. Unter diesen Bedingungen nahm die Menge an abgeschwemmtem Material auf den Terrassen schnell sehr stark zu, und die von den Koban Bauern begonnene «kontrollierten Erosion» wurde unkontrollierbar. Diese Etappe in der Entwicklung der Böden und der Landschaften der Region kann als

В результате катастрофических эрозионных процессов кобанское общество Кисловодской котловины единовременно и полностью лишилось всей земледельческой базы, а территория изучаемого региона пришла в запустение примерно на 500 лет. Следы нового населения ощутимо прослеживаются здесь лишь с рубежа эр. Тогда появляются другие формы земельных наделов, которые функционировали в Кисловодской котловине в более позднее время, вплоть до эпохи развитого средневековья.

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛХИДСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЗАПАДНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ

Александр Ю. Скаков

*Институт археологии РАН, Москва,
Россия*

Накопление и систематизация материалов эпохи поздней бронзы – раннего железа из Западного Закавказья и Центрального Кавказа позволяют говорить о существовании кобано-колхидской культурно-исторической общности, в рамках которой выделяется не менее 7 археологических культур: восточно-кобанская, центрально-кобанская, южно-кобанская, западно-кобанская, лечхумо-имеретинская колхидская, ингури-рионская колхидская, бзыбская колхидская. Формирование этих культур происходило в процессе постоянного взаимодействия и

«paläoökologische Katastrophe der Koban-Kultur» bezeichnet werden.

Infolge der katastrophal Erosionsprozesse der Koban Epoche hatte die Bevölkerung des Kislovodsker Talkessels einmalig und vollständig ihre gesamte landwirtschaftliche Basis verloren, das gesamte Territorium lag für etwa 500 Jahre brach. Spuren einer neuen Bevölkerung sind hier erst wieder ab der Zeitenwende fassbar. Dann erscheinen andere Formen von Feldern, die im Talkessel von Kislovodsk bis in Epoche des Hohen Mittelalters hinein funktionierten.

ZUR FRAGE DER MECHANISMEN IN DER FORMIERUNG DER KOLCHISCHEN ANTIKE IM WESTLICHEN TRANSKAUKASIEN

Alexander Ju. Skakov

*Archäologisches Institut, RAW, Moskau,
Russland*

Die Systematisierung der Materialien aus der Spätbronze-/Früheisen im westlichem Transkaukasien und im zentralen Kaukasus ermöglichen es, Existenz einer Koban-Kolchischen Kulturgemeinschaft herauszustellen, in deren Rahmen nicht weniger als 7 archäologische Kulturen fallen: Ost-Koban, Zentral-Koban, Süd-Koban, West-Koban, Lečchumi-Imeretien-Kolchis, Inguri-Rioni-Kolchis, Bsipi-Kolchis.

носило полицентрический характер. При этом в рамках данных культур в ряде случаев выделяются локальные варианты: памятники района Сочи – для бзыбской колхидской культуры, памятники Гагринского типа – для бзыбской колхидской культуры, могильники Джантух и Ларилари – для ингури-рионской колхидской культуры.

Все колхидские культуры объединяет важная особенность погребального обряда, связанная с экспонацией тела умершего (обряд вторичного захоронения или же отсутствие погребений, связанное с полным уничтожением останков) и восходящая в данном регионе к среднему бронзовому веку. Ранее мы считали, что обряд кремации появляется в Колхиде не позднее IX в. до н.э., проникая сюда из Дигории и западно-кобанской культуры (традиционно появление кремации в памятниках Колхиды относили к VII–VI вв. до н.э.). Новейшие исследования Джантухского могильника (А. Ю. Скаков, А. И. Джопау, раскопки 2006–2014 гг.) позволяют уверенно говорить о появлении кремации (на стороне) в колхидских могильниках не позднее XIII–XI вв. до н.э., и допускать наличие на этом памятнике и более ранних кремационных захоронений (середина II тыс. до н.э., раскопки 2014 г.). Таким образом, кремация в Центральной Колхиде могла появиться независимо как от западно-кобанских (Терезе, Эшакон и др.),

Die Formierung dieser Kulturen geschah vor dem Hintergrund einer ständigen Wechselwirkung und trug einen polyzentristischen Charakter. Dabei heben sich im Rahmen der gegebenen Kulturen in einer Reihe von den Fällen weitere lokale Varianten heraus: etwa die Denkmäler des Bezirkes Soči oder die Denkmäler des Typs Gagra für die Bspiki-Kolchis-Kultur oder die Grabstätten Džantuch und Larilari für Inguri-Rioni-Kolchis Kultur.

Allen kolchischen Kulturen einig ist das sekundäre Bestattungsritual, das in der Region während der mittleren Bronzezeit entsteht. Lange herrscht die Meinung vor, dass Kremationen in der Kolchis nicht früher als im 9. Jh. v.Chr. erscheinen, und es aus Digorien eingeführt wurde. Traditionell wurde der Beginn der Kremationen in der Kolchis noch später, ins 7./6. Jh. v.Chr. datiert. Die neuesten Forschungen in der Nekropole von der Džantuch belegen das Erscheinen der Kremation bereits im 13.–11. Jh. v.Chr. So sind die Kremation in der zentralen Kolchis vermutlich unabhängig von anderen Orten mit Kremationen in der westlichen Koban-Kultur (Terese, Eškakon), oder auch von den Protokoban Denkmälern im Zentralkaukasus entstanden.

Neben den Kremationen gehören zu den Charakteristika der Denkmäler aller kolchischer Kulturen gemeinsame Elemente in der Keramik: Formen, gestanzte Ornamente, Kanneluren und bestimmte Griffformen.

так и от протокобанских памятников, имея свои истоки в местных культурах эпохи бронзы (гробницы Красной поляны и др.). Появление же обряда кремации в памятниках бзыбской культуры относится, судя по всему, к сравнительно позднему времени и связано, вероятно, с воздействием со стороны ингури-рионской культуры. Не случайно погребения с кремацией известны только в районе Сухума – на границе между культурами.

К предшествующему слою памятников восходят и общие для всех колхидских культур характерные черты керамического комплекса: формы сосудов, штампованный орнамент, каннелюры, оформление ручек.

Доклад будет посвящен проблемам формирования и контактам колхидской культуры с особым акцентом на бзыбскую колхидскую и ингури-рионскую колхидскую культуры.

Можно проследить формирование некоторых из них в регионе Центральной Колхиды и дальнейшее распространение в более северные (Бзыбская Абхазия) и восточные районы, где они наложились на местные традиции. В частности, сочетание местных архаичных традиций в керамическом и кремневом материале и чужеродных для данного региона новаций в керамике (каннелюры) прослежено на однослойном Абгархукском поселении третьей четверти – конца II тыс. до н.э. (раскопки А. Ю. Скакова и А. И. Джо-пуа в 2003–2005 гг.). Отличия абгар-

Der Vortrag wird die Formierung und Kontakte der kolchischen Kulturen mit besonderer Berücksichtigung der Bzipi-Kolchis- und der Inguri-Rioni-Kolchis Kultur thematisieren.

хукского керамического комплекса и керамики поселений Центральной Колхиды весьма существенны, в частности, для поселений Абхазии не характерен богатый желобчатый дуговидный орнамент в виде шевронов, относительно редки сосковидные выступы, отсутствуют миниатюрные ушки, декор в целом кажется более бедным, упрощенным и несколько небрежным. При этом в памятниках «колхидской» периферии (район Гагра-Сочи) архаичные традиции в керамическом комплексе сохраняются значительно дольше, доживая вплоть до эпохи эллинизма.

Бзыбская колхидская культура (как и ингури-рионская) окончательно формируется в X–IX вв. до н.э. Ведущую роль в образовании комплекса инвентаря этой культуры сыграл импульс из Центрального Кавказа. В частности, благодаря этому импульсу в Бзыбской Абхазии сформировался собственный вариант кобано-колхидского графического стиля. Центрально-кавказское (южно-кобанская культура, памятники типа Самтавро и т. д.) происхождение имеет своеобразный вариант графического стиля, открытый при новых исследованиях могильника Джантух (зооморфные изображения на своеобразных «накладках» с заклепками, напоминающих пояса). Открытым остается вопрос о путях проникновения в Колхиду дуговидных фибул. Мы предполагали, что они проникают на Кавказ «сухопутным» путем, через степные и лесостепные районы Северного

Причерноморья, в XI–X вв. до н.э., появляясь сначала в регионе Центрального Кавказа и, лишь затем, не позднее IX в. до н.э., на территории Колхиды. В то же время, бесспорные свидетельства доколониционных связей между регионами Средиземноморья и Колхидой заставляют допустить и «морской» путь проникновения дуговидных фибул на Кавказ. Крайне малое количество ранних погребальных комплексов и отсутствие фибул ранних типов в поселенческих слоях не позволяют однозначно решить этот вопрос.

Из типов инвентаря, маркирующих бзыбскую колхидскую культуру, центрально-кавказское («кобанское») происхождение имеют кинжалы с серповидным навершием на рукояти, пластинчатые широкие манжетовидные ребристые браслеты, полуовальные пряжки, биспиральные пряжки или подвески. Южно-закавказское происхождение имеют конические бляшки с гвоздеобразной головкой, датируемые второй половиной VIII – первой половиной VII в. до н.э. К южно-закавказским прототипам (ходжалы-кедабекские памятники) восходит и изображение звезды, украшающее характерные для бзыбской колхидской культуры умбоновидные пряжки второй половины VIII–VII в. до н.э. Некоторые типы (молоточковидные навершия, якоревидные подвески или пряжки, лишенные отверстий в основании пряжки с объемными головками животных) находят прототипы в среднем слое дольменов Абхазии.

Таким образом, формирование бзыбской колхидской культуры шло на основе местного субстрата при наличии нескольких импульсов со стороны иных культур.

Встает вопрос: почему наиболее интенсивные связи прослеживаются по перевальным маршрутам между Сванетией и Балкарией, Рачей и Дигорией? В какой-то степени это можно объяснить, исходя из историко-этнографических реалий. Вплоть до сравнительно недавнего времени только у балкарцев и дигорцев, в отличие от их соседей с запада и востока, основные летние пастбища находились по южную сторону Главного Кавказского хребта, где они арендовали их у сванов и рачинцев (Калоев 1993: 101, 103, 199). Можно предполагать, что аналогичная ситуация наблюдалась и в древности. То есть нехватка летних пастбищ (периодически занятых инокультурными племенами, в том числе, ранними кочевниками), с одной стороны, усиливала зависимость западно-кобанских племен от их южных соседей, с другой – укрепляла транскавказские связи.

Процесс взаимных контактов между племенами северного и южного склонов Главного Кавказского хребта шел на протяжении практически всей эпохи поздней бронзы – раннего железа, усиливаясь в некоторые исторические моменты, но, не прекращаясь, приводя к взаимному культурному обогащению и постоянной инфильтрации новых элементов культуры.

Технологии, инновации и современные естественнонаучные подходы в дискуссиях |

Technologien, Innovationen und moderne naturwissenschaftliche Ansätze in der aktuellen Diskussionen

ИССЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СЕВЕРНОГО КAVKAZA СОВРЕМЕННЫМИ МЕТОДАМИ ГЕНЕТИКИ*

Артём В. Недолужко¹,
Евгения С. Булыгина¹,
Алексей С. Соколов¹,
Светлана В. Цыганкова¹,
Наталия М. Груздева¹,
Александр В. Шишлов²,
Алиса В. Колпакова²,
Алексей Д. Резепкин³,
Егор Б. Прохорчук⁴

¹ Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия

² Новороссийский исторический музей-заповедник, Новороссийск, Россия

³ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

⁴ Центр «Биоинженерия» РАН, Москва, Россия

В последние годы методы выделения, секвенирования и биоинформатического анализа древней ДНК значительно обновились, позволяя работать с самым разнообразным биологическим материалом – волоса-

UNTERSUCHUNGEN ARCHÄOLOGISCHER KULTUREN DES NORD-KAUKASUS MIT AKTUELLEN METHODEN DER GENETIK*

Artem V. Nedolužko¹,
Evgenija S. Bulygina¹,
Aleksej S. Sokolov¹,
Svetlana V. Tzygankova¹,
Natalija M. Gruzdeva¹,
Alexander V. Šišlov²,
Alisa V. Kolpakova²,
Aleksej D. Rezepkin³,
Egor B. Prochorčuk⁴

¹ Nationales Forschungszentrum «Kurčatov-Institut», Moskau, Russland

² Noworossijsker Historisches Museum, Noworossijsk, Russland

³ Institut für Geschichte der Materiellen Kultur, RAW, Sankt Petersburg, Russland

⁴ Center für Bioengineering, RAW, Moskau, Russland

In den letzten Jahren haben die Methoden der Bestimmung, Sequenzierung und Bioinformations Analyse alter DNA eine bedeutende Entwicklung erfahren, was die Arbeit mit verschiedenen biologischen Materialien – Haaren, mumifizierten Stoffen, kalzifizierten Knochen und

ми, мумифицированными тканями, кальцифицированными костными и даже растительными остатками. В настоящее время современные методы геномного анализа (next-generation sequencing) активно вовлекаются в решение многих археологических задач. Зачастую для установления родства между народами и этносами используется изучение полиморфизма митохондриального генома.

К концу 2014 г. в мире было проанализировано 83 митохондриальных генома охотников-собирателей, в свое время населявших Европу. Большинство из них, не подвергавшихся влиянию неолитических фермеров, носили митохондриальную гаплогруппу U (U2, U4, U5a, U5b и U8). В то же время неолитические фермеры, принесшие сельское хозяйство в Европу, обладали значительно большим разнообразием митохондриальных гаплогрупп: H, HV, V, K, J, T2, X, W и N1a.

Наша работа была направлена на уточнение гипотез происхождения майкопской и новосвободненской археологических культур, которые относятся к эпохе ранней бронзы на Северном Кавказе. В ходе нашего исследования древняя ДНК была выделена из зубов представителей новосвободненской и майкопской археологических культур. Материалы были обнаружены во время археологических раскопок могильника «Клады» вблизи станицы Новосвободная (1979–1991 гг., руководитель А. Д. Резепкин), экспедицией Новороссийского исторического музея-заповедника

сogar Pflanzenresten – erlaubt. Heute werden moderne Methoden der Genomanalyse (next-generation sequencing) zur Lösung vieler archäologischer Fragen herangezogen. Speziell zur Bestimmung der Verwandtschaft zwischen Völkern und Ethnien benutzt man die Untersuchung des Polymorphismus des mitochondrialen Genoms.

Ende 2014 wurden weltweit 83 mitochondriale Genome von Jägern und Sammlern analysiert, die seinerzeit Europa bevölkert haben. Die Mehrheit von ihnen, die nicht dem Einfluss neolithischer Farmer unterlagen, trugen die mitochondriale Haplogruppe U (U2, U4, U5a, U5b und U8). Gleichzeitig wiesen die neolithischen Farmer, die den Ackerbau nach Europa gebracht haben, eine bedeutend größere Vielfalt an mitochondrialen Haplogruppen auf: H, HV, V, K, J, T2, X, W und N1a.

Unsere Arbeit richtete sich auf die Präzisierung der Hypothesen über die Herkunft der archäologischen Kulturen von Majkop und Novosvobodnaja, die zur frühen Bronzezeit Nordkavasiens gehören. Alte DNA wurde aus Zähnen der Vertreter dieser Kulturen bestimmt. Diese Materialien stammen von den archäologischen Ausgrabungen des Gräberfeldes «Klady» bei der Staniza Novosvobodnaja (1979–1991, Leitung A. D. Rezepkin) und der Expedition des Novorossischer Historischen Museums im Bereich der Staniza Natuchaevskaja und der Siedlung Čekon (Material der Archäologischen

в окрестностях станицы Натухаевской г. Новороссийска и поселка Чекон (материал Кубанской археологической экспедиции–2011, представлен А. Д Резепкиным). Возраст исследуемых останков датируется второй третью – концом IV тыс. до н.э. Материалы этих памятников (по формам керамических сосудов, типам орудий) находят многочисленные аналогии в памятниках майкопской культуры Северного Кавказа. В ходе раскопок получен антропологический материал, часть из которого пригодна для геномного анализа.

Выделение древней ДНК проводили в специальных условиях, исключающих контаминацию современной ДНК, из растертой в порошок костной ткани человека с использованием протеиназы К (New England Biolabs) и кремниевых шариков (Sigma-Aldrich). Приготовление ДНК-библиотек проводили с использованием набора NEBNext Quick DNA Library Prep Master Mix set for 454 (New England BioLabs), используя адаптерные последовательности для секвенирования на приборах Illumina, согласно стандартному протоколу, предложенному производителем. Качество и концентрация библиотек определялись с помощью 2100 Bioanalyser (Agilent) и HS Quibit (Invitrogen). Для обогащения фракции мтДНК использовался набор FleXelect Mitochondrial DNA enrichment kit (Flexgen) с перекрытием олигонуклеотидных зондов от 10 % до 40 % (подробный список олигонуклеотидных зондов для обогащения мтДНК доступен по

Kuban-Expedition 2011, Leitung A. D. Rezepkin). Die untersuchten Reste datieren ins zweite Drittel – Ende des 4. Jt. v.Chr. Die Materialien dieser Denkmäler finden (nach den Formen der keramischen Gefäße und nach den Werkzeugtypen) zahlreiche Analogien in den Denkmälern der nordkaukasischen Majkop-Kultur. Bei den Ausgrabungen gewann man anthropologisches Material, von dem ein Teil für die Genomanalyse geeignet war.

Die Bestimmung der DNA erfolgte unter speziellen, die Kontamination mit rezenter DNA ausschließenden Bedingungen aus durch Proteinase K (New England Biolabs) und Kieselkörnchen (Sigma-Aldrich) gewonnenem Pulver menschlichen Knochengewebes. Die Aufbereitung einer DNA-Bibliothek wurde unter Anwendung der Garnitur NEBNext Quick DNA Library Prep Master Mix set for 454 (New England BioLabs) durchgeführt, wobei adaptierte Folgen für die Sequenzierung im Gerätetyp Illumina entsprechend dem vom Produzenten vorgegebenen Protokoll benutzt wurden. Qualität und Konzentration der Bibliotheken wurden mit Hilfe des 2100 Bioanalyser (Agilent) und HS Quibit (Invitrogen) bestimmt. Zur Anreicherung der Fraktion mtDNA wurde die Garnitur FleXelect Mitochondrial DNA enrichment kit (Flexgen) mit Überdeckung der oligonukleotiden Sonden von 10 bis 40 % verwendet. Die DNA-Bibliotheken wurden im Genomanalysator Illumina GAIIX

запросу). ДНК-библиотеки секвенировали на геномном анализаторе Illumina GAIIx с использованием парных чтений (paired-end sequencing) с длиной чтений 50 нуклеотидов.

Полученные чтения картировали на митохондриальный геном (NC_012920.1) с помощью программы Bowtie 2 версии 2.1.0 с параметром very-sensitive. Для проведения теста на древность ДНК использовали программу mapDamage 2.0. Согласно модели постмортальных изменений, построенной с помощью данной программы, было скорректировано качество тех позиций в чтениях, которые могут содержать модификации. Другими словами, нуклеотидам, которые могут быть результатом замены C>T или G>A, основываясь на модели, присваивалось худшее значение качества, чем в оригинальном чтении, и они не принимались во внимание при анализе однонуклеотидных полиморфизмов (ОП), характерных для исследуемого образца (пример работы программы представлен на рисунке 3 в приложении). Для поиска ОП применялось программное обеспечение VarScan версии 2.2.3, с помощью которого были отобраны ОП с p-value < 0.01. Митохондриальная гаплогруппа определялась по отобранным ОП, используя сервис HaploGrep. На настоящий момент примененные методы являются наиболее передовыми в области палеогеномики и обеспечивают максимальную достоверность полученных данных.

unter Verwendung paariger Lesungen (paired-end sequencing) mit einer Länge von 50 Nukleotiden sequenziert.

Die erzielten Ergebnisse wurden mit Hilfe des Programms Bowtie 2, Version 2.1.0 mit Parameter very-sensitive kartiert. Zur Durchführung des Testes auf das Alter der DNA wurde das Programm mapDamage 2.0 herangezogen. Nach dem mit Hilfe dieses Programms aufgebauten Modell postmortaler Veränderungen wurde die Qualität jener Positionen in den Lesungen korrigiert, in denen Modifikationen enthalten sein können. Mit anderen Worten: Den Nukleotiden, die Resultat der Veränderung C>T oder G>A sein können, wurde, basierend auf dem Modell, weniger Qualitätsbedeutung beigemessen als in der originalen Lesung; sie fanden bei der Analyse der für das Untersuchungsobjekt charakteristischen mononukleotidischen Polymorphismen (OP) keine Berücksichtigung. Zur Suche der OP diente das Sicherungsprogramm VarScan, Version 2.2.3, mit dessen Hilfe die OP mit p-value < 0.01 eliminiert wurden. Die mitochondriale Haplogruppe wurde nach den eliminierten OP mit Service HaploGrep bestimmt. Gegenwärtig sind die angewandten Methoden die auf dem Gebiet der Paläogenomik regelhaft angewandten, sie garantieren eine maximale Zuverlässigkeit der gewonnenen Angaben.

Die Vertreter der archäologischen Kulturen von Novosvobodnaja und

Представители новосвободненской и майкопской археологических культур обладают как «палеолитической» гаплогруппой (U8), так и «неолитическими» гаплогруппами: V (Недолужко и др. 2014), T2, N1. Также у одного из в одном захоронении из станицы Новосвободная нами выявлена гаплогруппа M52. Полученные данные могут говорить о возможно генетической общности (на уровне митохондриальной ДНК) майкопской и новосвободненской археологических культур.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13-06-12025 офу_м.

РОЛЬ КАВКАЗА В ФОРМИРОВАНИИ ГЕНЕТИЧЕСКОГО СОСТАВА ЕВРАЗИИ: ИДЕИ И ВОПРОСЫ В СВЯЗИ С ИЗУЧЕНИЕМ ДРЕВНЕЙ ДНК

Вольфганг Хаак

Институт изучения истории человека Общества Макса Планка, Йена, Германия

Последнее генетическое исследование в области автосомально и унипарентально унаследованных маркеров показало удивительную генетическую однородность кавказских популяций, несмотря на известное лингвистическое и культурное многообразие этого региона. По сравнению с соседними областями, плавный генетический переход от Ближнего/Среднего Востока к Кавказу абсолютно

Majkop verfügen sowohl über eine «paläolithische» Haplogruppe (U8) als auch über «neolithische» Haplogruppen: V (Недолужко u. a. 2014), T2, N1. Bei einem Objekt aus einem Grab bei der Staniza Novosvobodnaja fanden wir auch die Haplogruppe M52. Die gewonnenen Daten sprechen für eine (auf dem Niveau der mitochondrialen DNA) mögliche genetische Gemeinschaft der archäologischen Kulturen von Majkop und Novosvobodnaja.

* Diese Arbeit wurde von der Russische Stiftung für Grundlagenforschung (RFFI), Projektnummer 13-06-12025 офу_м, unterstützt.

THE ROLE OF THE CAUCASUS IN THE FORMATION OF THE EURASIA'S GENETIC MAKEUP: INSIGHTS AND QUESTIONS FROM ANCIENT DNA RESEARCH

Wolfgang Haak

Max Planck Institute for the Science of Human History, Jena, Germany

Recent genetic research on autosomal and uniparentally-inherited markers has shown a remarkable genetic uniformity of Caucasian populations despite the region's notable linguistic and cultural diversity. When compared to neighbouring regions, the smooth genetic transition from the Near/Middle East to the Caucasus is in stark contrast to the marked differences to populations from

контрастирует с явными различиями в популяциях восточноевропейских степей. Остается неясно в какой степени Кавказ, ограниченный Черным и Каспийским морями, мог служить коридором, и если да, то когда древние миграции затронули и сформировали генетический профиль региона. Недавнее исследование древней ДНК людей мезолита, неолита и бронзового века из Западной Евразии пролило новый свет на Кавказ как регион, сыгравший, как представляется, решающую роль в формировании генетической родословной ямного населения, скотоводов бронзового века восточноевропейских степей. Ямное население несет сильные сигналы родословной восточного охотника-собиравателя (EHG) и древней ближневосточной родословной, отличающейся от той, которая дала начало ранним европейским земледельцам. Несмотря на то, что современные армяне являются лучшим посредником предполагаемого источника населения EHG, растворившегося в степях, вполне вероятно, что доисторические культурные группы Кавказа обеспечат более хорошие временные и контекстные соответствия.

the East European steppes. Flanked by the Black and the Caspian Seas, it remains unclear to what extent the Caucasus served as a corridor and whether and if so when ancient migrations had affected and shaped the region's genetic profile. Ancient DNA research on Mesolithic, Neolithic and Bronze Age individuals from Western Eurasia have recently thrown fresh light on the Caucasus as region, which appears to have played a critical role in the formation of the genetic ancestry of the Yamnaya people, Bronze Age pastoralist of the east European steppes. The Yamnaya carry strong signals of eastern hunter-gatherer (EHG) ancestry and ancient Near Eastern ancestry that is different from the one that giving rise to early European farmers. While modern-day Armenians are the best proxy for the putative source population of the EHG dilution in the steppes, it is highly likely that pre-historic cultural groups from the Caucasus will provide a much better temporal and contextual fit.

ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРОСТРАНЕНИЕ МЫШЬЯКОВОЙ МЕДИ В IV ТЫС. ДО Н.Э.

Эрнст Перничка

Центр археометрии Курта Энгельхорна, Маннхайм / Институт наук о Земле, Хайдельбергский университет, Хайдельберг, Германия

Мышьяковая медь – важный сплав в развитии медной металлургии, обычно встречающийся в переходный период между использованием нелегированной меди и оловянной бронзы. Она была зафиксирована в таких разных регионах, как Пиренейский полуостров, Балканы, Британские острова, Сибирь, Средняя Азия и Южная Америка. В Старом свете Иран является исключением в своем длительном предпочтении мышьяковой меди, в то время как большинство окружающих регионов уже перешли на оловянную бронзу. Поскольку концентрации мышьяка в этом типе меди, как правило, варьируют в пределах приблизительно 0,5 и 5 %, предполагалось, что это не специальный сплав, а, скорее, указывает на использование медных руд, содержащих незначительные примеси мышьяка как второстепенного компонента. Было высказано предположение, что такие медные руды активно разыскивали и выборочно использовали для получения мышьяковой меди. В противовес этому было высказано мнение,

PRODUCTION AND DISTRIBUTION OF ARSENICAL COPPER IN THE 4TH MILL. BC

Ernst Pernička

Curt-Engelhorn-Zentrum Archäometrie, Mannheim / Institut für Geowissenschaften, Universität Heidelberg, Heidelberg, Deutschland

Arsenical copper is an important alloy in the development of copper metallurgy, typically occurring in a transition period between the uses of unalloyed copper and tin bronze. This pattern has been documented for such diverse regions as the Iberian Peninsula, the Balkans, the British Isles, Siberia, Central Asia, and South America. In the Old World, Iran is exceptional in its long-lasting preference for arsenical copper at a time when most surrounding regions had already switched to tin bronze. Because the concentrations of arsenic in this type of copper is usually quite variable between ca. 0.5 and 5 %, it was assumed that it does not represent an intentional alloy but rather indicates the use of copper ores that contain arsenic minerals as a minor component. It has been suggested that such copper ores were actively sought and selectively used to produce arsenical copper. Alternatively, it was suggested that arsenical copper was a chance product of different batches of copper ore and that the arsenical copper was selected for special purposes according to its different properties. Previous research has shown that

что мышьяковая медь была случайным продуктом различных партий медной руды, и что в соответствии с разными свойствами содержащая мышьяк медь отбиралась для особых целей. Предыдущее исследование показало, что получить мышьяковую медь можно различными способами, включая выплавку сложных сульфидно-мышьяковых руд (тетраэдрит и т. д.); выплавку медных руд, содержащих медно-мышьяковые минералы, а также путем присадок в медь или медную руду минералов, богатых мышьяком, таких как реальгар/аурипигмент, арсенипирит или леллингит. Совсем недавно было высказано предположение, что искусственный железо-мышьяковистый сплав, называемый шпейза, был получен в раннем бронзовом веке на Тепе Гиссар, Северный Иран, по-видимому, в качестве добавки в металлическую медь для производства мышьяковой меди. Даже с учетом, что находки шпейза сравнительно хорошо известны в различных медных мастерских раннего бронзового века, предполагается, что этот материал широко использовался и обменивался. Исследование в Тепе Гиссар базировалось на небольшом количестве находок из городской мастерской, что едва ли достаточно, чтобы можно было уверенно предположить регулярное, намеренное производство шпейза. Действительно, согласно современным металлургическим знаниям,

a number of different routes could lead to arsenical copper, including the smelting of complex sulph-arsenide ores (fahlore, etc.), the smelting of copper ores that contained copper-arsenide minerals, and the conscious addition of an arsenic-rich mineral such as realgar/orpiment, arsenopyrite or löllingite to copper metal or copper ore. More recently, it was proposed that an artificial iron-arsenic alloy, called speiss, was produced in Early Bronze Age Tepe Hissar, North Iran, presumably to be added to copper metal for the production of arsenical copper. Even though finds of speiss are relatively well-known from several EBA copper workshops, suggesting that this material was widely used and traded. The Tepe Hissar study was based on only a small number of finds from an urban workshop the hardly enough to postulate with confidence a regular, intentional speiss production. Indeed, modern conventional metallurgical wisdom has it that the production of speiss has to be avoided at almost all cost, since it is more harmful than useful for any practical purpose. It is therefore of considerable importance that recent excavations by the German Archaeological Institute at the EBA metallurgical site of Arisman in North-Western Iran have uncovered large quantities of slag derived from the routine production of speiss as a material in its own right in the context of arsenical copper production, but in

производства шпейза следует избегать почти во всех случаях, как более вредного, чем полезного продукта для всякой практической цели. Поэтому, большое значение имеет тот факт, что благодаря недавним раскопкам Германского археологического института на местонахождении металлургов раннего бронзового века в Арисмане, северо-западный Иран, было обнаружено большое количество шлака, полученного из обычного производства шпейза, как самостоятельного материала в контексте производства мышьяковой меди, так и в качестве независимой плавки, оставившей несколько тонн шлака.

В докладе будут представлены анализы различных типов шлаков, найденных на местонахождении раннего бронзового века Арисман в северо-западном Иране. Эти приблизительно 20 т шлака являются доказательствами устойчивого и крупномасштабного производства металла с использованием печей и тиглей. Результаты показывают, что производились как шпейза, железо-мышьяковистый сплав, так и мышьяковая медь, по-видимому, одновременно в одном и том же месте, но с использованием различных руд и процессов. Также будет представлена схема металлургических процессов, необходимых для производства этих сплавов мышьяка, и объяснено, почему шпейзу необходимо изготавливать из арсенопирита в отдельной ста-

an independent smelting operation leaving behind slag in the order of several tons.

The presentation will report on analyses of different slag types found at the Early Bronze Age site of Arisman in North-Western Iran. Here, an estimated 20 tons of slag provide evidence of sustained and large-scale production of metal, using both furnaces and crucibles. The results show that both speiss, an iron-arsenic alloy, and arsenical copper were produced, apparently side-by-side at the same site but using different ores and processes. Also an outline of the metallurgical processes involved in the production of these arsenic alloys and an explanation why speiss needed to be produced from arsenopyrite in a separate step, instead of using the mineral in its native form as a source for arsenic will be included. It is suggested that the speiss was added either to secondary copper ore or to separately smelted copper metal, in order finally to produce arsenical copper in a regular and well-controlled process.

дии, вместо того, чтобы использовать минерал в его природной форме как источник мышьяка. Предполагается, что шпейза была присажена к вторичной медной руде или к отдельно выплавленному металлу, чтобы в конечном итоге производить мышьяковую медь путем регулярного и хорошо управляемого процесса.

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ В ЭНЕОЛИТЕ – РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ НА СЕВЕРО- ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ*

Галина Н. Поплевко

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

В настоящей работе будет принята попытка сравнить и проанализировать технологию изготовления керамики в энеолите – раннем бронзовом веке на Северо-Западном Кавказе. Если 20 лет назад нам было известно всего несколько поселений майкопской культуры, то всплеск интереса к проблеме ее возникновения и формирования привели к открытию гораздо большего количества памятников. Это позволило более детально исследовать материальную культуру и продолжить дискуссии по многим проблемам ее генезиса. Все исследователи уделяли большое внимание изучению майкопской керамики из погребений и поселений Северного Кавка-

TECHNOLOGIE DER KERAMIKPRODUKTION VOM ÄNEOLITHIKUM BIS IN DIE FRÜHE BRONZEZEIT IM NORD- WESTKAUKASUS*

Galina N. Poplevko

Institut für Geschichte der Materiellen Kultur, RAW, Sankt Petersburg, Russland

Im vorgestellten Beitrag wird der Versuch unternommen, die Technologie der Herstellung von Keramik vom Äneolithikum bis in die Frühe Bronzezeit im Nord-Westkaukasus zu vergleichen. Vor 20 Jahre waren nur einige wenige Siedlungen der Majkop-Kultur bekannt, doch die Zunahme der Fundorte hat die Frage nach ihrer Formierung zunehmend in den Mittelpunkt gerückt. Sie lassen es zu, Details in der materiellen Kultur zu untersuchen und die Diskussionen um die Genese der Majkop-Kultur fortzusetzen. Viele Forscher untersuchten mit diesem Ziel die Keramik der Majkop-Kultur aus der Gräbern und Siedlungen im Vorkaukasus und im besonders aus den Denkmälern des nordwestlichen Kaukasus.

за в целом и особенно памятникам Северо-Западного Кавказа.

На Северо-Западном Кавказе есть три независимые традиции изготовления керамики, которые хорошо маркируют как степень взаимодействия носителей трех культур (майкопской, новосвободненской и закубанской энеолитической), так и позволяют выделить поселения с «чистыми» комплексами майкопской культуры. Комплексное исследование керамики из поселений и погребений данного региона показывает, что технология ее изготовления у представителей майкопской, новосвободненской и закубанской культур была разная. Наиболее детально автором изучена технология изготовления керамики майкопской культуры на материалах нескольких поселений. Первоначально было предложено 6 приемов лепки круглодонной керамики (Поплевко 2012; 2013а-г; 2014а-г). Четыре из них зафиксированы на фрагментах майкопской керамики, однако этнографическое исследование по изготовлению керамики ручным способом существенно расширили и дополнили возможные технологические приемы лепки древней керамики. В частности, это касается такого технологического приема как выколотка (выбивка) керамики, а также использование сочетания двух разных приемов лепки при изготовлении сосудов.

Существенным дополнением для реконструкции древней техно-

In nordwestlichem Kaukasus gibt es drei unabhängige Traditionen in der Herstellung von Keramik, die die Wechselwirkung der drei Kulturen Majkop, Novosvobodnaja und des Kuban Äneolithikum gut wieder spiegeln. Die Analyse der Keramik aus Siedlungen und Gräbern zeigt, dass die Technologie ihrer Herstellung bei den Kulturen verschieden war. Am ausführlichsten hat die Autorin die Technologie der Majkop-Keramik studiert. Dabei wurden sechs Aufnahmekriterien gewählt (Поплевко 2012; 2013а-г; 2014а-г), wovon sich aber nur vier von originaler Keramik der Majkop-Kultur ableiten lassen, die übrigen wurden durch eine Ausweitung der Untersuchung um ethnographische Parallelen ergänzt. Die betrifft vor allem Kriterien zur Aufnahmen der Verwendung der Keramikplatten- oder Wulsttechnik bei rundbodigen Gefäßen.

Eine wesentliche Ergänzung für die Rekonstruktion der prähistorischen Technologie sind moderne ethnographische Beobachtung zur Herstellung rundbodiger Gefäße aus einem Stück Ton. Die Wandung der Gefäße kann dabei auf verschiedene Weise hergestellt werden. Zudem lassen sich Magerungspräferenzen feststellen: Keramik ohne Beimischung, Magerung mit Schamott, selten mit Sand und zerstoßenem Quarzit. Das Brennen wurde in Hochtemperaturöfen durchgeführt, aber es ist auch möglich, die Gefäße im offenen

логии являются современные этнографические наблюдения за изготовлением круглодонных сосудов из одного куска глины. Лепка сосуда из одного куска может быть выполнена несколькими способами с сочетанием разных приемов. Помимо керамики без примеси, встречается примесь шамота, редко песка и толченого кварцита. Обжиг высокотемпературный проводился в печах, но возможно, часть сосудов обжигалась в кострах с использованием соломы или камыша. Не исключено использование и частичной обмазки тонким слоем сложенной в кучу и покрытой соломой керамики влажной глиной до начала ее обжига. Сейчас мы экспериментально моделируем и изучаем эти варианты обжига.

Лепка сосудов новосвободненской культуры велась ручным способом с помощью лент разной ширины. Для наиболее изящных форм чернолощеной посуды возможно использование техники выколотки после ручной лепки. Стенки сосудов очень тонкие. Велика вероятность использования формы-основы при лепке сосудов. Керамика вся плоскодонная. Экспериментально были получены некоторые формы сосудов. Причем в процессе формовки от венчика (лепка велась от венчика вверх к придонной части) и последующей выколотки стенок и дна форма сосуда имела округлое донце, но при установлении ее на дно, оно

Herdbrand hergestellt wurden. Die Autorin unternimmt dazu experimenteller Produktions- und Brennversuche.

Die Herstellung von Gefäßen der Novosvobodnaja-Kultur geschah mit Hilfe von Tonwülsten in verschiedener Breite. Die feinsten Formen der schwarzpolierten Gefäße wurden nachdem sie von Hand aufgebaut waren, geklopft. Daher sind die Wände sehr dünn. Auch die Nutzung von Modellen zur Herstellung von Gefäßen ist wahrscheinlich. Bei den im Experiment nachgeformten Gefäßen zeigt sich, dass das Aufbauen vom Rand aus begann und dann mit dem Klopfer die gewünschte Form bis zum runden Boden erzeugt wurde. Zur Magerung wurde hier kleingeschlagener Kalkstein verwandt und es kamen verschiedene, gut vorbereitete Tone zum Einsatz. Die Analyse von Keramikfragmenten mit Hilfe petrographischer Analyse durch Marianna A. Kulkova haben die breite Praxis eines Hochtemperaturbrandes (von 850° bis zu 1100°) bestätigt. Wahrscheinlich wurde das Brennen in Öfen oder als offener Brand in Gruben unter Ausnutzung von Stroh und Schilfe durchgeführt. Weiter experimentelle-trassologische Studien, sowie werden die Modellierung und das Brennen sollen helfen, diese Annahme zu bestätigen.

Die Keramik der Siedlung äneolithischen Mešoko ist in den unteren Schichten ebenfalls rundbodig. Der Ton ist sehr dicht,

слегка «проседало» образуя уплощенную форму. В качестве примесей используется мелкотолченый известняк, глины используются разные, но хорошо подготовленные.

Исследования фрагментов керамики с помощью петрографического анализа М. А. Кульковой подтвердили широкую практику высокотемпературного обжига керамики (от 850° до 1100°). Вероятно, обжиг проводили в печах либо костровым способом в открытых ямах с использованием для обжига соломы и камыша, которые дают высокую температуру обжига. Дальнейшие экспериментально-трассологические исследования материалов, а также моделирование и обжиг сосудов помогут более точно определить это предположение.

Керамика поселения Мешоко закубанской энеолитической культуры в нижнем его слое округлодонная. Тесто плотное, с большим количеством мелкотолченого кварцита. Керамика такого типа изготавливается только с помощью техники выколотки с использованием формы-основы, поскольку формовка сосудов с такой большой концентрацией кварцита весьма затруднительна. Тесто очень плотное, что возможно получить лишь при тщательной выколотке всей поверхности, можно сказать проковке ее каменными орудиями с обеих сторон. Следует особо отметить, что поверхность керамики как снаружи, так и изнутри хоро-

mit großer Menge zerschlagenen Quarzits. Die Keramik solchen Typs konnte nur mit Hilfe der Technik von ausgeschlagenen Keramikplatten und der Nutzung von Modeln hergestellt werden, da das Formen von Behälter mit einer solchen großen Konzentration von Quarzit sehr schwierig ist. In diesem Fall lassen sich glatte Oberflächen nur mit Hilfe von Steinwerkzeugen herstellen, die von beiden Seiten eingesetzt werden. Die Oberfläche der Keramik ist außen, wie innen sehr gut geglättet und fast bis zur Siegelung poliert. Nach den Beobachtungen aus der Ethnografie werden die Wände solcher Gefäßen mit Hilfe von Steinkeulen der Ton von außen geschlagen, während man innen Steinkiesel dagegen hält und damit die gesamte Wand bearbeitet. Dazu müssen die Kiesel während des gesamten Prozesses immer wieder befeuchtet werden, woraus sich die geglättet bis polierte Oberflächen ableiteten, weil sich durch das Befeuchten und Glätten feine Tone an der Oberfläche absetzen. Nach der Formung wird die schwach angetrocknete Oberfläche der Gefäße mit Glättknochen oder Flusskieselstein bearbeitet.

In der oberen Schicht von Mešoko ändert sich die Magerung der Keramik. Sie enthält nun einen großen Anteil an Kalksteingrus und der Boden der Gefäße ist flach. Auch diese Gefäße wurden aus Keramikplatten, jedoch ohne Polieren der Oberfläche hergestellt. Auch hier sind die Wände aber gut geglättet und es

шо залощена до зеркальной заполировки. Этот прием используют по данным этнографии при изготовлении сосудов техникой выколотки с помощью каменного песта снаружи и каменной гальки-подставки изнутри для многократной проковки всей поверхности стенок сосудов. При этом галька-подставка в процессе выколотки постоянно увлажняется для лучшего скольжения по стенкам сосуда, в результате изнутри формируется залощенная, заполированная поверхность. После выколотки внешнюю поверхность сосуда разглаживают каменным пестом, периодически смачивая его водой для лучшего скольжения по ней и формируя слой отмученной глины снаружи. Внешняя стенка сосуда при этом становится заполированной. Остальную доводку внешней поверхности сосудов проводят по слабо просушенной поверхности сосудов костяными лощилами либо речной галькой. В верхнем слое поселения Мешоко керамика имеет большую примесь известняка, дно сосудов плоское. Сосуды изготавливались техникой выколотки, но без полировки поверхности. Стенки хорошо заглажены, но на них нет такой яркой заполировки как на сосудах из нижнего слоя. О высокой температуре обжига свидетельствуют многочисленные поры от выгоревшей органики и известняка. Цвет керамики в нижнем слое темно-серый или коричневого оттенка, а в верхнем слое

gibt auch hell polierte Stücke, wie aus der unteren Schicht.

Hohe Brenntemperaturen zeigen die Abdrücke der beigemenigten Organik und die Chemie der Kalksteinmagerung. Vermutlich wurde sie im offenen Herdbrand hergestellt. Die Farbe der Keramik in der unteren Schicht ist dunkel-grau oder braun, während sie in der oberen Schicht grau oder hell-grau ist.

* Diese Arbeit wurde von der Russische Stiftung für Grundlagenforschung (RFFI), Projektnummern 14-06-00106a und 14-06-00113a, unterstützt.

серый или светло-серый. Пока можно предположить, что обжиг проводился костровым способом в ямах. Дальнейшие экспериментально-трасологические исследования керамики этих культур помогут более детально представить реконструкцию древней технологии ее изготовления.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 14-06-00106а и № 14-06-00113а.

ОБСИДИАН АРМЕНИИ В КОНТЕКСТЕ ЛОКАЛЬНЫХ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Рубен С. Бадалян

*Институт археологии и этнографии
НАН, Ереван, Республика Армения*

За последние тридцать лет благодаря реализации ряда международных проектов различными высокоточными (прецизионными) методами (NAA, XRF, LA-ICP-MS) было исследовано более 700 геологических образцов обсидиана и свыше 2000 артефактов и образцов сырья из археологических контекстов (палеолит – ранний железный век). Наличие достаточно полной геохимической характеристики 22 месторождений северо-восточной части Армянского нагорья позволило определить основные закономерности распространения обсидиана из источников на территории Республики Армения в неолите – бронзовом веке.

В настоящем докладе рассматриваются модели распростране-

DER OBSIDIAN ARMENIENS IM KONTEXT LOKALER UND INTERREGIONALER VERBINDUNGEN

Ruben S. Badaljan

Institut für Archäologie und Ethnographie, NAW, Jerewan, Republik Armenien

In den letzten 30 Jahren wurden im Rahmen einer Reihe internationaler Projekte mit verschiedenen naturwissenschaftlichen Methoden (NAA, XRF, LA-ICP-MS) mehr als 700 geologische Obsidianmuster und mehr als 2000 Obsidian-Artefakte sowie Rohstoffreste aus archäologischen Kontexten (Paläolithikum – frühe Eisenzeit) Armeniens untersucht. Da eine fast vollständige geochemische Charakteristik von 22 Lagerstätten im Nordostteil des armenischen Hochlandes mittlerweile vorliegt, ist es möglich, Gesetzmäßigkeiten in der Verbreitung von Obsidian aus Fundstellen in der Republik Armenien vom Neolithikum bis zur Bronzezeit zu bestimmen.

ния обсидиана как внутри достаточно гомогенного культурного и географического региона (в границах которого изделия из обсидиана составляют более 95 % каменного инвентаря), так и за его пределами. Практически все известные месторождения обсидиана являлись в той или иной степени объектом эксплуатации на протяжении палеолита – железного века. Степень их значимости зависела от качества обсидиана, размера месторождения и наличия сопутствующих природных ресурсов, прежде всего пастбищ. Максимальный радиус распространения (~ 1500 км) зафиксирован для обсидианов удаленных и труднодоступных месторождений Сюникской (Воротанской) группы, расположенных в зоне летних пастбищ на высоте 2600–3000/3200 м над уровнем моря, доступ к которым возможен лишь на протяжении 4–5 месяцев. Месторождения, обсидиан которых содержит большое количество микрофенокристаллов и сферолитов (Хорапор), характеризуются высокой степенью перлитизации (Мец Артени), отрицательно влияющих на физико-механические свойства сырья. Очевидно, они целенаправленно не эксплуатировались, а лишь эпизодически посещались.

Поступление обсидиана происходило в основном в русле контактов, обусловленных экономической потребностью в этом виде сырья. Перемещение основного

Im Vortrag werden Modelle zur Verbreitung von Obsidian Rohmaterial sowohl innerhalb dieser geographisch und kulturell recht homogenen Region (in deren Grenzen Artefakte aus Obsidian mehr als 95 % des Steininventars bilden) als auch jenseits ihrer Grenzen behandelt. In dem einen oder anderen Grade erwiesen sich praktisch alle bekannten Obsidianlagerstätten vom Paläolithikum bis zur Eisenzeit als Rohstoffquellen. Ihre Bedeutung hing jeweils von der Qualität des Obsidians, der Größe des Vorkommens und den natürlichen Begleitressourcen, vor allem den zur Verfügung stehenden Weidegebieten, ab. Der maximale Verbreitungsradius (ca. 1500 km) wurde für die Obsidiane aus den entlegenen und schwer zugänglichen, nur für 4–5 Monate zugänglichen Lagerstätten der Sjunik- (Vorotanskij-) Gruppe festgestellt. Sie liegt in der Zone der Sommerweiden auf 2600–3000/3200 m über Meereshöhe. Die Lagerstätten, deren Obsidian eine große Menge Mikrophenokristalle und Sphärolithe (Chorapor) enthalten, sind durch einen hohen Grad an Perlithisation (Mez Arteni) charakterisiert, was sich auf die physiko-mechanischen Eigenschaften des Rohstoffs negativ auswirkt. Sie wurden offenbar nur episodisch ausgebeutet.

In Verkehr gelangter Obsidian vor allem durch den hohen ökonomischen Bedarf an dieser Rohstoffart. Das 30–60 km, manchmal bis 200 km große Hauptvorkommen lag in der

объема сырья происходило внутри зоны вулканических нагорий в пределах 30–60 км, иногда до 200 км. В большинстве случаев наблюдается одновременное использование 3–8 (иногда 10) источников при преобладании (50–80 % сырья) одного. Исключительная ориентация на единственный источник присуща либо поселениям на периферии зоны вулканических нагорий, либо поселениям непосредственно в районах выхода сырья. Очевидно, что в абсолютном большинстве случаев направления и масштабы распространения обсидиана детерминированы в первую очередь геолого-географическими реалиями, то есть, обусловлены местонахождением конкретного памятника в системе источников.

За пределами вулканической зоны масштабы диффузии обсидиана варьируют от массового регулярного поступления (памятники VI–IV тыс. до н.э. бассейна оз. Урмия) до спорадических эпизодических привнесений в области традиционно кремневой индустрии (черноморское и каспийское побережья Кавказа, дистанции до 450 км).

Очевидно, распространение обсидиана протекало также в рамках связей неэкономического порядка или, во всяком случае, не связанных непосредственно с регулярной обсидиановой торговлей. Находки образцов обсидианов из месторождений Армении (Артени,

Zone des vulkanischen Hochlandes Armeniens. In der Mehrzahl der Fälle wurde gleichzeitig die Nutzung von 3–8 (manchmal 10) Lagerstätten festgestellt, wobei häufig eine dominiert (50–80 %). Die ausschließliche Orientierung auf eine einzige Quelle ist für die Siedlungen an der Peripherie des Hochlandes und in unmittelbarer Nähe der Rohstofflagerstätten charakteristisch. In den meisten Fällen waren Richtung und Verbreitung des Obsidians offenbar in erster Linie durch die geologisch-geographischen Realien determiniert, d.h. durch die Lage eines konkreten Denkmals im System der Vorkommen bedingt.

Außerhalb der Grenzen der vulkanischen Zone variieren die Intensitäten in der Verbreitung von regulärem, massenhaftem Auftreten (Denkmäler des 6.–4. Jt. v. Chr. im Bassin der Urmia-Sees) bis zu sporadischem Auftreten in Bereichen mit traditionellen Feuersteinindustrie (kaukasische Uferbereiche des Schwarzen und des Kaspischen Meeres, bis 450 km Entfernung).

Die Verbreitung von Obsidian erfolgte offenbar auch im außerökonomischen, nicht unmittelbar mit dem regulären Obsidianhandel verbundenen Rahmen. Die Funde von Obsidian aus armenischen Vorkommen (Arteni, Gutansar, Mez Satanakar, Sevkar) weit außerhalb der Grenzen der kulturell-geographischen Region Kaukasiens in Denkmälern Südwest-Irans (Tal-i Maljan), der Troas (Eni-Bademli),

Гутансар, Мец Сатанакар, Севкар) далеко за пределами культурных и географических рамок региона на памятниках юго-западного Ирана (Тал-и Мальян), Трояды (Ени-Бадемли), Приазовья – бассейна нижнего течения р. Днепр (Лысая Гора), в 1250–1650 км от источников, как представляется, обусловлены отнюдь не потребностью местного населения в сырье. Скорее они выглядят сопутствующим эффектом более или менее масштабных передвижений людских коллективов и расширения ареалов культурных явлений.

Регулярная инфильтрация на протяжении VI–II тыс. до н.э. единичных образцов обсидиана на поселения к северу от р. Аракс, обеспеченные собственной сырьевой базой, из источников сопредельных областей Армянского нагорья (бассейн оз. Ван, Эрзрум – Сарыкамыш), также представляется экономически не мотивированной. Сочетание на ряде поселений находок халафской керамики и импортного обсидиана (Араташен, Акнашен, Нахичеванский Кюльтепе) позволяет предположить, что инфильтрация последнего имела место в русле поступления халафской керамики.

По данным диахронных серий на каждом хронологическом срезе наблюдается рост числа эксплуатируемых источников обсидиана, имевший место на фоне возрастания роли металла. Представляется, что он обусловлен не потребо-

des Asov-Gebiets und des unteren Dneprlaufes (Lysaja Gora) in 1250–1650 km Entfernung von den Lagerstätten ist offenbar nicht durch den Bedarf der Lokalbevölkerung an Obsidian bedingt. Sie sind eher ein Begleiteffekt von mehr oder weniger bedeutender Wanderungen und Arealerweiterungen kultureller Erscheinungen.

Das im 6.–2. Jt. v. Chr. reguläre Auftreten einzelner Siedlungen nördlich des Arax mit Obsidianobjekte aus Lagerstätten des armenischen Hochlandes (Bassin des Van-Sees, Erzurum – Sarykamysch) in ist ökonomisch ebenfalls nicht motiviert, das sie eigene Rohmaterialquellen hatten. Dass in einer Reihe von Siedlungen (Arataschen, Aknaschen, Nachičevanskij Kjul'tepe) Halaf-Keramik in Verbindung mit Importobsidian auftritt, lässt die Annahme zu, dass die der Import letzterer im Zusammenhang mit dem Auftreten der Halaf-Kontakten erfolgt ist.

Nach den diachronen Serien ist in jedem chronologischen Querschnitt vor dem Hintergrund der zunehmenden Rolle des Metalls während der Bronzezeit auch ein Anwachsen der Zahl der ausgebeuteten Obsidianlagerstätten zu beobachten. Denkbar ist, dass das nicht durch den Bedarf an neuen Quellen für Obsidian bedingt war, sondern eine Folge der Verbreitung und der Veränderung der geographischen Kontakte ist, durch die sich der Zugang zu neuen Lagerstätten erschloss. Ähnliche

стью в новых источниках обсидианового сырья, а является следствием расширения или изменения географии связей, в русле которых открывался доступ к новым месторождениям. Подобные явления, очевидно, порождены целым набором факторов, часть которых лишь косвенно связана с экономической деятельностью. Вероятно, причины подобных явлений могли заключаться в изменении культурной, политической, экономической конъюнктуры и должны быть объяснены в контексте конкретной исторической ситуации.

СТРАТЕГИИ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ПИТАНИЯ В СТЕПЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В 3500–2500 ГГ. ДО Н.Э.

Эльке Кайзер¹, Симона Милето²

¹ Институт доисторической археологии, Свободный университет Берлина, Берлин, Германия

² Экселенс кластер ТООИ, Берлин, Германия

Степи Северного Причерноморья – засушливая зона, более подходящая для животноводства, чем для занятия земледелием. В 1960-е гг. Н. Я. Мерперт представил системную концепцию, согласно которой население, оставившее погребения ямной культуры, впервые эффективно использовало стратегию существования, основанную на содержании крупного рогатого скота. Согласно Мерперту, в этот период

Erscheinungen wurden offenbar durch eine ganze Reihe von Faktoren hervorgerufen, von denen ein Teil möglicherweise nur indirekt mit der ökonomischen Sphäre verbunden war. Die Ursachen solcher Erscheinungen könnten in Veränderungen der kulturellen, politischen und ökonomischen Konjunktur bestanden haben und müssten im Kontext der konkreten historischen Situation erklärt werden.

SUBSISTENZ- UND ERNÄHRUNGSSTRATEGIEN IN DER NORDPONTISCHEN STEPPE ZWISCHEN 3500 UND 2500 V.CHR.

Elke Kaiser¹, Simona Mileto²

¹ Institut für Prähistorische Archäologie, Freie Universität Berlin, Berlin, Deutschland

² Exzellenzcluster TOPOI, Berlin, Deutschland

Die nordpontischen Steppe ist eine aride Vegetationszone, die als prädestiniert für Viehzucht, weniger für agrarisches Wirtschaften gilt. In den 1960er Jahren hat N. Ja. Merpert ein vielschichtiges Konzept erarbeitet, dem zufolge den Populationen, die durch die Gräber der Jamnaja-Kultur archäologisch beschrieben werden, erstmals eine effiziente Subsistenzweise gelang, indem die Menschen sich vor allem auf die

степи могли и должны в значительной степени быть освоены из-за постоянной потребности в новых пастбищах, что способствовало мобильному образу жизни больших групп населения.

Лишь по некоторым признакам можно проверить достоверность концепции Мерперта, которую приняли и развили дальше многие исследователи. Наряду с другими причинами отметим ограниченное количество известных и раскопанных поселений позднего энеолита и раннего бронзового века. В течение нескольких лет наша исследовательская группа в Экселенс кластер ТООПИ, Берлин, проводит молекулярно-биологические и химические анализы, чтобы получить новые достоверные данные для выявления способа жизни и режима питания в 3500–2500 гг. до н.э. На конференции мы больше уделим внимание результатам, касающихся режима питания. В работе над своей диссертацией Симона Милето исследует органические жировые остатки на фрагментах керамики из поселений, расположенных на Среднем и Нижнем Днепре. Мы представим первые результаты этого проекта.

Haltung von Hornvieh verlegten. Die Steppe konnte und musste Merpert zufolge in dieser Zeit weitgehend erschlossen werden, da ständig neue Weidegründe erforderlich waren, was mit einer mobilen Lebensweise zumindest von großen Teilen der Bevölkerung einhergegangen sein soll.

Es lagen und liegen bislang nur wenige archäologische Indizien vor, anhand derer das von vielen Forschern akzeptierte und ergänzte Konzept Merperts auf seine Plausibilität hin geprüft werden konnte. Das hängt unter anderem mit der begrenzten Anzahl an erhaltenen und bislang untersuchten Siedlungen für das ausgehende Äneolithikum und die frühe Bronzezeit zusammen. Seit einigen Jahren führt unsere Forschungsgruppe im Exzellenzcluster ТООПИ, Berlin, molekularbiologische und chemische Analyseprogramme durch, um neue Proxydaten für die Erschließung der Subsistenz- und Ernährungsweise zwischen 3500 und 2500 v.Chr. zu ermitteln. Auf der Tagung gehen wir insbesondere auf die Ergebnisse bezüglich der Ernährung ein. In ihrem Promotionsvorhaben untersucht Simona Mileto die organischen Fettrückstände in Keramikfragmenten, die aus im mittleren und unteren Dneprlauf gelegenen Siedlungen stammen. Wir stellen erste Resultate dieses Projektes vor.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СЕЗОННЫХ И ДЛИТЕЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ И СЕВЕРНОГО КAVKAZA В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ ПО ДАННЫМ ГЕОХИМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА*

Наталья И. Шишлина

Отдел археологических памятников, Государственный исторический музей, Москва, Россия

Подвижный характер скотоводческого хозяйства предполагает перемещения внутри освоенной пастбищной территории, продуктивность которой определяется обилием корма. При сокращении ресурсной базы пастушеские группы становились более мобильными и, используя природные ресурсы конкретной ландшафтно-экологической ниши, могли переместиться в другую местность – с иными ландшафтными и геохимическими характеристиками. Вместе с ними перемещались и домашние животные.

Масс-спектрометрические исследования человека и животного помогают установить их уникальные геохимические характеристики, связанные с местом рождения и местообитанием на протяжении жизни, уточняя ареалы культур; вероятные места выпаса домашних животных; освоенные природные ресурсы. В наземных и водных экосистемах на каждом участке пищевой цепи происходит обога-

IDENTIFIKATION DER SAISONALEN UND STÄNDIGEN MIGRATIONEN DER BEVÖLKERUNG DER SÜDRUSSISCHEN STEPPEN UND NORDKAUKASIENS IN DER BRONZEZEIT NACH ANGABEN DER GEOCHEMISCHEN ANALYSE*

Natalija I. Šišlina

Abteilung der archäologischen Denkmäler, Staatliches Historisches Museum, Moskau, Russland

Der mobile Charakter der Viehzuchtwirtschaft setzt Translokationen innerhalb des genutzten Weideterminiums voraus, dessen Produktivität durch das quantitative Nahrungsangebot bestimmt wird. Bei Rückgang der Ressourcenbasis wurden Hirtengruppen mobiler und konnten unter Nutzung der natürlichen Ressourcen der konkreten landschaftlich-ökologischen Nische in eine andere Lokalität mit anderen landschaftlichen und geochemischen Charakteristiken wechseln. Im Zusammenhang damit veränderten sich auch die Haustiere.

Die massenspektrometrischen Untersuchungen von Mensch und Tier helfen dabei, deren mit Geburtsort und lebenslangem Aufenthalt verbundenen unikalen geochemischen Charakteristiken festzustellen, indem sie die Kulturareale, die wahrscheinlichen Weidegebiete der Haustiere und die genutzten natürlichen Ressourcen präzisieren. In den Land- und Wasseröko-

щение изотопами ^{13}C и ^{15}N . $\delta^{13}\text{C}=-20\%$ в коллагене костей человека указывает на преимущественное употребление растений C_3 и мяса/молока травоядных животных. $\delta^{13}\text{C}=-12\%$ означает, что человек ел либо морепродукты, либо растения C_4 .

Измерения изотопного состава азота и углерода в коллагене кости более 180 индивидов, проживавших на территории степи и Северного Кавказа в эпоху бронзы, позволили предложить модели системы питания с разными пищевыми компонентами. «Изотопная подпись» жителей степи (средние значения $\delta^{13}\text{C}=-18.5\%$, $\delta^{15}\text{N}=+14.0\%$) представляет широкий диапазон значений изотопного состава углерода и азота в их костях. Они указывают, что мясо/молоко травоядных животных, речная и озерная рыба, моллюски, растения C_3 были основной едой местных жителей на протяжении энеолита, ранней и средней бронзы. Употребление рыбы подтверждается влиянием резервуарного эффекта на ^{14}C возраст, полученный по костям человека.

Система питания жителей, проживавших в это время на Северном Кавказе, была иной. Это отразилось на изотопном сигнале: средние значения $\delta^{13}\text{C}=-20.0\%$, $\delta^{15}\text{N}=+10.0\%$: среди продуктов питания преобладали мясо/молоко травоядных животных и растения C_3 , однако, присутствовала и рыба.

systemen kommt es in jedem Abschnitt der Nahrungskette zu einer Anreicherung mit den Isotopen ^{13}C und ^{15}N . $\delta^{13}\text{C}=-20\%$ im Kollagen der Knochen des Menschen weist auf vorwiegende Verwendung von Pflanzen C_3 und Fetten/Milch grasfressender Tiere hin. $\delta^{13}\text{C}=-12\%$ bedeutet, dass der Mensch entweder Meeresprodukte oder Pflanzen C_4 gegessen hat.

Die Messungen des Isotopenbestandes an Stickstoff und Kohlenstoff im Kollagen der Knochen von mehr als 180 Individuen, die in der Bronzezeit im Steppengebiet und in Nordkaukasien gelebt haben, erlaubten es, Modelle des Ernährungssystems mit verschiedenen Komponenten zu erstellen. Die «Isotopenunterschrift» der Steppenbewohner (Mittelwerte $\delta^{13}\text{C}=-18.5\%$, $\delta^{15}\text{N}=+14.0\%$) bietet ein breiter Aufgabenbereich des in ihren Knochen enthaltenen Bestandes an Stickstoff und Kohlenstoff. Das weist darauf hin, dass Fett/Milch grasfressender Tiere, Fluss- und Teichfische, Mollusken und Pflanzen C_3 die Hauptnahrung der Lokalbevölkerung im Äneolithikum und in der frühen und mittleren Bronzezeit gewesen sind.

Das Ernährungssystem der in dieser Zeit in Nordkaukasien lebenden Menschen war ein anderes. Das findet im Isotopensignal wieder: Mittelwerte $\delta^{13}\text{C}=-20.0\%$, $\delta^{15}\text{N}=+10.0\%$. Unter den Nahrungsmitteln überwiegen Fett/Milch von grasfressender Tiere, die sich von C_3 -Pflanzen

На Северном Кавказе и в степи выделяется небольшая группа индивидов, изотопный состав в коллагене костей которых не соответствует ни одной из двух моделей. Высокие значения стабильных изотопов азота и углерода в таких образцах может трактоваться либо как результат употребления морепродуктов, либо проживания в последние 15 лет жизни в особом природно-климатическом ландшафте, отразившемся на изотопной подписи, где преобладали пастбищные системы смешанного типа (C_3 и C_4 растения) или растения C_4 . Была предложена гипотеза, согласно которой по особому изотопному сигналу в костях человека можно определить сезонные перекочевки и идентифицировать переселение отдельных индивидов из Северного Кавказа в степь и обратно.

Подобные вариации изотопного состава азота и углерода отмечены и в образцах домашних животных. Пастбищные, или водозависимые, животные, отличаются по изотопному сигналу от водонезависимых, питающихся листьями. Сравнительный анализ изотопного состава животных из степных и северокавказских памятников (140 образцов) позволил предположить, что их выпас мог производиться на открытых пастбищах с разнообразными растительными ассоциациями: типичных степных с растениями C_3 ; аридных C_3 ; смешанных с C_3 и C_4 растительностью; с преобла-

ernährt haben, obwohl auch Fisch vorkommt.

In beiden Untersuchungsgebieten gibt es eine kleine Gruppe von Individuen, deren Knochenkollagenbestand keiner der beiden genannten Modelle entspricht. Die hohen Werte stabiler Stickstoff- und Kohlenstoffisotope in diesen Objekten kann man entweder als Resultat des Verzehrs von Meeresprodukten oder des Aufenthalts in den letzten 15 Lebensjahren in einer sich in der Isotopenunterschrift widerspiegelnden besonderen natürlich-klimatischen Landschaft mit Weidesystemen vorwiegend gemischten Typs (mit Pflanzen C_3 und C_4 oder mit Pflanzen C_4) auffassen. Nach einer vorgeschlagenen Hypothese kann man nach dem besonderen Isotopensignal in den Knochen des Menschen saisonale Weidemobilität feststellen und die Wanderung einzelner Individuen aus Nordkaukasien in die Steppe und umgekehrt identifizieren.

Ähnliche Variationen des Isotopenbestandes an Stickstoff und Kohlenstoff finden sich auch bei den Haustieren. Wasserabhängige Grasfresser unterscheiden sich dem Isotopensignal nach von wasserunabhängigen Laubfressern. Die vergleichende Analyse des Isotopenbestandes von 140 Tieren aus Steppen- und nordkaukasischen Denkmälern erlaubte die Annahme, dass sie auf offenen Weiden mit verschiedenartigen Pflanzenassoziationen gehalten wurden:

данием C_4 ; предгорных и горных лесных с преобладанием C_3 растений. Присутствие в одном погребении костей животных с разной «изотопной меткой» указывает либо на использование отдельными коллективами пастбищ, располагавшихся в нескольких регионах, либо на различия в экономической стратегии, связанной с таким содержанием домашних животных как стойловое или пастбищное, а также с вероятной заготовкой сена.

Данные вариаций изотопов стронция в эмали погребенных в степи людей подтверждают, что некоторые из них были неместными, а сравнение полученных данных с $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ позволяет предложить маршруты перемещений человека и домашних животных.

Получены первые результаты по степным открытым стоянкам пастухов, расположенных в балочной системе Кумо-Манычской впадины и Сальско-Манычской гряды. Во время стационарных периодов проживания на них животные выпасались на ограниченной территории. Однако вариативность «изотопной подписи» в костях домашних животных, найденных в слое таких кратковременных поселений, подтверждает гипотезу о сезонных перемещениях групп внутри обширных регионов, включающих, возможно, и степные, и предгорные районы Северного Кавказа.

Auf Steppenweiden sind Pflanzen C_3 typisch, auf ariden C_3 , auf gemischten C_3 und C_4 , überwiegend C_4 , auf Vorgebirgs- und Bergweiden überwiegend C_3 . Dass sich in einem Grab Tierknochen mit verschiedenem «Isotopenmarken» fanden, weist entweder auf Nutzung der Weiden durch einzelne Kollektive oder auf Unterschiede in der ökonomischen Strategie hin, die mit der Haltung der Haustiere als Stall- oder Weidevieh und auch mit mutmaßlicher Heubeschaffung in Verbindung stand.

Die Angaben der Strontium-Isotopenvariationen im Zahnschmelz von in der Steppe Bestatteten bestätigen, dass einige von ihnen keine Einheimischen waren. Der Vergleich der gewonnenen Angaben mit $\delta^{13}C$ und $\delta^{15}N$ ermöglicht es, die Routen von Mensch und Tier zu skizzieren.

Erste Resultate liegen zu den offenen Steppenlagern der Hirten im System der Kumo-Manyč-Senke und der Salsko-Manyč-Kette vor. Während der stationären Perioden weideten die Tiere auf einem begrenzten Gebiet. Die Variabilität der «Isotopenunterschrift» in den Knochen der in der Schicht solcher kurzzeitigen Siedlungen gefundenen Tiere bestätigt die Hypothese von saisonal in weiträumigen, möglicherweise sowohl die Steppen- als auch die Vorgebirgszone Nordkaukasiens einschließenden Regionen wandernden Gruppen.

Die Kartographieren der geochemischen Angaben und ihr

Картографирование геохимических данных и сопоставление их с результатами традиционного археологического анализа (погребальный обряд, инвентарь), с данными по сезону совершения погребения и другими источниками позволяет оценить уровень мобильности населения. В докладе приводятся примеры с использованием материалов майкопской, катакомбной и лолинской археологических культур.

* Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 13-06-12003 офи_м и № 15-06-01291.

Vergleich mit den Ergebnissen der traditionellen archäologischen Analyse (Bestattungsordnung, Inventar), mit den Angaben zur Saison der Bestattung und mit anderen Quellen erlauben es, den Grad der Mobilität der Bevölkerung einzuschätzen. Im Vortrag werden Beispiele unter Verwendung von Materialien der archäologischen Majkop-, Katakomben- und Lola-Kultur vorgelegt.

* Diese Arbeit wurde von der Russische Stiftung für Grundlagenforschung (RFFI), Projektnummern 13-06-12003 офи_м und 15-06-01291, unterstützt.

**МИФ О ДРЕВЕ ЖИЗНИ
ПО ДАННЫМ ВАЗ ИЗ
ХАФАДЖИ (МЕСОПОТАМИЯ),
ДЖИРОФТА (ИРАН)
И МАЙКОПСКОГО КУРГАНА,
IV–III ТЫС. ДО Н.Э.**

Сергей Н. Кореневский

*Институт археологии РАН, Москва,
Россия*

В произведениях искусства Ближнего Востока, датируемых V–III тыс. до н.э., существует много изображений, которые передают образы растений, животных, птиц, фантастических существ, людей и небесных светил. Нередко они образуют устойчивые сочетания и композиции, позволяющие определить их как некие иллюстрации целого цикла мифов, связанных местом действия с Древом Жизни или волшебной страной, где находится это растение. Само Древо Жизни и его плоды, как можно понять из письменных источников и иконографии, рассматривалось как источник волшебных плодов и напитков, как пища богов, средство для достижения плодородия, вечной молодости.

**THE MYTH OF THE TREE
OF LIFE ACCORDING TO
THE CUPS FROM KHAFAJE
(MESOPOTAMIA), JIROFT
(IRAN) AND MAIKOP KURGAN,
4–3 MILL. BC**

Sergei N. Korenevskiy

*Institute of Archaeology, RAS, Moscow,
Russia*

There are many stories in the art of the Near East dating back to the V–III mill. BC, which contained many draws that evoke images of plants, animals, birds, fantastic creatures, people, and the heavenly bodies. Often they mark a stable combination and composition, allowing to define its as a kind of illustration deal with a cycle of myths associated with the scenes devote to the Tree of Life or magical country where this plant was. The Tree of Life and its fruit, as can be understood from written sources and iconography, were seen as the source of the magic meal and drinks deal with the food of the gods, a means for achieving fertility, eternal youth.

The main topic of this work is to consider such stories with examples

Цель настоящей работы – рассмотреть такие сюжеты на примере фриза на вазе из храма в Хафадже, относительно новой коллекции Джирофта, а также их аналогии в более раннем и более позднем времени. В целом охват работы связан с источниками V–III тыс. до н.э. (Метод, который использован в работе, опирается на принципы археологической типологии, а также на общеизвестное положение о том, что образы ближневосточных религий разных народов обладали большим консерватизмом, позволяющим использовать приемы *ретроспекции*).

Общая канва ближневосточной модели мифа о Древе Жизни такова.

Первый этап. В период Убейда (Халаф) на Ближнем Востоке фиксируются изобразительные сюжеты о Древе Жизни и его плодах (цветах) (V тыс. до н.э.).

Второй этап. В Урукский период изображения на печатях передают нам процессия животных, мирно идущих друг за другом. Куда они идут? Изображения на золотой диадеме из погребения 1068 в Уре, позволяют утверждать, что животные идут к Древу Жизни или в страну, где это дерево растет. Именно к этому времени относятся изображения на кубках Майкопского кургана, датируемого, примерно, серединой IV тыс. до н.э. Видимо, тогда уже существовала идея о хозяине этого Древа – звере или о божестве в образе зверя, которого мы видим на вазе Майкопского кургана.

of the frieze on the vase from the temple in Khafaje, a relatively new collection of Jiroft, as well as their counterparts in earlier and later time. In general, the scope of work associated with sources dated back to 5–3 mill. BC. (The method that used in this work is based on the principles of Archaeological typology and it is known approval, that the images of the Near East religions of different peoples had great conservatism that allows you to use the techniques of *flashbacks*).

The general outline of the Near Eastern models dealt with the myth devoted to the Tree of Life is follow.

The first stage. It is possible to fix ornaments and images on ceramics dealt with stories about the Tree of Life and its fruit (flowers in the period of Ubeid (Khalaf) in the Near East (5 mill. BC).

The second stage. Many images of the Uruk period on the seals show a procession of animals, peacefully following each other. Where do they go? We may assume on the Image on a gold diadem from the burial 1068 in Ur that animals go to the Tree of Life or in the country where that tree grows. The images on the goblet of silver of the Maikop kurgan, dating about the middle of the 4th mill. BC, belong to this period. Apparently, then, there was already the idea of the owner of this Tree as a beast of pray or the Deity in the image of the beast, which we are able to see on the vase of the Maikop kurgan.

Третий этап. В период становления цивилизации (государств) в Шумере и Иране развивается идея о власти над ресурсами Древа Жизни и борьбы за них. Источниками для анализа мифа для этого времени являются изображения на вазе из Хафаджи (Месопотамия), из коллекции Джирофта (Иран) и мозаики на пластинах из царского некрополя в Уре.

Одними из наиболее важных сюжетов мифа, отраженного на вазе из Хафаджи является следующие мотивы, которые можно назвать так: 1. Богиня, как хозяйка Древа Жизни и мироздания; 2. Битва богини со змеем, в которой на ее стороне участвуют воинственные кошачьи звери, хищная птица; 3. Битва под Древом Жизни. Избиение парнокопытных; 4. Битва между львом и быком; 5. Поражение царя зверей миксаморфными и антропоморфными монстрами с оружием людей в руках (фризы сражающихся согласно В. К. Афанасьевой).

За что идет битва вокруг Древа Жизни? Ответ, думаю, не сложен. За власть над Древом Жизни и его ресурсами. В итоге этой борьбы власть над Древом жизни переходит военным богам, которые теперь восседают на тронах, как земные вожди на земле. Власть богини войны женщины почитается, но уже не она является лидером, как мы можем наблюдать по оттискам печатей аккадского, вавилонского времени и хурритов.

The third stage. The idea of power over the resources of the Tree of Life and fight around them developed during the emergence of civilization (states) in Sumer and Iran. Sources for the analysis of the myth for this time are the images on the vase from Khafaje (Mesopotamia), from the collection of Jiroft (Iran) and in mosaics on the plates of the Royal tombs at Ur.

The most important stories of the myth reflected on the vase from Khafaje can be identified as: 1. The goddess, as the lady of the Tree of Life and as the housekeeper of the Universe; 2. The battle goddess with the serpent. On her side are involved warlike cat-like animals, a bird of prey; 3. The battle around the Tree of Life. Beating goats and sheep (artiodactyls); 4. The battle between the lion and the bull; 5. The battle of anthropomorphic creates with animals who defeat the king of beasts, lion. Some of anthropomorphic monsters acted with people's arms in the hands (friezes of fighting according to V. K. Afanasieva).

What is a battle around the Tee of Life? The answer, I think, is not difficult. It is the battle for power over the Tree of Life and its resources. Inthe end, this struggle authority over the Tree of life transfers to Gods of War, who now sit on thrones as ordinary rulers on the Earth. The power of the Goddess of War is revered, but she is not the leader, as we can observe on the seals dated back to the Akkadian,

Символами Древа Жизни постоянно является розетка-цветок. Именно ее изображения из золота найдены в Майкопском кургане и Старомышастовском кладе. Орнаменты – фестоны, как элементы цветов Древа Жизни известны еще в культуре Халафа. В Майкопском кургане они покрывают поверхность золотых бус и лбы быков-туров, именно то место где у туров находятся волосы – челка.

Комплексы из фигурок туров, надетых на стержни из серебра Майкопского кургана, представляют собой не балдахин, а символ Древа Жизни с постоянно присутствующим под ним быком – охранником.

Другим символом культа Древа Жизни и плодородия является головной убор в виде лент из золота и связанные с ним украшения.

Можно ли поставить вопрос, где находится страна, родина Древа Жизни? Один из мифов о нем однозначно указывает на горную область. Это не равнина Месопотамии. Все изображения Древа Жизни отражают страну гор.

Самый конкретный пейзаж горной области с деревом жизни передает кубок Майкопского кургана.

Подведем итог. Миф о Древе Жизни играл большую роль в идеологии обществ Месопотамии и Южного Ирана как история о власти над ресурсами плодородия, морали, права и о божественной воле, поддерживающей на земле власть военных лидеров. Он имел ярко выраженное проявление

Babylonian and the Hurrians periods.

The symbols of the Tree of Life is constantly underline with the sign of star and socket-flower. It was the image of gold which was found in the Maikop kurgan Ornaments – festoons, as elements of the flowers of the Tree of Life, are known in the Halaf culture. Its cover the surfaces of gold beads and foreheads of bulls – tours in the Maikop kurgan. The forehead of bull is the place where is hair – bang.

I guess, complexes of the figures tours put on the rods of silver founded in the Maikop kurgan were not parts of the canopy. It is more likely there were the symbols of the Tree of Life with an ever-presented beneath it the bull as its guard. Another symbol of the cult of the Tree of Life and fertility is a headdress in the form of ribbons of gold and related jewelry.

Is it possible to put the question, where is country or the Motherland of the Tree of Life? One of the myths about it indicates clearly the mountainous region. It's not a plain of Mesopotamia.

Conclusion. The myth of the Tree of Life played a very big role in the ideology of societies as a story about the power over the resources of fertility, immortality, morality, law and divine support the power of the military leaders on the Earth. It had a vivid expression in the cultures of the Near East (Lower Mesopotamia, South of Iran), including the

в культурах Переднего Востока (нижняя Месопотамия, южный Иран), включая Кавказ (майкопско-новосвободненская общность), где зафиксированные очень ранние его проявления.

С мифом о Древе Жизни связаны убранства знатных дам царского некрополя Ура. Символика богини плодородия, хозяйки Древа Жизни, нашла место даже в захоронении военного лидера, «принца» Мескаламдуга.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Благое Говедарица

Евразийское отделение, Германский археологический институт, Берлин, Германия

Майкопскую культуру изучают почти 120 лет. Благодаря многочисленным археологическим исследованиям, но, главным образом, растущему междисциплинарному сотрудничеству лишь недавно для этого культурного феномена удалось предложить, в конечном итоге, не только пространственно-временные рамки, но также достаточно надежно его датировать IV тыс. до н.э. Таким образом, были созданы предпосылки, чтобы рассмотреть эту культуру в реальном геокультурном контексте и оценить ее вклад в общую культурную динамику того периода, что, безусловно, является одним из самых важных условий культурно-

Caucasus (Maikop-Novosvobodnaya community). Image of a plant and of an animals, associated with this myth were recorded here very early in the time of the Uruk period. Then it had a important value later among the military and priestly elite, left the grave in the Royal cemetery at Ur and people of Southern Iran.

BILDENDE KUNST IN DER MAJKOP-KULTUR

Blagoe Govedarica

Eurasien-Abteilung, Deutsches Archäologisches Institut, Berlin, Deutschland

Die Majkop-Kultur wird seit nunmehr fast 120 Jahren erforscht. Wir sind dennoch erst neuerlich – dank zahlreicher archäologischer Entdeckungen, vor allem aber dank einer anwachsenden interdisziplinären Zusammenarbeit – endlich in der Lage, diese Kulturercheinung nicht nur räumlich und relativ chronologisch, sondern auch absolut chronologisch recht zuverlässig ins 4. Jt v.Chr. einzuordnen. Damit sind Voraussetzungen geschaffen worden, diese Kultur in ihrem realen geokulturellen Rahmen einzubetten und ihren Anteil an der allgemeinen Kulturdynamik dieser Zeit zu beurteilen, was sicherlich eine der wichtigsten Bedingungen für die kulturhistorische Interpretation einer

исторической интерпретации всякого доисторического образования. Все предыдущие исследования показывают, что майкопская культура была не только одной из ключевых культур своего времени и имела региональное значение, но представляла собой одно из важнейших культурных явлений до-урбанистического развития всего Старого Света.

Наряду с относительно высоко-развитой металлургией и прогрессивной социальной организацией для майкопской культуры характерны художественные изделия, качество и богатство которых неповторимы. Поразительно, что искусство не появляется как абстрактное художественное оформление ограниченного символического значения, как это принято в доисторических культурах, а, в основном, предстает в изобразительных образах на гравировках, рельефе, в небольшой скульптуре и росписи на бронзе и драгоценных металлах (золото, серебро, электрон), а также на камне. Геометрическая орнаментация и другие элементы декора посуды, популярные в синхронных культурах, почти полностью отсутствуют на майкопской керамике. Вместо этого наблюдается разнообразие изобразительных образов и техники на металле, что, в частности, предполагает владение различными технологическими навыками. Судя по художественной продукции, майкопская культура имеет

каждой урgeschichtlichen Erscheinung ist. Und allen bisherigen Erkenntnissen nach, erwies sich die Majkop Kultur nicht nur als eine der führenden Kulturen in ihrer Zeit und in ihrem geographischen Raum sondern ebenso als eine der wichtigsten Kulturerscheinungen in der vorurbanen Entwicklung der gesamten alten Welt.

Charakteristisch für die Majkop Kultur ist neben der verhältnismäßig hochentwickelten Metallurgie und der fortgeschrittenen sozialen Organisation auch die Kunstproduktion, deren Qualität und Reichtum einmalig sind. Auffallend ist, dass diese Kunstproduktion nicht als abstraktes Dekor mit keinem oder nur begrenztem Symbolwert erscheint, wie es in den urgeschichtlichen Kulturen üblich ist, sondern sich vorwiegend in bildlichen Darstellungen bzw. Gravuren, Relief, kleine Plastik und Bemalung auf Bronze und Edelmetall (Gold, Silber, Elektron) sowie auf Stein präsentiert. Die bei anderen zeitgleichen Kulturen so beliebte geometrische Ornamentik und andere auf Tongefäßen beobachteten künstlerische Ausdrucksformen, fehlen bei der hiesigen Keramik fast vollständig. Stattdessen kommt eine Vielfalt an bildlichen Darstellungen und Techniken vor, denen das Metall als Medium diente, was unter anderem eine Beherrschung von verschiedenen technologischen Fertigkeiten impliziert. Nach der Kunstproduktion beurteilt weist die

больше общего с классическими культурами, чем с одновременными доисторическими образованиями. Фигурки и гравировки майкопской культуры обнаруживают близкое сходство с аналогичной продукцией городских цивилизаций Месопотамии и Египта. Однако время расцвета сопоставимого месопотамского и египетского искусства попадает в следующее III тыс. до н.э., то есть в пост-майкопское время, что создает большие трудности для проведения сравнительного анализа.

Изобразительные образы майкопской культуры можно хорошо разделить стилистически. Имеются также четкие стилистические различия между фазами Майкоп и Новосвободная. В докладе будут обсуждены классификация этих художественных элементов, их интерпретация и возможные аналогии.

СТАТУЭТКИ В ПОГРЕБЕНИИ: ПРАВИЛО И ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПОЗДНЕЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Игорь Манзура

Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинэу, Республика Молдова

Практика погребений с антропоморфными статуэтками распространяется в Северном Причерноморье достаточно широко в позд-

Майкоп-Культур mehr Gemeinsamkeit mit den klassischen Kulturen, als mit den zeitgleichen prähistorischen Einheiten auf. Figurale Plastik und Gravuren der Majkop-Kultur zeigen eine starke Ähnlichkeit zur entsprechenden Produktion der urbanen Hochkulturen aus Mesopotamien und Ägypten auf. Allerdings fällt die Blütezeit der vergleichbaren mesopotamischen und ägyptischen Kunst in das nachfolgende 3. Jt. v.Chr., d. h. in die Nachmajkop-Zeit, was recht große Schwierigkeiten bei der Untersuchung der vorgestellten Beziehungen mit sich bringt.

Die bildlichen Darstellungen der Majkop-Kultur lassen sich stilistisch gut gliedern. Es gibt auch klare stilistische Unterschiede zwischen der Majkop- und der Novosvobodnaja-Phase. Im hier vorgelegten Referat werden diese Kunstelemente untergliedert, ihre Deutung und ihre möglichen Analogien, näher erörtert und diskutiert.

FIGURINEN IN GRAB: REGEL UND AUSNAHME IN DER SPÄTKUPFERZEITLICHE BEERDIGUNGSTRADITION DES NORDPONTISCHEN GEBIETES

Igor Manzura

Universität «Hohe Anthropologische Schule», Chişinău, Republik Moldova

In der Spätkupferzeit verbreitet sich die Praxis der Gräber mit anthropomorphen Figurinen im Nordpontischen Raum ziemlich weit. Diese Gräber gehören zu

нем энеолите. Эти захоронения относятся к разным археологическим культурам или группам: позднее Триполье СII, Чернавода I, Усатово, Нижняя Михайловка и постмариупольская (или квитянская), которые, в общем, существовали со второй четверти до конца IV тыс. до н.э. В неолитических и раннеэнеолитических культурах рассматриваемого региона такие погребения полностью отсутствовали, хотя они известны с позднего неолита на западном побережье Черного моря и в Центральной Европе. В погребальных традициях позднейших культурных групп (например, Животиловка-Волчанск), которые в конце IV тыс. до н.э. были распространены от Северного Кавказа до Карпат, этот обычай также никак не проявляется, вследствие чего можно предположить, что хронологически он сравнительно хорошо ограничен.

В настоящее время в Северном Причерноморье зарегистрировано 17 памятников и более 40 комплексов с антропоморфными статуэтками, которые главным образом сосредоточены между Днестром и Днестром. В общей сложности в этих комплексах обнаружено более 80 статуэток, которые в основном изготовлены из глины, но иногда также из кости или камня. В одном погребении могут находиться от одной до семи фигурок, хотя в 75 % комплексов содержатся 1–2 экземпляра.

verschiedenen archäologischen Kulturen oder Gruppen: Spättripolie CII, Cernavodă I, Usatovo, Untere Mihajlovka und Postmariupol (oder Kvitjanskaja), die allgemein vom zweiten Viertel bis zum Ende des 4. Jt.s v.Chr. existierten. In neolithischen und frühkupferzeitlichen Kulturen dieses Gebietes sind solche Grabkomplexe total fehlen, obwohl sie an der westliche Schwarzmeerküste und in Mitteleuropa schon seit das Spätneolithikum bekannt sind. In der Beerdigungstraditionen der spätesten Kulturgruppen (z. B. Životilovka-Volčansk), die am Ende des 4. Jt.s v.Chr. vom Nordkaukasus bis zu Karpaten verbreitet sind, erscheint sich diese Sitte nicht mehr, deshalb kann man vermuten, dass sie chronologisch genug gut begrenzt ist.

Zurzeit sind im erforschten Gebiet siebzehn Fundorten und mehr als vierzig Gräber mit anthropomorphen Figurinen entdeckt, die sich meistens zwischen den Dnepr und Dnjestr konzentrieren. Allgemein sind mehr als achtzig Figurinen im Nordpontischen Raum gefunden, die meistens aus Ton, aber manchmal auch aus Knochen oder Stein gemacht sind. In einem Grab können von 1 bis 7 Figurinen sein, obwohl in 75 % der Komplexen nur 1 oder 2 Stücke sich befinden.

Trotz der deutlichen Unterschiede in Grabritus zwischen verschiedenen Kulturarealen, gibt es einige gemeinsame Regeln, die ziemlich standfest sind. Zuerst sind die anthropomorphen Figurinen normalerweise

Несмотря на очевидные различия в погребальном обряде отдельных культурных ареалов, выявляются определенные общие правила, обладающие заметной устойчивостью. Прежде всего, антропоморфные статуэтки преимущественно соотносятся с погребениями детей в возрасте до 10–12 лет. Даже в коллективных могилах, где погребены индивиды разного возраста, фигурки залегают у детских скелетов. Некоторые находки происходят из т. н. культовых ям (например, в Усатовском могильнике), которые, в сущности, вероятно, представляют собой погребения с несохранившимися детскими скелетами. Очень часто (более 70 %) статуэтки находятся у головы погребенного и гораздо реже – возле рук, ног или на некотором расстоянии от тела. Из других предметов инвентаря в погребениях довольно часто встречаются керамические сосуды, которые в погребениях, по крайней мере, бугского и днепровского регионов в целом, содержатся не очень часто.

Известно всего лишь несколько исключений, когда антропоморфные статуэтки сопровождают захоронения взрослых индивидов. К ним, например, можно отнести мужские погребения: 18 – из Выхватинского могильника и 25 – из второго грунтового могильника в Усатово; женское погребение 1 кургана 6 в Маяках и коллективное погребение 26 кургана 6 в Зеленом Гае. Если связь детей

mit Kindergräber verbunden. Sogar in Kollektivgräber, wo Individuen der verschiedenen Alter begraben sind, befinden sich die Figurinen nur bei den Kindern. Manche Funde kommen auch aus so genannten Kultgruben (z. B. in Usatovo-Gräberfeld), die tatsächlich Kindergräber mit nicht erhaltenen Skeletten sein können. Sehr oft (mehr als 70 %) liegen die Statuette neben dem Kopf und viel seltener bei der Armen, Beine oder am merklichen Abstand vom Körper. Aus anderen Beigaben kommen oft in Gräber auch Gefäße zum Vorschein, die auf andere Seite in Grabritus besonders im Bug- und Dnepr-Gebiet relativ selten sind.

Es gibt nur einzelne Ausnahme, wann anthropomorphe Figurinen in Gräber mit erwachsenen Personen gelegt sind. Die sind z. B. Männergräber: 18 – in Vychvatincy-Gräberfeld und 25 – in Usatovo-Flachgräberfeld; Frauengrab 1 aus Hügel 6 in Majaki-Gräberfeld; Kollektivgrab 26 aus Hügel 6 in Zeljonyj Gaj. Wenn ein Verband der Kinder mit Figurinen in Gräber durch ihr Alter bedingt ist, kann die Präsenz dieser Funde in Erwachsengräber andere Gründe haben. In verschiedenen Urgesellschaften sind Kinder normalerweise vor dem Erregungszereemonie als sozial nicht geborene betrachtet, deswegen erhalten sie besonders starke Verbindung mit der mythischen Welt und teilweise diese Welt vertreten. Und diese Beziehungen sind durch Assoziation zwischen

в погребениях со статуэтками обусловлена их возрастом, то появление этих изделий в захоронениях взрослых может быть обусловлено другими причинами. В различных первобытных обществах дети до прохождения обряда инициации рассматриваются как еще не родившиеся в социальном отношении, в силу чего они сохраняют особенно сильную связь с мифическим миром и частично этот мир представляют. И эти отношения выражаются предельно четко посредством ассоциации между статуэтками и детьми в возрасте до 10–12 лет, поскольку сами фигурки имели особое значение и в ритуальной сфере могли представлять изображения божеств или предков, т. е. обитателей потустороннего мира. С другой стороны, статуэтки в погребениях взрослых могли выражать аналогичные отношения, однако они могли носить несколько иной характер и, возможно, были обусловлены особым социальным статусом погребенного, например, как специалиста в области сверхъестественного. Кроме того, некоторые погребения со статуэтками могли вмещать взрослых по возрасту индивидов, которые вследствие каких-то физических или психических отклонений оказались не в состоянии пройти обряд инициации и в силу этого сохранили прежний возрастной статус.

Фигурин и Kinder mit dem Alter vor 10–12 Jahre ganz deutlich demonstriert, da die Figurinen selbst besonderer Bedeutung gehabt und in Ritualpraxis als Götten- oder Ahnendarstellungen regelmäßig benutzt konnten. Auf andere Seite konnten die Figurinen in Erwachsenengräber gleiche Beziehungen darstellen, aber die letzte konnte anderer Charakter haben und durch besonderen sozialen Status bedingt sind, z. B. als einen Spezialist in übernatürlichen Aktivitäten. Außerdem konnten manche Erwachsenengräber mit Figurinen zu Personen gehören, die wegen ihres physischen oder mentalen Zustands durch Erregungszeremonie rechtzeitig nicht gegangen konnten und ihren ursprünglichen Status erhalten haben.

**ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ И
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
СВЯТИЛИЩ С БРОНЗОВОЙ
АНТРОПОМОРФНОЙ
ПЛАСТИКОЙ КАВКАЗА И
ПЕРЕДНЕГО ВОСТОКА
(IV-I ТЫС. ДО Н.Э.)**

Ольга А. Брилева

*Государственный музей искусства
народов Востока, Москва, Россия*

Трансформация эгалитарного общества в ранговые структуры связана с развитием металлопроизводства (Авилова 2011: 25). Она сопровождается появлением культовых сооружений и металлических предметов с символической нагрузкой. Святилища и храмы раннегородской и раннегосударственной цивилизации ближневосточного типа являлись не только культовыми центрами, но и субъектами административной и хозяйственной деятельности. Своеобразная «храмовая экономика» сформировалась и на Южном Кавказе в период позднего бронзового века и раннем железном веке (XV–IV вв. до н.э.), сохранившись вплоть до начала XX вв. в некоторых уголках Кавказа (Бардавелидзе 1949). Хотя отсутствуют прямые аналогии, но можно проследить схожие этапы развития общества.

Святилища и храмы на Ближнем Востоке: в Восточной и Юго-Восточной Анатолии, Северной Сирии и Месопотамии, – развиваются с периода позднего Убейда. К урукскому периоду в культовых

**QUELLEN UND
VERGLEICHENDE ANALYSE
VON HEILIGTÜMERN MIT
ANTHROPOMORPHER
BRONZEPLASTIK KAVKASIENS
UND DES VORDEREN ORIENTS
(4.-1. JT. V.CHR.)**

Olga A. Brileva

*Staatliches Museum für Orientalische
Kunst, Moskau, Russland*

Die Entstehung von elitärer Gesellschaft mit Rangstrukturen steht mit der Entwicklung der Metallbearbeitung im Zusammenhang (Авилова 2011: 25). Sie wird vom Auftreten kultischer Einrichtungen und von Metall-erzeugnissen mit symbolischer Bedeutung begleitet. Die Heiligtümer und Tempel der frühstädtischen und frühstaatlichen Zivilisation im Vorderen Orient waren nicht nur Kultzentren, sondern auch Zentren administrativer und wirtschaftlicher Tätigkeit. Eine eigenartige «Tempelökonomik» bildete sich auch in Südkasien in der späten Bronze- und frühen Eisenzeit (15.–4. Jh. v.Chr.) heraus; sie hat sich an einigen Stellen bis zum Anfang des 20. Jhs. erhalten (Бардавелидзе 1949). Obwohl direkte Analogien fehlen, lassen sich doch ähnliche Etappen der gesellschaftlichen Entwicklung verfolgen.

Die Heiligtümer und Tempel im Nahen Osten – in Ost- und Südostanatolien, Nordsyrien und Mesopotamien – entwickeln sich seit der frühen Obejd-Periode. Für die

комплексах археологически зафиксированы находки металлических предметов с символической нагрузкой. Это период появления при храмах антропоморфных изображений, выполненных в различной технике (Авилова 2011: 26). Одно из самых ранних антропоморфных изображений – на навершии из клада Нахаль Мишмара (XLIII–XXXI вв. до н.э.), которое выполнено по сложной технологии восковой модели из высоколегированных сплавов меди-мышьяка-сурьмы (Авилова 2013: 41).

В III тыс. до н.э. круг памятников, содержащих особо ценные и символически значимые металлические находки, расширяется за счет царских некрополей Месопотамии и Анатолии (Ур, Аладжахююк, Хорозтепе, Караташ) и кладов (Троя II, Эскияпар). Широко известны статуэтки из Аладжи и Хорозтепе. Металл применяется в культовой антропоморфной пластике Северной Сирии (клад из Тель Джудейде). С месопотамскими храмовыми комплексами связаны антропо- и зооморфные закладные конусы. К концу III тыс. до н.э. относятся массовые находки металлических антропоморфных статуэток и других металлических предметов в кладах на территории храмов в Библе (Авилова 2012: 25).

Появление в эпоху поздней бронзы погребений и святилищ с бронзовой антропоморфной пластикой на Южном Кавказе

Uruk-Periode sind in Kultkomplexen Funde von Metallgegenständen mit symbolischer Bedeutung archäologisch fixiert. In dieser Periode treten in den Tempeln erste anthropomorphe Darstellungen auf, die in verschiedener Technik ausgeführt wurden (Авилова 2011: 26). Eine der frühesten anthropomorphen Darstellungen auf einem Griff/Knauf kommt aus dem Hort von Nahal' Mishmar (Israel) (4300–3100 v.Chr.). Sie wurde in einer komplizierten WachsmodeLLtechnologie aus einer hochlegierten Schmelze von Kupfer, Arsen und Antimon hergestellt (Авилова 2013: 41).

Im 3. Jt. v.Chr. erweitert sich der Kreis der Denkmäler, in denen besonders wertvolle und symbolträchtige Metallfunde gemacht wurden, durch die Königsnekropolen Mesopotamiens und Anatoliens (Ur, Aladjachjuk, Choreztepe, Karatasch) und durch Schatzfunde (Troja II, Eskijapar). Weithin bekannt sind die Statuetten aus Aladshi und Choreztepe. Metall wurde auch in der anthropomorphen Kultplastik Nordsyriens (Hort aus Tell Judejda) verwendet. Mit mesopotamischen Tempelkomplexen verbunden sind anthropo- und zoomorphe Konusse. Zum Ende des 3. Jt. v. Chr. gehören Massenfunde von anthropomorphen Statuetten aus Metall und anderer Metallgegenstände zur Ausstattung etwa des Tempelbereichs von Byblos (Авилова 2012: 25).

Das Auftreten von spätbronzezeitlichen Gräbern und Heiligtümern

показывает схожие этапы развития общества. Несмотря на хронологический разрыв в две–три тысячи лет, среди изобразительно-го ряда священных предметов обнаруживаются общие сюжетные композиции и предметы. К таким предметам относятся не только бронзовые скульптуры небольшого размера, навершия, но и «короны» из Нахаль Мишмар, сходные с пластинами из клада и святилищ на территории крепостей. Их объединяет округлая форма, изображения строений и различных живых существ.

«Короны» входили в состав клада из Нахаль Мишмара, состоящего из 416 медно-бронзовых предметов. Здесь обнаружено 10 «корон» – цилиндрических объектов, литых из меди, высотой 8–10 см и диаметром 9–15 см (Bar-Adon 1980: № 24–39). Три короны представляют собой цилиндры со слегка расширенными краями, остальные несут изображения рогов, головок животных, птиц, «ворот» или имеют гравированный линейный орнамент. Предметы подобного облика специфичны для культурного комплекса Гхасул-Беершева, аналогии им пока неизвестны. Ряд авторов (Bar-Adon 1980: 132; Epstein 1978: 26; Tadmor 1986) усматривают сходство корон с глиняными оссуариями, а также с мотивами росписи на стене общественного здания в Телейлат Гхассуле, в частности, изображение 8-лучевой звезды

mit anthropomorpher Bronzeplastik in Südkaukasien weist auf ähnliche Etappen der gesellschaftlichen Entwicklung hin. Trotz einer langen chronologischen Unterbrechung zu den mesopotamischen Funden lassen sich in der Reihe der Darstellung von Kultgegenständen gemeinsame Sujetkompositionen und Gegenstände beobachten. Zu solchen Gegenständen gehören nicht nur kleine Bronzeskulpturen auf einem Keule sondern auch die «Kronen» aus Nahal' Mishmar, die den Scheiben aus dem Schatz und den Heiligtümern in Dagestan ähneln. Gemeinsam sind ihnen die runde Form sowie die Darstellung der Strukturen und verschiedener Lebewesen.

Die «Kronen» gehören zum Schatz aus Nahal' Mishmar, der aus 416 Kupfer-Bronzegegenständen besteht. Gefunden wurden hier 10 «Kronen» – zylindrische Objekte, aus Kupfer gegossen, 8–10 cm hoch und 9–15 cm im Durchmesser (Bar-Adon 1980: Nr. 24–39). Drei «Kronen» bilden Zylinder mit leicht erweiterten Rändern; die übrigen tragen Darstellungen von Hörnern, Tierköpfen, Vögeln, «Toren» oder ein graviertes Liniensymbol. Gegenstände solcher Form sind spezifisch für den Kulturkomplex Ghassul-Beersheva, für den bisher Analogien fehlen. Einige Autoren (Bar-Adon 1980: 132; Epstein 1978: 26; Tadmor 1986) sehen Ähnlichkeiten der «Kronen» mit Tonosсуариями, aber auch mit Motiven

(Bar-Adon 1980: 133, fig.). П. Мури (Moorey 1988) предлагает трактовать короны как модели кругло-плановых сооружений – загонов для скота, что находит параллели в месопотамской глиптике, или как места, предназначенные для выставления умерших (при этом в фигурках птиц, помещенных на некоторых коронах, можно видеть коршунов). Такая трактовка соответствует погребальной практике культуры Гхассул-Беершева.

Любопытно, что все перечисленные трактовки изображений на «коронах» встречаются и в отношении кавказских пластин. Отлитые из бронзы округлые площадки из Гамдлицкаро, Нор-Баязед, Кайцун берд, Мосесгюх с поднятыми вверх краями и припаянными на них антропо- и зооморфными фигурками (Брилева 2012: Кат. 290, 292, 407, 408) находят аналогии на территории современных Армении и Грузии. Все они относятся к VIII–V вв. до н.э. Из 4 площадок 2 найдены на территории крепости и 1 – в составе клада. Им так же нет аналогий, а трактовки предметов схожи.

В эпоху средней бронзы на Южном Кавказе в рамках триалетской культуры существовало орошение (Киквидзе 1987: 73), которое могло осуществляться с помощью каналов и овражных вод (Пицхелаури 1973: 51–52). Общество стояло на пороге формирования ирригационного земледелия, способствовавшего появлению

der Wandmalerei eines öffentlichen Gebäudes in Telejlat Ghassul, besonders in der Darstellung eines achtstrahligen Sterns (Bar-Adon 1980: 133, fig.). P. Moorey (Moorey 1988) schlägt vor, die «Kronen» als Modelle für Rundbauten – Viehhürden – aufzufassen, was Parallelen in der mesopotamischen Glyptik findet, oder als Plätze zur Aufbahrung von Toten (wobei man in den Vogelfiguren, die auf einigen «Kronen» dargestellt sind, Geier sehen könnte). Eine solche Auffassung entspricht der Bestattungspraxis der Kulturen Ghassul-Beerschewa.

Interessanterweise begegnen alle aufgezählten Auffassungen der Darstellungen auf den «Kronen» auch in Bezug auf die kaukasischen Scheiben. Die aus Bronze gegossenen Rundobjekte aus Gamdliszkarо, Nor-Bajazed, Kajzun Berd, Mosesgjuх mit aufgewölbten Rändern und aufgelöteten anthropo- und zoomorphen Figuren (Брилева 2012: Кат. 290, 292, 407, 408) finden Analogien auf dem Gebiet des heutigen Armenien und Georgien. Sie alle gehören ins 8.–5. Jh. v.Chr. Von den vier Objekten kommen zwei aus dem Bereich einer Festung und eines aus einem Schatz. Sie haben keine Analogien, sind aber in der Ausführung ähnlich.

In der mittleren Bronzezeit gab es im Südkaukasus im Rahmen der Trialeti-Kultur ein Bewässerungssystem mit Kanälen und abgeleitetem Flusswasser (Пицхелаури 1973:

антропоморфных божеств. «Кроны» и пластины иллюстрируют отлитые в бронзе сакральные обряды, потребность в изображении которых возникает в земледельческих обществах, стоящих на схожих этапах развития.

51–52). Die Gesellschaft stand also an der Schwelle zur Formierung einer Irrigationslandwirtschaft, die das Auftreten anthropomorpher Gottheiten begünstigte. Die «Kronen» und Scheiben illustrieren in Bronze gegossen die Sakralordnung und -bräuche, deren Darstellung in sich auf ähnlichem Entwicklungsstadium befindlichen Ackerbaugesellschaften notwendig wird.

**КАВКАЗ КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО
МЕЖДУ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПОЙ И ПЕРЕДНИМ ВОСТОКОМ:
ДИАЛОГ КУЛЬТУР, КУЛЬТУРА ДИАЛОГА
(К 140-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА А. МИЛЛЕРА)**

Материалы Международной научной археологической конференции
и Гумбольдт-лектория
(5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург)

Редакторы М. Т. Кашуба, С. Райнхольд, В. А. Алёшкин
Художественный редактор И. Н. Лицук
Корректор М. Л. Беличева
Верстка И. Н. Лицук

Подписано в печать 14.09.2015. Формат издания 60×84 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.
Тираж 200 экз. Усл. печ. л. 13,00. Заказ 558.

ООО «Невская Книжная Типография».
Россия 192029, г. Санкт-Петербург, ул. Крупской, д. 33, литер А, пом. 10-Н

9 785990 714915

ISBN 978-5-9907149-1-5